

ISSN 2587-7844

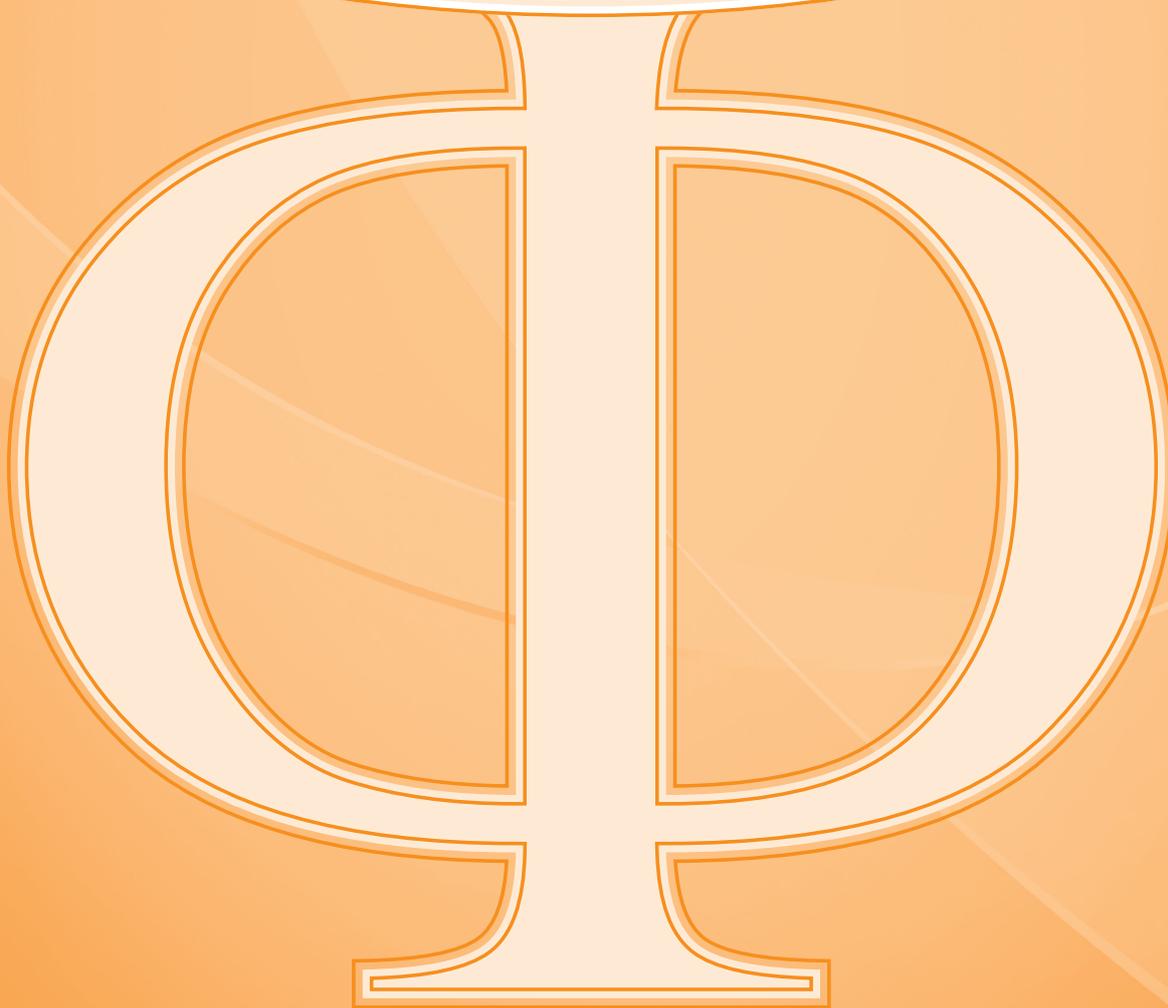
# СИБИРСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФОРУМ



Красноярского государственного  
педагогического университета  
им. В.П. Астафьева



2022. № 3 (20)



#### Учредитель

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева (КГПУ им. В.П. Астафьева)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл № ФС 77-70429 от 20 июля 2017 г.

Языки: русский, английский

Доменное имя сайта в информационно-телекоммуникационной сети Интернет (для сетевого издания): SIBFIL.RU

#### История журнала

В 2016 г. на базе университета был проведён Сибирский филологический форум, собравший филологов России и зарубежья и ставший местом дискуссий и обмена идеями, наработками, проектами. Данное событие послужило поводом для создания журнала, на страницах которого не одновременно, а регулярно можно было бы проводить подобные обсуждения, делать обзоры, сообщать о значимых событиях в области филологии

#### Задачи и тематика журнала

Публикация оригинальных научных исследований по филологии 10.00.00

Дискуссии и обзоры по актуальным проблемам филологии

Рецензии на статьи и монографии российских и зарубежных филологов

Освещение научных филологических событий (конференций, круглых столов, семинаров, научных школ)

Хроники региональных исследований  
Все статьи проходят трехступенчатое рецензирование

#### Издательство

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева.  
Россия, 660049, Красноярск,  
ул. А. Лебедевой, 89, каб. 3-20а

#### Индексирование

С 1 марта 2021 г. журнал включен ВАК в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Журнал включен в международную ассоциацию издателей CrossRef, которая разрабатывает общую инфраструктуру (CrossRef DOI) для поддержки наиболее эффективной научной коммуникации (публикациям журнала присваивается идентификатор DOI – индексированная ссылка к постоянно-местонахождению статьи для получения необходимой информации о ней)

Журнал размещен в системе научной электронной библиотеки «КиберЛенинка»

Журнал размещается на платформе публикаций Readera

#### Редакционная коллегия

##### Editorial board

**Васильева С.П.**, доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева (главный редактор)  
**Vasilieva S.P.**, Doctor of Philology, Professor, Krasnoyarsk state pedagogical University named after V.P. Astafyev (Editor-in-chief)

**Ковтун Н.В.**, доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева (зам. главного редактора)  
**Kovtun N.V.**, Doctor of Philology, Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Deputy Editor-in-chief)

**Васильев А.Д.**, доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева  
**Vasiliev A.D.**, Doctor of Philology, Professor, Krasnoyarsk state pedagogical University named after V.P. Astafyev

**Войводиц Ясмينا**, доктор филологических наук, профессор, Университет Загреб (Хорватия)  
**Voynovich Yasmina**, Doctor of Philology, Professor, University of Zagreb (Croatia)

**Казыдуб Н.Н.**, доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева  
**Kazydub N.N.**, Doctor of Philology, Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev

**Нурғали Кадиша Рустембекқызы**, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русской филологии, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева (Нур-Султан, Республика Казахстан)  
**Nurgali Kadisha Rustembekkyzy**, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian Philology, L.N. Gumilev Eurasian National University (Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan)

**Осетрова Е.В.**, доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева  
**Osetrova E.V.**, Doctor of Philology, Professor, Krasnoyarsk state pedagogical University named after V.P. Astafyev

**Пикколо Лаура**, профессор, Университет РИМ-3 (Италия)  
**Piccolo Laura**, Professor, RIM-3 University (Italy)

**Проскурина Е.Н.**, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт филологии СО РАН (Новосибирск)  
**Proskurina E.N.**, Doctor of Philology, Chief Researcher, Institute of Philology of SB RAS (Novosibirsk)

**Садырина Т.Н.**, кандидат филологических наук, доцент, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева  
**Sadyrina T.N.**, PhD in Philology, Associate Professor, Krasnoyarsk state pedagogical University named after V.P. Astafyev

**Софронова Т.М.**, кандидат филологических наук, доцент, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева  
**Sofronova T.M.**, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev

**Тышковка-Каспршак Эльжбета**, доктор филологических наук, профессор, Вроцлавский университет (Польша)  
**Elzbieta Tyszkowska-Kasprzak**, Doctor of Philology, Professor, Wroclaw University (Poland)

**Цветова Н.С.**, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет  
**Tsvetova N.S.**, Doctor of Philology, Professor, St. Petersburg State University

**Черняк В.Д.**, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург)  
**Cherniak V.D.**, Doctor of Philology, Professor, Herzen Russian State Pedagogical University (St. Petersburg)

**Шмельёва Т.В.**, доктор филологических наук, профессор, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого (Великий Новгород)  
**Shmeleva T.V.**, Doctor of Philology, Professor, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod)

# СОДЕРЖАНИЕ TABLE OF CONTENTS

## ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

### *К юбилею В.Г. Распутина*

**Н.В. Ковтун**  
ГЕРОИ-МУЖЧИНЫ В ПОИСКАХ МУДРОСТИ  
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРОЗЫ В. РАСПУТИНА)  
**N.V. Kovtun**  
MALE HEROES IN SEARCH OF WISDOM  
(ON THE MATERIAL OF V.G. RASPUTIN'S PROSE)  
[ 4 ]

### *Русская литература: поэтика, проблематика, издательские практики*

**Е.А. Папкова**  
ДЛЯ НУЖД РОДНОГО КРАЯ:  
ВСЕВОЛОД ИВАНОВ – ИЗДАТЕЛЬ  
**E.A. Papkova**  
FOR THE NEEDS OF THE NATIVE LAND:  
VSEVOLOD IVANOV – PUBLISHER  
[ 19 ]

**Л.В. Гаврилова, М.В. Ларина**  
МОТИВ ПАМЯТИ И ЕГО ТРАНСФОРМАЦИЯ  
В ЛИТЕРАТУРЕ  
СОВЕТСКОЙ И ПОСТСОВЕТСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ  
**L.V. Gavrilova, M.V. Larina**  
THE MOTIF OF MEMORY AND ITS TRANSFORMATION  
IN LITERATURE OF SOVIET AND POST-SOVIET REALITY  
[ 35 ]

**К.Р. Нургали, А.Г. Уайсбаева**  
АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ МОТИВЫ  
В РОМАНЕ Л. УЛИЦКОЙ «МЕДЕЯ И ЕЕ ДЕТИ»  
В КОНТЕКСТЕ ГЕНДЕРНОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ  
**K.R. Nurgali, A.G. Uaisbayeva**  
AXIOLOGICAL MOTIFS  
IN L. ULITSKAYA'S NOVEL MEDEA AND HER CHILDREN  
IN THE CONTEXT OF GENDER PROBLEMS  
[ 48 ]

**А.И. Гонtareва**  
МОТИВ СИРОТСТВА В РОМАНАХ Л. УЛИЦКОЙ:  
СЛУЧАЙ ШУРИКА КОРНА И МИХЕЯ МЕЛАМИДА  
**A.I. Gontareva**  
ORPHANHOOD MOTIF IN NOVELS BY L. ULYTSKAYA:  
THE CASE OF SHURIK KORN AND MICHEY MELAMID  
[ 56 ]

**А.В. Бурьлова**  
ПЕРЕВЕРНУТАЯ ЖЕНСТВЕННОСТЬ: ОБРАЗ МАТЕРИ  
В РОМАНЕ ОКСАНЫ ВАСЯКИНОЙ «РАНА»  
**A.V. Burylova**  
REVERSED FEMININITY: THE IMAGE OF A MOTHER  
IN THE NOVEL BY OKSANA VASYAKINA "THE WOUND"  
[ 69 ]

### *Современное литературоведение в зеркале европейской традиции: поэтика, прагматика, вопросы перевода*

**О.Е. Гевель, Н.С. Шалимова**  
РОМАНЫ Д. ТАРТТ И ДЖ.К. РОУЛИНГ:  
ПОЭТИКА, ПРАГМАТИКА, КОНТЕКСТ  
**O.E. Gevel, N.S. Shalimova**  
NOVELS BY D. TARTT AND J.K. ROWLING:  
POETICS, PRAGMATICS, AND CONTEXT  
[ 78 ]

**Е.Е. Приказчикова**  
МИФОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС АНГЛИЙСКОГО СЕРИАЛА  
«РОБИН ИЗ ШЕРВУДА» (1984–1986)  
**E.E. Prikazchikova**  
MYTHOLOGICAL DISCOURSE OF THE ENGLISH SERIES ROBIN  
FROM SHERWOOD (1984–1986)  
[ 90 ]

**Н.А. Грищенко, Е.О. Ершова, В.В. Корниенко, М.А. Старшева**  
ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО АНГЛОЯЗЫЧНОЙ АУДИТОРИИ  
С ТВОРЧЕСТВОМ НИКОЛАЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ГОГОЛЯ  
**N.A. Grishchenko, E.O. Ershova, V.V. Kornienko, M.A. Starshева**  
THE FIRST ACQUAINTANCE OF THE ENGLISH-SPEAKING WORLD  
WITH THE WORKS OF NIKOLAY GOGOL  
[ 109 ]

### *Рецензия*

**Н.С. Цветова**  
Рецензия на книгу: Голубков М.М. Зачем нужна русская  
литература? Из записок университетского словесника.  
М.: Прометей, 2021. 344 с.  
**N.S. Tsvetova**  
Book review: Golubkov M.M. Why do we need Russian literature?  
From the notes of a university linguist.  
Moscow: Prometey, 2021. 344 p.  
[ 126 ]

## ЯЗЫКОЗНАНИЕ

### *Актуальные проблемы современного языкознания*

**И.В. Архипова**  
АКТУАЛИЗАЦИЯ ФИНАЛЬНО-ТАКСИСНОЙ КАТЕГОРИАЛЬНОЙ  
СЕМАНТИКИ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ  
**I.V. Arkhipova**  
ACTUALIZATION OF THE CATEGORIAL SEMANTICS  
OF FINAL TAXIS IN THE MODERN GERMAN LANGUAGE  
[ 130 ]

### *Прикладные аспекты языкознания*

**А.Г. Тимченко, Н.А. Бурмакина**  
ОБРАЗ ИДЕАЛЬНОГО УЧИТЕЛЯ:  
ЛИНГВОАКСИОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ  
**A.G. Timchenko, N.A. Burmakina**  
IMAGE OF AN IDEAL TEACHER: LINGUOAXIOLOGICAL RESEARCH  
[ 138 ]

**П.Н. Трущелёв**  
ПРОБЛЕМНОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ В УЧЕБНОМ ТЕКСТЕ  
И ЧИТАТЕЛЬСКИЙ ИНТЕРЕС  
**P.N. Trushchelev**  
PROBLEM-BASED EXPOSITION IN TEXTBOOKS  
AND READERS' INTEREST  
[ 152 ]

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ  
[ 167 ]

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2022-20-3-120>

УДК 82.09

## ГЕРОИ-МУЖЧИНЫ В ПОИСКАХ МУДРОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОЗЫ В. РАСПУТИНА)

**Н.В. Ковтун (Красноярск, Россия)**

### Аннотация

Работа посвящена проблеме поиска и обретения *мужской мудрости* в малой прозе В. Распутина. Художественная парадигма, связанная с темой мужской мудрости, вбирает судьбы *патриархальных мужчин, юродивых, загадочных старцев* как вестников, связанных с тайной инобытия, и *афонских монахов*, молящихся за русскую землю. Самым сосредоточенным искателем мудрости становится, однако, *автор*, для которого главный вопрос – вопрос о судьбе родного дома, земли, ее трагической истории и возможности исхода. Путешествие героев в поисках истины осуществляется по ту и по эту сторону бытия, в вещих снах, видениях, что актуализирует образы загадочных старцев – авторских «двойников» в иных пределах. Образ мужчины-созидателя, строителя в прозе художника только намечен, периферичен, этим и объясняется философия эскапизма, которую исповедуют молчальники и отшельники поздних текстов. Деятельное начало, связанное с защитой семьи, рода, преобразованием форм традиционной веры, остается за сильными, волевыми, свободными от всех соблазнов *бабами-богатырками*.

*Проблема* – анализ типологии образов героев-мужчин как искателей истины.

*Научным основанием* работы стали исследования по творчеству В. Распутина, современной русской прозе в целом, по типологии характеров, претерпевшей серьезные изменения в литературе рубежа XX–XXI вв.

**Ключевые слова:** В. Распутин, поиск истины, гендер, мужская мудрость.

Проза В. Распутина традиционно вписывается современной критикой, литературоведением в *духовно-мистическую парадигму* мировой и отечественной словесности [Рыбальченко, 2008, с. 6–25; Галимова, 2014, с. 66–76], восходящей к средневековой литературе (видения, жития), значимую в классических произведениях XIX столетия (Н. Гоголь, Ф. Достоевский), достигшей вершины в текстах модернистов (символисты, М. Булгаков, Д. Андреев) [Дашевская, 2015, с. 432], модель творчества которых особенно близка автору «Прощания с Матерой» (1976) – возделывание реальности словом. Религиозно-мистический опыт художников сопряжен с обретением *сокровенного знания* о мире сверхчувственной реальности, находящейся по ту сторону бытия человека, получающей символическое выражение (*врата, двери, покров, вспышка света, звон/звук/зов*). Визионер, как и мист (*искатель истины*), ищет ответы на ключевые вопросы онтологии, этиологии, философии и эсхатологии Творения: сотворение мира, постижение Бога, субстанциональность добра или зла, конечность или бесконечность мироздания и бытия человеческой души [Козлова, 1996, с. 34–64]. В отечественной культуре само понятие *истины* связано с религиозными умонастроениями и национальными особенностями мировосприятия.

Сразу оговорим, темы *поиска истины и обретения мудрости* в творчестве художника взаимообусловлены, обретение мудрости ассоциируется с опытом (родовым, социальным), памятью – земным бытием, полнота истины, напротив, открывается за последней чертой, требует особой чуткости, эзотерического инструментария. В древнеславянской письменности тема мудрости связана прежде всего с идеей святой Софии Премудрости Божией. В «Повести временных лет» «акт крещения Руси становится актом ее просвещения» [Рождественская М.В., Рождественская Т.В., 2005, с. 28]. Строительство Софии Киевской соотносится с распространением книжности, почитанием «книжных людей» (переводчиков и переписчиков). Образ кн. Ярослава, при котором закладывается храм Софии, заставляет летописца вспомнить другого мудреца, «сеятеля» и «строителя», ветхозаветного царя Соломона. В этом контексте обретение мудрости фактически означает обретение *Благодати*. Постигание мудрости возможно через св. крещение, чтение книг Священного Писания. *Земная мудрость* царя Соломона, однако, никого не спасает, спасительна только вера, поэтому верующий простец оказывается ближе к прозрению, чуду. В творчестве В. Распутина [Ковтун, 2015, с. 58–74], В. Астафьева [Плеханова, 2016, с. 218–242], наследующего им М. Тарковского сокровенные героини отмечены софиологическими признаками.

В. Распутин как художник мистического плана опирается в своих исканиях, интуициях на личный опыт, воспоминания, художественные озарения, которыми и наделяет *автобиографического героя* (нарратор в рассказах «Что передать вору?», «Наташа», 1981, «Видение», 1997, «В непогоду», 2003, «Байкал передо мною...», 2003; в очерке «На Афоне», 2014) или *сокровенного персонажа* («Вниз и вверх по течению», 1972, «В больнице», 1995, «Под небом ночным», 2002), чья история структурирует текст. Одним из художественных открытий автора стало *визионерство крестьянского самосознания*, воплощенное через образы *мудрых старух*, которым даны вещие сны, способность общения с предками, дар интуиции, пророчества: «Мудрость старости в литературе второй половины XX века несут не старики, а старухи» [Рыбальченко, 2012, с. 226]. «Старухи “измышлены” как идеальные образы человека разумного, любящего, ответственного – а все это атрибуты сознания. Вместо подсознания и бессознательного у героинь Распутина глубины памяти и интуиция запредельного, они говорят на ясном и даже афористичном языке, проявляют необыкновенную пронизательность, великодушные, справедливости, свободны от суетных страстей – так являет себя персонификация мудрости», – считает критика [Плеханова, 2014, с. 136]. Нарушение пророчицами границ дозволенного защищено ритуалами и происходит в критические моменты предчувствия смерти, гибели родовой земли, оскорбления святынь. В статье «Cherchez la femme» В. Распутин рассуждает о внутренней сущности подлинной женщины, среди важнейших признаков которой: «отсвет богородичности», материнство, женственность, учительство, любовь. «Но над этим кругом возвышается еще и купол, являющийся веровой надмирностью, выходом из мирского в небесное» [Распутин, 2007, с. 376].

Примечательно, что на этом фоне вопрос о *мужской мудрости* становится периферийным, почти не привлекающим внимание исследователей, что определяет безусловную *новизну* данного исследования.

*Результаты исследования.* Ключевые мужские ипостаси в русском национальном сознании понимаются как *Государство* и *Народ*: законный добропорядочный супруг и хмельной возлюбленный – в интерпретации Г. Гачева [Гачев, 2007, с. 294]. С этой позиции и рассмотрим творчество В. Распутина: в зрелых текстах мастера мужчины уже не способны решать традиционные задачи. Они теряются, несостоятельны и с позиции *водительства* (растерянность власти) [Сваровская, 2007, с. 112–123], *охранительности* (пропавшие отцы, не умеющие отстоять семью/дом), и с точки зрения перспективы *личного подвига* (отсутствие чувственного героя-любownika, спасающего Красоту), и с точки зрения *существующего опыта* (профанация образа старика, с которым в патриархальной культуре связывается *категория мудрости*). Заметим, ситуация разочарования в мужской созидательной силе и мудрости – общая для авторов рубежа XX–XXI вв. Уход, поражение мужчины как главы рода, ответственного за его сбережение, будущее детей, зафиксировал поздний традиционализм и «новый реализм»: от «Холюшина подворья» (1979) Б. Екимова до его же романа «Пиночет» (2000), от «Елтышевых» (2009) Р. Сенчина до его же «Дождя в Париже» (2019). Герой «Пиночета» сохранил знание собственного удела, мужество самостояния, но выбивается из последних сил, обречен.

Стоит отметить появление нового типа героев – *бичей*. В отечественной прозе они заявлены в текстах Вен. Ерофеева, В. Маканина, описываются сегодня М. Тарковским, отчасти Р. Сенчиным без нарочитого осуждения, без дидактики, но скорее с удивлением, а порой и сочувствием, когда в падшем человеке воскресает Душа, как это происходит с Ванькой из рассказа Тарковского «Фундамент». Особое положение среди отверженных занимают *алкоголики-инородцы*, опустившиеся, забывшие себя люди. Их судьбы – свидетельство пагубного влияния цивилизации на исконные народы Сибири и Севера, так исторические преобразования получают экзистенциальное измерение. Внимание к образам спившихся остяков идет и от понимания трагедии родовой. Исконное население Севера утратило сакральные основы бытия: национальный язык, веру, культуру, оказавшись «чужими» на собственной земле [Вальянов, 2019]. Старики, которым дано особое знание, мудрость, в современной прозе практически отсутствуют. Как правило, это озлобленные, одинокие, замкнутые люди, задавленные страхом собственной немощи, нищеты и смерти. Драму распада, превращение живого в неживое передает О. Славникова в романе «Бессмертный» (2001), где все свои силы умирающий парализованный старик сосредоточивает на том, чтобы соорудить петлю и уйти из жизни. Для родных старик-ветеран с хорошей пенсией оказывается одним из средств существования, вопрос о милосердии вообще не стоит.

«Новый реализм» выводит на авансцену русской истории уставшего, *надломленного мужчину*, мучительно ищущего свой удел, и *пацана*, которому не на что

и не на кого опереться: «1993» С. Шаргунова, «Лед под ногами» (2007) Р. Сенчина, «Санкя» (2006) З. Прилепина [Степанова, 2018, с. 81–89]. Пацаны отрекаются от интеллектуального (Слово) и патриархального наследия, признают поколение отцов «бессильным», мертвым, себя же обреченными, не желающими «воскрешать мертвецов» (Х. Блум). Связь между городом и деревней рвется со смертями мужчин, мужская часть семьи (в значении «род») исчезает, в стране царит безотцовщина: «Есть и с отцами “союзники”. Но им отцы не нужны... Потому что – какие это отцы... Это не отцы» [Прилепин, 2009, с. 145]. Старик из романа З. Прилепина «Санкя», давший героям приют в лесу, именно судьбу стариков рассматривает как важнейший критерий понимания истории страны. Уничтожение преемственности грозит народу гибелью, хаосом.

В творчестве В. Распутина траектория образа старика развивается от материнского деда Егора, чья фигура встроена в важнейший для писателя «георгиевский комплекс» [Ковтун, 2012, с. 60–85], до отца Тамары Ивановны – Ивана Савельевича – и старика-бомжа в итоговой повести «Дочь Ивана, мать Ивана» (2003). Если в «Прощании с Матерой» старики изгоняются с избранной земли властью, наделенной приметами inferнального, то в поздних текстах герои, разувверившиеся в значимости собственной судьбы, самоустраиваются от жизни семьи и общества. Одинокие, потерявшие старики уходят в леса, тайгу, обживают сторожки, бани – маргинальные пространства, молчат о прошлом, потому что настоящее оказалось прямо обратным ожиданиям, опустошено. С. Семенова отмечает, что «некоторые оборотные стороны сибирской природы: бирючьность, угрюмую замкнутость, загнанную внутрь тоску, прорываемую приступами душевной “дури”, Распутин, как правило, отдает мужским образам» [Семенова, 1987, с. 70]. В прозе автора мужские персонажи зачастую отлучены от сакрального права на смерть, они не исполняют миссию поиска смыслов, но только выживают: «Женщины восстанавливают преемственность должного (вечность), мужчины бьются в паутине современности» [Плеханова, 2014, с. 115].

Сохранение статуса за *мудрой старухой* отчасти связано и с исторической ситуацией: революции, войны, лагеря выбили, обессилили мужское население, не только забота о доме, детях – малом космосе – легла на баб, но и часть сугубо мужских обязанностей (охранительность, водительство, наставничество, вплоть до охоты и строительства избы), что отразилось в появлении андрогинных фигур Пашуты («В ту же землю...», 1995), Агафьи («Изба», 1999), Тамары Ивановны («Дочь Ивана, мать Ивана») в поздних текстах В. Распутина. Новое время, утвердив гендерное равенство, только подчеркнуло социальное бессилие мужчин. Вернувшиеся в дома из походов, с полей брани мужчины теряли инициативу, что показал уже А. Платонов в «Возвращении», превращались из «сеятелей» и «строителей» в исполнителей. Их опыт стал неудобным, лишним уже для следующего поколения, так складывается ситуация «блудного сына», лишенного перспективы возвращения (отношения старика Гуськова с сыном-дезертиром в «Живи и помни», 1974; Ивана Савельевича с детьми в итоговой повести).

Комплекс вины, растерянности, сложившийся у стариков, реализовался в демонстративном отказе от участия в *передаче мудрости, мастерства* (мастеру Савелию в рассказе «Изба» некому и незачем передавать свой талант). В этом же ряду отказ героев от *книжной мудрости*, дающей образцы ложного знания [Ковтун, 2015, с. 208–221]. Устами патриарха Ивана Савельевича автор подводит итог ситуации: «Наманят, наманят книги, насулят с три короба, а жизнь, она другая. И вот я думаю: человек от рождения, от родителей направлен по одной дорожке, по родословной сказать, а книжки выгибают его в другую» [Распутин, 2005, с. 150]. Идеальным персонажем из прошлого в этом отношении считается Ломоносов: «Он почему еще не сбился с пути... он в котомку себе родной холмогорской землицы набрал и все законы из нее вывел» [Распутин, 2005, с. 151]. Исход писатель видит в возвращении к онтологическим, природным законам, следование которым придает уверенность в собственной правоте, что продемонстрировали *образы старух*.

*Обсуждение результатов.* Как православный художник В. Распутин ищет разрешение темы мудрости с учетом традиций *народной культуры и религиозно-мистического опыта*, символом которого является *Афон*. В очерке «На Афоне», не раз становившемся предметом специального анализа [Кубасов, 2014, с. 157–169; Ковтун, 2019, с. 141–155], автор обращается к истории освоения Святыни отечественной мыслью, описанию монастырей и подвигов насельников. Рассказчик – alter ego автора – к поездке на Афон готовился давно, и движимый внутренним порывом, «зовом», и побуждаемый традицией: русские писатели отправлялись на Афон в поисках Слова как Бога. Поездка становится самопроверкой для рассказчика, который сверяет личные впечатления с воспоминаниями тех, кто совершал паломничество до него. Выделен опыт К. Леонтьева и Б. Зайцева, с которыми повествователь совпадает идеологически (идеи консерватизма, защиты традиционной культуры) и статусно (паломники).

В одном ряду с Афоном в очерке названы Оптиная Пустынь, Валаам, Соловки, но и среди них Афон выделяется древностью, крепостью устава, отдельностью миру, олицетворяет как *путь* («где-то как бы на полпути к небесам»), так и достигнутый «*Аскетический рай*». Святая Гора выступает эталоном *праведности*, с этой мерой рассказчик подходит и к характеристике бытия современной России. Автор стремится к объективному описанию «монашеской республики»: от зарисовок природы, монастырского устава, таинства службы до убранства кельи. В роли поводырей, обязательных для *искателя истины*, выступают святые, монахи, авторы текстов об Афоне, русские классики, что придает тексту диалогический характер, открытость. Исключительность бытия на Афоне демонстрирует и особое – византийское – время, «древнее, при котором жили еще отцы церкви» [Распутин, 2007, с. 396]. С заходом солнца стрелки часов переводятся на полночь и начинаются новые сутки. Этому принципу отвечает прием сакрализации пространства. Рассказчик отмечает особую тишину на острове, благоухание земли, чудеса, которые происходят постоянно

(от исцеления плоти и духа до явления чудотворных икон). Как и во всем творчестве художника, *откровению чуда* (града Китежа, Беловодья, Небесного Иерусалима) здесь предшествуют «захлебывающийся звон колокольца», сияние звезды и мерцание света в конце «длинного-длинного коридора» (аналога платоновской пещеры), откуда открывается выход на службу – к истине.

Автор, ощутивший себя неофитом, прикоснувшись к тайне, постигает чудо *благодати, премудрость*: «Идеал искреннего, честного монаха – это приближительная бесплотность на земле», «Бесстрастие – вот идеал» [Распутин, 2007, с. 403]. «Только Бог да исчезновение в Боге», – цитирует рассказчик Феофана Затворника. Исключение из правила являют «бунташные эпохи», когда монах становится «воином и строителем, мудрым наставником братии и бесстрашным воеводой в отношениях с властью» [Там же, с. 406], здесь В. Распутин следует логике Н. Лескова. Завершается очерк символической картиной: «На невысоком откосе подле монастырской стены долго и неподвижно стоит монах и, прикрываясь ладонью от солнца, смотрит в море. В той ли стороне Россия, куда с надеждой и терпением он вглядывается, я не знаю, не могу сориентироваться. Но куда еще через море может заглядывать русский монах? Или в ожидании пришествия Того, Кто ходит по воде, аки посуху?..» [Там же, с. 422].

Фигура неподвижного монаха, замыкающая границу чудесного, принадлежит тому же ряду *вестников инобытия* [Ковтун, 2015, с. 277–289], усилиями которых осуществляется связь времен и пространств, живых и мертвых: «Идеальный герой (героиня) писателя – носитель онтологической истины, посредник между здешним и запредельным» [Плеханова, 2015, с. 447]. Сходным значением наделены и образы *юродов* (Богодула, дяди Миши Хампо). В судьбе Богодула воплощена мифологическая схема о чудесном превращении великого грешника, фарисея, в аскета, страсотерпца, ставшая архетипической для русской культуры в целом [Климова, 2002, с. 86]. С образом юродивых связана идея вины всех перед всеми, покаяния и прощения/искупления, объединяющая человечество, открывающая, по Ф. Достоевскому, перспективу рая [Касаткина, 1996, с. 322]. Именно Богодул, а не праведник дед Егор, отчаявшийся, устранившийся от защиты Матеры, становится тем, вокруг которого объединятся насельники благословенной земли. Барак Богодула как перекресток миров (аналогично избе Агафьи из одноименного рассказа) представлен мостом через время в Вечность, подобно монастырю или граду Китежу.

В контексте темы *поиска истины* значимы образы загадочных *старцев*, которые появляются в *воспоминаниях* героев, в ситуациях провиденциального *сна, видения*. Как правило, такие герои исключены из времени, безымянны, их появление внезапно, связано с чудом, откровением, таковы образы старцев из текстов «Вниз и вверх по течению», «Видение», «Под небом ночным». В очерке «Вниз и вверх по течению» с образом старца связан мотив писательской саморефлексии. Во сне автобиографическому герою явлен «человек старого, почти прозрачного вида» с «тонким, благообразно-удлиненным, интеллигентным

лицом», из уст которого звучит критическая оценка любых попыток заглянуть в запредельное: «Не понимаю, зачем нужно писать о том, чего ты не можешь знать. Совсем не можешь, никак. Это не похоже ни на что совершенно, что у Вас есть». Далее возникает тема приблизительности словесных выражений при воплощении и повседневных смыслов: «Что-то видите, что-то слышите, что-то чувствуете, а что именно, не скажете или скажете неточно, приблизительно, невпопад» [Распутин, 2007, т. 2, с. 241]. Слова старца воспринимаются остережением: «Если ты и впредь собираешься писать – дело твое, но только не ходи никогда дальше своих сил» [Там же, с. 242]. В. Распутин, в отличие от предшественников-визионеров (Н. Федорова, М. Булгакова, Д. Андреева), ограничивает и пророческое сознание, утверждая, что есть вопросы, ответы на которые не только недоступны человеческому сознанию, но и задавать их смертный не должен. В этом отношении позиция писателя оказывается близка идее А. Битова, воплощенной в знаменитой повести «Человек в пейзаже» (1983).

В рассказе «Видение» автор детально описывает путешествие в иномир, к пределам смерти: «Сколько раз за тридцать с лишним лет своей сочинительской работы я заигрывал с этим чувством готовности, воображая его услужливым, при котором бы ничего не менялось» [Распутин, 2007, т. 3, с. 430]. Переходное состояние (жизнь – смерть) получает внутреннее обоснование как в самом акте творчества – герой наделен художественной рефлексией, распахивающей пределы хронотопа: «Когда фантазия способна разыграться не по вызову, не от умственных усилий, а самостоятельно и, осмелев, сделать меня своим героем» [Там же, с. 432], так и в биографии мастера, его преклонном возрасте: «В нашем корню старше меня нет». Рассказ выстроен по классической схеме видения, почти все устойчивые элементы жанра в тексте учтены, получают отчасти ироническое решение. Ощущение присутствия непознаваемого, тайны связано, однако, не только с художественным даром визионера, но рождается под воздействием знакомой, сохраненной в памяти реальности – картины поздней осени. Глубина проникновения в метафизическое соответствует уровню самопостижения: «Глаза мои все чаще обращаются внутрь, чтобы различить прощальный пейзаж». Здесь, как позднее на Афоне, проводниками в пределы неназываемого становятся русские классики, звучат строки Пушкина, которые автор «прочел как бы за свои»: «Люблю и я “пышное природы увяданье”» [Там же, с. 431].

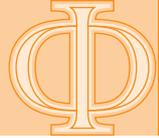
Момент откровения традиционно для поэтики художника оформлен мотивами *таинственного гула* (приближающаяся гроза, начало ледохода в очерке «Вниз и вверх по течению») или *звона*, как в «Видении»: «Будто трогают длинную, протянутую через небо струну и она откликается томным, чистым, занывающим звуком». Рассказчик выпадает из времени («Странно, что ни разу мне не удалось взглянуть на светящийся циферблат маленького будильника, стоящего совсем рядом на столике»), оказывается в странной комнате, форма которой одновременно напоминает *домовину* («продолговатая, суженная обитель для одного») и *монашескую келью*, позднее описанную в очерке «На Афоне»:

«Вытянутая к единственному, глубоко сидящему в крепостной стене окну, она и не позволяла иного, чем было передо мной, расположения обстановки: узкая кровать с панцирной сеткой справа от окна застелена суровым суконным одеялом, над головой – простенькие картинные иконки, слева – повывавший виды ободраный столик, на нем – лампадка» [Распутин, 2007, с. 397]. Окна и в комнате, и в келье открываются как в инопространство, что соответствует мифопоэтической традиции, так и во внешний мир – мир природы – есть точка пересечения миров.

В «Видении» начальным пунктом движения визионера становится старое, любимое кресло, переход в метафизическое совершается внезапно – это скачок сознания, остранение, когда рассказчик видит себя со стороны: «Я начинаю видеть себя выходящим на простор и сворачивающим к речке, где стыннут березы, высокие, толстокорые и растопыренные на корню, тоскливо выставившие голые ветки, которые будут ломать ветры... Я стою среди них и думаю: видят ли они меня, чувствуют ли» [Распутин, 2007, т. 3, с. 436]. Сама картина за окном представлена очужденно и подробно одновременно: осенний лес, дорожка, что начинается в реальности среди деревьев, продолжается мостиком через реку, затем теряется и возникает чуть дальше в идеальном образе «гладкой и прямой». Путь волнует обещанием тайны и настораживает возможной легкостью разгадки: один конец дороги «простохожий и разлохмаченный никак не связывается с другим – аккуратным, выверенным и отлаженным» [Там же, с. 434]. Призывный зvon герой слышит не впервые, статус события получает движение к мостику, соединяющему миры, ритуальная игра со смертью. Дорога от дома до иного берега – символ человеческой судьбы, смысл которой открывается за последней чертой.

На противоположном берегу – «совсем новая деревянная избушка, янтарно сияющая, сказочная, с односкатной, в мою сторону крышей». Описание дома коррелирует с описанием домовины из рассказа «В ту же землю...». Гроб старухи Егорьевны из «золотисто-янтарной сосновой доски, остро и сладко пахнущий, не просто скаляканый в четыре доски, а высокий и просторный, солнечный» [Распутин, 2005, с. 271], наделяется чертами сокровенного места. Сами похороны, проходящие поверх всех обрядов, знаменуют начало нового ритуала как *пути к истине*. В «Видении» рядом с избушкой стоит *неподвижный старец*: «Видна его крупная и белая непокрытая голова, видно, что роста он небольшого. От меня не разглядеть, куда оборочено его лицо и во что он всматривается, но чтобы подолгу стоять неподвижно, надо во что-то всматриваться, чего-то в терпении ожидать» [Распутин, 2018, с. 59]. Облик, поза старца будут повторены в фигуре *неподвижного монаха*, всматривающегося в даль, в очерке «На Афоне», что обосновывает параллель между образами старца и *св. Николая Чудотворца*, прочерченную в критике [Цветова 2007, т. 3, с. 435].

Старцы, юроды символизируют не только границу тут-бытия, но и необходимость поиска иных «островов» в мироздании.



В «Видении» пространство за мостиком окутывает «неземная обморочная стынь, совсем заговорная, наложенная колдовской рукой», «солнце тихое и слабое» и не ясно: «Что это – жизнь или продолжение жизни?». Герой с трудом оставливает полет воображения, «борясь с желанием перейти через мостик и ступить на белые и круглые крапчатые камни. Даже в моих представлениях я не решаюсь это сделать» [Там же, с. 436]. После возвращения в настоящее не возникает желания собрать «увиденное в связные мысли». Остраненность позиции нарратора, словно со стороны наблюдающего за собственной игрой со смертью, придает тексту неоднозначность. Образ рассказчика в уютном кресле диссонирует с напряженностью визионерского путешествия, возвращение в реальность не означено радостью, но продиктовано ответственностью перед земной участью, идея мгновенного обретения вечности выглядит соблазном и фокусом одновременно. В итоге значимость здешнего, природного мира не оспаривается, картины, представшие визионеру, определены его же внутренним посылом, художественным опытом. Ценность пережитого лишена, однако, *значения всеобъемлемости*, отличающего классические тексты мастера, замкнута в рамках личного творчества (выглядит проверкой ключевой темы).

В рассказе «Под небом ночным» описано путешествие трех друзей в тайгу, к «скрытному, мало кому известному» месту исключительной красоты, напоминающему «земной рай»: «Словом, такое это славное место, что, в какую сторону ни пойдешь, что-нибудь да возьмешь, а в хорошие годы глаза разбегаются, ноги заплетаются, куда воротить и что брать, – так всего много» [Там же, с. 402]. Путешественники, приезжающие сюда много лет подряд, останавливаются на поляне около «золотистой сосны», где за елью стояла «зимовейка, некорыстная на вид, но высоконькая, аккуратная, обставленная внутри тем немногим, что и требуется поночевщику» [Там же, с. 400]. Сюжетное действие определяет мотив *недостачи*, герои, оказавшиеся на «своей» земле, находят ее пустынной: «И вдруг не оказалось ничего». Опустошение места совпадает с гибелью избышки: «Но самый большой удар ожидал их, когда спустились в низинку, где стояла зимовейка. Зимовейки не было» [Там же, с. 402]. Бесследно исчезает и ее хозяин, о котором ничего не известно: «Стали спрашивать о нем, но ребята пожимали плечами: они о таком даже не слышали» [Там же, с. 411].

Складывается ситуация, аналогичная финалу «Прощания...», «Пожара» (1985), – исход «гения места» совпадает с опустошением земли, прежнего мира в целом, знаменует потерю ориентации насельниками. По сути, путешественники, оставившие город, приезжают в тайгу в поисках жизненного смысла, полноты бытия, утрата места пробуждает чувство вины, ностальгические воспоминания. Повторяется ситуация, описанная в очерке «Вниз и вверх по течению», когда герой, отправляясь в деревню к родителям, вынужденным переселиться на новую землю, не может там найти себе место, обрести гармонию, за которой и приезжал. Его детские впечатления, духовный опыт мужания расходятся с открывшейся картиной перевезенной деревни, где за чистой, «живой водой» нужно плыть далеко от берега.

В рассказе «Под небом ночным» фигура одинокого старика – обитателя избышки – вписана в широкое культурное поле: от мифологических образов *домового* («Лицо его обострилось и еще больше замшело, свалывшиеся волосы лежали на голове сильно потертой шапкой»), *лешего* до *отшельника-прорицателя* и *бывшего зэка*: «Высокий, чуть пригнутый, как и полагается лешему, заросший, не снимавший с плеч телогрейки, с желтым, до борозд пропаханным морщинами лицом, ступавший с приклоном, но уверенно, полным шагом. Встретив его здесь в первый раз, зазвали к своему костру, угостили – и кружку с водкой взял, и закусил, ел неторопливо и равнодушно, говорил неохотно» [Там же, с. 409]. Живет старик на то, что давала тайга, «всю лесную добычу доставляет пограничникам, они дают взамен свою пайку». Образ безымянного старика с подчеркнута прямой спиной, одетого в телогрейку, почти до деталей совпадает с описанием ключевого героя из рассказа «Один день Ивана Денисовича» – Ю-81, приговоренного еще до советской власти и этим отчасти исключенного из истории ее преступлений. Образ старика в тексте А. Солженицына отличают аристократизм духа, символика апостольства: «Лицо его все вымотано было, но не до слабости фителя-инвалида, а до камня тесанного, темного» [Солженицын, 1991, с. 95]. Персонаж В. Распутина, напротив, внутренне надломлен, предрекает конец цивилизации, не верит в *мудрость социального*. Он «ответил вдруг живей и тверже, в духе старинных отшельников-прорицателей: “Побежит человек от человека. Везде побежит”» [Распутин, 2007, т. 3, с. 410].

Если летнее бытование загадочного старца определено лесной сторожкой, то зимовал он в баньке – переходном пространстве, никем не замеченный. Герой стареется «уйти из жизни еще при жизни», поведением, образом бытия сближен с *отшельником*, принявшим обет молчания. По словам путешественников, он «просто не принял эту новую жизнь-подлянку. Даже дышать ею не захотел. Гордый был человек. Как всякий отшельник» [Там же, с. 412]. Убранство баньки, как и зимовейки, предельно скудно: «железная печурка, фанерный ящик на лавке перед окном – стол, невысокий темный полоч – кровать». На стене в маленьком предбаннике «поддеты старый-престарый овчинный полушубок с потрескавшимся морщинистым верхом и связка кирзовых сапог» [Там же, с. 410]. Каждая из деталей описания глубоко символична. Образ старого-престарого полушубка отсылает к сюжету «Капитанской дочки» А.С. Пушкина, где мотив дарения «заячьего тулупчика» имеет охранительный, сказочный смысл, предваряет череду дарений, создающую атмосферу *единения, полноты мира*, в котором живы чувство вины, милосердие, человечность. Именно в этом контексте мотив «заячьего тулупчика» появляется в творчестве позднего В. Шукшина, хорошо известном В. Распутину. В рассказе «Под небом ночным» полушубок старый, потрескавшийся, никому не нужный – современный мир отрицает ценность прежних идеалов любви, сострадания, дружества, потому и «побежит человек от человека». Забытая связка кирзовых сапог на стене в баньке – свидетельство несостоявшегося богатырства, в кирзовых сапогах уходит в город, спасая жену как самую Русь-Софию, крестьянин Кузьма

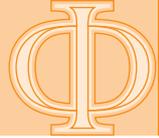
(«Деньги для Марии», 1967), в них же возвращается из армии солдат Иван из итоговой повести. С образом Ивана автор и связывает пробуждение «*мужского мира*» [Гончаров П.А., Калинина И.П., 2012, с. 369–376], символически выраженное в мотивах возвращения св. Егория, строительства новой Руси как Храма на «чистой земле», по выражению А. Солженицына.

*Выводы.* Итак, тема *мужской мудрости*, представленная в творчестве В. Распутина, решается через образы *патриархальных мужчин* (Кузьма, сын старухи Анны Михаил в «Последнем сроке»; мужик, основавший поселение на Матере, мастер Савелий из рассказа «Изба»), достигает предельного выражения в фигуре «ученого из мужиков» – Ломоносова. В поздней повести В. Распутина «Пожар» нарратор открывает четыре жизненных устоя, на которых держится бытие человека: «Дом с семьей, работа, люди, с кем вместе правишь праздники и будни, и земля, на которой стоит твой дом. И все четыре одна важней другой» [Распутин, 2003, с. 334]. Однако текст не демонстрирует примеров *мудрого бытия*, идеализированное описание поселка Сырники кажется фантазией самому повествователю. *Носители истины* связаны с пограничным, переходным пространством, предупреждают об опасности «слабым умом» посягать на тайное или открывают сокровенные связи, делая их очевидными. Обретение мудрости, поиск истины содержательно универсальны, но требуют разного инструментария, достигаются разными путями. Мужчины (автор и его протагонисты) в критический момент более развернуто проговаривают то, что переживают женщины (интуиции Анны в «Последнем сроке», знание Настены о мере страдания в «Живи и помни», предчувствия Агафьи в рассказе «Изба»), или, наоборот, молчат, когда трагизм ситуации очевиден (отшельники, эскаписты). Образы *монахов, юродивых* уже вне гендера и выговариваемого смысла, но важны в символическом плане как откровение перспективы (раздвижение пространства в неназываемое, спасение души). Отметим, поиски нового святого характерны для сегодняшней прозы в целом: от повести «Веселые похороны» (1992–1997) Л. Улицкой, романа-жития Е. Водолазкина «Лавр» (2012) до его же «Оправдание острова» (2020).

В мире В. Распутина самым настойчивым *искателем истины* становится автор, для которого главный вопрос – вопрос о судьбе Руси, ее трагической истории и возможности исхода. Поиски истины в соответствии с отечественной традицией осуществляются по ту и по эту стороны бытия – всесветны, о чем свидетельствует актуализация образов *загадочных старцев* как авторских «двойников» в мирах иных. Путешествие я-нарратора связано со *сном, видением, особыми состояниями* (молитва, прозрение, чудо) или *таинственным проводником* (ангел, первопредок, чудесный старец). В конечном итоге это путь самопознания и самоузнавания, встречи с Другим как собственным двойником, из схватки с которым герой выходит обновленным, обретшим внутреннюю целостность. Сам путь, связанный с испытаниями, разочарованиями и надеждой, открывает если не истину, то перспективу очищения души.

### Библиографический список

1. Вальянов Н. Поэтика М.А. Тарковского. Проблема хронотопа и образ героя: монография. М.: Флинта, 2019. 226 с.
2. Галимова Е.Ш. Мистическое в художественном мире В. Распутина // Творчество В. Распутина: ответы и вопросы: монография. Иркутск: ИГУ, 2014. С. 66–76.
3. Гачев Г.Д. Национальные образы мира: Космо-Психо-Логос. М.: Академический проект, 2007. 479 с.
4. Гончаров П.А., Калинина И.П. «Утро вечера мудренее...»: пробуждение «мужского мира» в повести В.Г. Распутина «Дочь Ивана, мать Ивана» // Время и творчество В. Распутина: история, контекст, перспективы. Иркутск: ИГУ, 2012. С. 369–376.
5. Дашевская О.А. Творчество В. Распутина и Д. Андреева как варианты визионерских интуиций XX века // Творческая личность В. Распутина: живопись – чувство – мысль – воображение – откровение: сб. науч. тр. / под ред. И. Плехановой. Иркутск: ИГУ, 2015. С. 432–446.
6. Касаткина Т.А. Характерология Достоевского: Типология эмоционально-ценностных ориентаций. М.: Наследие, 1996. 336 с.
7. Климова М.Н. У истоков мифа о великом грешнике (русская романтическая повесть 30–40-х гг. XIX в.) // Материалы к Словарю сюжетов и мотивов русской литературы. Новосибирск: НГУ, 2002. Вып. 5: Сюжеты и мотивы русской литературы. С. 86–96.
8. Ковтун Н.В. «Женский вопрос» в творчестве В. Распутина // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2015. № 1. С. 58–75.
9. Ковтун Н.В. Книга – автор – читатель в поздних текстах В. Распутина // Вестник УрФУ. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2015. Т. 139, № 2. С. 208–221.
10. Ковтун Н.В. «Никольский» и «георгиевский» комплексы в повестях В. Распутина // Универсалии культуры. Красноярск: СФУ, 2012. Вып. 4: Эстетическая и массовая коммуникация: вопросы теории и практики. С. 60–85.
11. Ковтун Н. Образ Афона в позднем творчестве В. Распутина: традиция и новаторство // Сибирский филологический журнал. 2019. № 4. С. 141–155.
12. Ковтун Н.В. Образы «Вестников инобытия» в творчестве В. Распутина // Творческая личность В. Распутина. 2015. С. 277–289.
13. Козлова С.М. Мифология и мифопоэтика сюжета о поисках и обретении истины // Материалы к «Словарю сюжетов и мотивов русской литературы»: от сюжета к мотиву. Новосибирск: СО РАН, 1996. С. 34–64.
14. Кубасов А.В. «На Афоне» В.Г. Распутина и «Афон» Б.К. Зайцева: два варианта дискурса ответственности // Творчество В. Распутина: ответы и вопросы. 2014. С. 157–169.
15. Плеханова И.И. Вечная женственность в природно-социальной концепции В. Астафьева (на материале повестей «Пастух и пастушка» и «Обертон») // Русский традиционализм: история, идеология, поэтика, литературная рефлексия: монография / отв. ред. Н. Ковтун. М.: Флинта: Наука, 2016. С. 218–242.
16. Плеханова И.И. Психотип В. Распутина и художественные следствия ментальных установок // Творчество В. Распутина: ответы и вопросы. 2014. С. 114–141.
17. Плеханова И.И. Художественное воображение В. Распутина // Творческая личность В. Распутина. 2015. С. 447–475.
18. Прилепин З. Санька: роман. М.: Ад Маргинем Пресс, 2009. 368 с.
19. Распутин В. В поисках берега: повесть, очерки, статьи, выступления, эссе. Иркутск: Издатель Сапронов, 2007. 528 с.
20. Распутин В. Дочь Ивана, мать Ивана: повесть, рассказы. Иркутск: Издатель Сапронов, 2005. 474 с.
21. Распутин В. Повести. Рассказы: в 2 т. М., 2003.



22. Распутин В. Собр. соч.: в 4 т. Иркутск: Издатель Сапронов, 2007.
23. Рождественская М.В., Рождественская Т.В. «Сеятель» и «строитель»: династическая пара «отец и сын» в памятниках древнеславянской письменности X–XI вв. // О древней и новой русской литературе: сб. ст. в честь проф. Н.С. Демковой. СПбГУ, 2005. С. 27–38.
24. Рыбальченко Т.Л. Антропологические акценты образа старика в русской прозе второй половины XX века // Время и творчество В. Распутина. 2012. С. 222–232.
25. Рыбальченко Т.Л. Интуиция метафизического в прозе В. Распутина // Три века русской литературы: Актуальные аспекты изучения. М.; Иркутск, 2008. Вып. 16: Мир и слово В. Распутина: матер. Междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию В.Г. Распутина. С. 6–25.
26. Сваровская А.С. Природа власти в прозе В. Распутина // Три века русской литературы. 2007. С. 112–124.
27. Семенова С. Валентин Распутин. М.: Сов. Россия, 1987. 176 с.
28. Солженицын А. Малое собр. соч. М.: ИНКОМ НВ, 1991. Т. 3.
29. Степанова В. Роман З. Прилепина «Санькя»: трансформация традиционализма // Сибирский филологический форум. 2018. № 4. С. 81–89.
30. Цветова Н. Валентин Распутин в слове и за словом. СПб.: Алетейя, 2018. 188 с.

### **Сведения об авторе**

Ковтун Наталья Вадимовна – доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; член Президиума Общества русской словесности; руководитель научной школы «Современный литературный процесс: традиция и новаторство», главный редактор научной литературной серии «Универсалии культуры»; e-mail: [nkovtun@mail.ru](mailto:nkovtun@mail.ru)

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2022-20-3-120>

## MALE HEROES IN SEARCH OF WISDOM (ON THE MATERIAL OF V. RASPUTIN'S PROSE)

**N.V. Kovtun (Krasnoyarsk, Russia)**

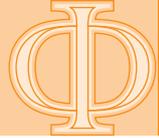
### Abstract

The work is devoted to the problem of finding and acquiring male wisdom in the small prose of V. Rasputin. The artistic paradigm associated with the theme of male wisdom takes in the fate of patriarchal men, fools, mysterious elders as messengers associated with the mystery of otherness, and Athos monks praying for the Russian land. However, the author himself becomes the most focused seeker of wisdom, for whom the main question is the question of the fate of his native home, the land, its tragic history and the possibility of an outcome. The heroes' journey in search of truth is carried out on both sides of existence, in prophetic dreams, visions, and this actualizes the images of mysterious elders – the author's "doubles" in other limits. The image of a man-creator, builder in the artist's prose is only outlined, paraphered. This explains the philosophy of escapism, which is professed by the silent and hermits of later texts. The active principle, connected with the protection of the ancestral land, the transformation of the forms of culture, remains for strong, strong-willed, all-knowing women.

**Keywords:** *V. Rasputin, search for truth, gender, male wisdom.*

### References

1. Valyanov N. Poetics of M. Tarkovsky. The problem of chronotope and the image of heroes: monografiya. Moscow: Flint, 2019. 226 p.
2. Galimova E. Mystical in the artistic world of V. Rasputin // The creativity of V. Rasputin: answers and questions: monograph. Irkutsk: Irkutsk State University, 2014. P. 66–76.
3. Gachev G. National images of the world: Cosmo-Psycho-Logos. Moscow: Academic Project, 2007. 479 p.
4. Goncharov P., Kalinina I. "The wiser morning...": the awakening of "man's world" in the story of V. Rasputin "Ivan's Daughter, Mother of Ivan" // Time and creativity of V. Rasputin: history, context, prospects. Irkutsk: Irkutsk State University, 2012. P. 369–376.
5. Dashevskaya O. Creativity of V. Rasputin and D. Andreev as variants of visionary intuitions of the 20th century // Creative personality of V. Rasputin: painting – feeling – thought – imagination – revelation. Collection of scientific works / ed. by I. Plekhanova. Irkutsk: Irkutsk State University, 2015. P. 432–446.
6. Kasatkina T. Characterology of Dostoevsky: Typology of Emotional Value Orientations. Moscow: Heritage, 1996. 336 p.
7. Klimova M. At the Origin of the Myth of the Great Sinner (Russian Romantic Novel of the 30–40-ies of the XIX century) // Materials for the Dictionary of Plots and Motifs in Russian Literature. 2002. Vol. 5: Plots and Motives of Russian Literature. Novosibirsk. P. 86–96.
8. Kovtun N. "Women's Question" in the works of V. Rasputin // Philological Sciences. Scientific reports of higher school. 2015. No 1. P. 58–75.
9. Kovtun N. Book – author – reader in the late texts of V. Rasputin // Bulletin of the Ural Federal University. Series 2. Humanities. 2015. Vol. 139, No 2 (2015). P. 208–221.
10. Kovtun N. "Nikolsky" and "St. George" complexes in the novels of V. Rasputin // Universals of Culture. 2012. Vol. 4: Aesthetic and mass communication: theory and practice issues. Krasnoyarsk: Siberian Federal University. P. 60–85.



11. Kovtun N. The image of Athos in the late works of V. Rasputin: tradition and innovation // *Siberian Philological Journal*. 2019. No 4. P. 141–155.
12. Kovtun N. Images of “Heralds of Otherness” in the works of V. Rasputin // *Creative personality of V. Rasputin*. P. 277–289.
13. Kozlova S. Mythology and Mythopoetics of a Plot about Searching and Finding the Truth // *Materials for the Dictionary of Plots and Motifs in Russian Literature: From Plot to Motif*. Novosibirsk: SO RAN, 1996. P. 34–64.
14. Kubasov A. “On Athos” by V.G. Rasputin and “Athos” by B.K. Zajtsev: two variants of responsibility discourse // *V. Rasputin’s creation: answers and questions*. P. 157–169.
15. Plekhanova I. Art imagination of V. Rasputin // *Creative person of V. Rasputin*. 2015. P. 447–475.
16. Plehanova I. Eternal femininity in natural-social conception of V. Astaf’eva (on the material of novels “The Shepherd and the Shepherdess” and “Oberton”) // *Russian Traditionalism: History, Ideology, Poetics, Literary Reflexion: monograph / ed. by N. Kovtun*. Moscow: Flint: Nauka, 2016. P. 218–242.
17. Plekhanova I. Psycho-type of V. Rasputin. Rasputin and the artistic consequences of mental attitudes // *Creativity of V. Rasputin: answers and questions*. 2014. P. 114–141.
18. Prilepin Z. *Sankya: Novel*. Moscow: Ad Marginem Press, 2009. 368 p.
19. Rasputin V. *Ivan’s Daughter, Ivan’s Mother: Story and Stories*. Irkutsk: Publishing house Sapronov, 2005. 474 p.
20. Rasputin V. *In Search of the Coast: Story, Essays, Articles, Speeches, Essays*. Irkutsk: Sapronov Publisher, 2007. 528 p.
21. Rasputin V. *Novels. Stories: In 2 vols*. Moscow, 2003.
22. Rasputin V. *Collected works: In 4 vols*. Irkutsk: Sapronov Publishing House, 2007.
23. Rozhdestvenskaya M., Rozhdestvenskaya T. “Sower” and “Builder”: dynastic pair “father and son” in the monuments of Old Slavic script of X–XI centuries // *About Old and New Russian Literature. Collection of articles in honor of prof. N. Demkova*. St. Petersburg, 2005. P. 27–38.
24. Rybalchenko T. Anthropological accents of an old man image in Russian prose of the second half of XX century // *V. Rasputin’s time and creativity*. 2012. P. 222–232.
25. Rybalchenko T. Intuition of metaphysical in V. Rasputin’s prose // *Three centuries of Russian literature: Actual aspects of study*. Moscow: Irkutsk, 2008. Vol. 16: The world and a word of V. Rasputin: materials International scientific conference, devoted to the 70-th anniversary of V.G. Rasputin. P. 6–25.
26. Svarovskaya A. Nature of power in V. Rasputin’s prose // *Three centuries of Russian literature*. 2007. P. 112–124.
27. Semenova S. *Valentin Rasputin*. M.: Sov. Rossiya, 1987. 176 p.
28. Solzhenitsyn A. *Small collected works*. Moscow: INCOM NV, 1991. Vol. 3.
29. Stepanova V. Prilepin’s novel “Sankya”: transformation of traditionalism // *Siberian Philological Forum*. 2018. No 4. P. 81–89.
30. Tsvetova N. *Valentin Rasputin in the word and behind the word*. St. Petersburg: Aleteya, 2018. 188 p.

### About the author

Kovtun Natalia Vadimovna – DSc (Philology), Professor, Department of World Literature and Methods of Teaching, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); Member of the Presidium of the Society of Russian Literature; Head of the scientific school Contemporary Literary Process: Tradition and Innovation; Editor-in-Chief of the scientific literary series Universals of Culture; e-mail: [nkovtun@mail.ru](mailto:nkovtun@mail.ru)

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2022-20-3-121>

УДК 821.161.1

## ДЛЯ НУЖД РОДНОГО КРАЯ: ВСЕВОЛОД ИВАНОВ – ИЗДАТЕЛЬ

Е.А. Папкина (Москва, Россия)

### Аннотация

*Постановка проблемы.* В статье в свете новых материалов биографии и творчества Всеволода Иванова рассматриваются его издательская деятельность и публицистика 1916–1920 гг.

*Цель* – анализ издательской работы Иванова и его публицистики в контексте историко-политической ситуации и партийной борьбы в Сибири первых пореволюционных лет.

*Методология.* В статье использованы сравнительно-исторический, текстологический методы, метод историко-литературного комментария.

*Результаты исследования.* В статье показано, что на протяжении всего сибирского периода творчества для Иванова, типографского работника и начинающего писателя, чрезвычайно важным было издательское дело, которое он рассматривал в контексте задач сибирских областников. Проанализированы выпуск однодневной газеты «День служащих» (Курган, 1916); статьи, посвященные созданию издательства писателей-рабочих, выпуску необходимых для Сибири книг; номер газеты «Цеха пролетарских писателей и художников» «Согры» (1918), материалы которого представлены в контексте партийной принадлежности писателя – членстве его в партии меньшевиков-интернационалистов группы «Новая жизнь». Приводятся отклики в омской печати весны 1918 г. на выпуск газеты «Согры», оценки издания со стороны представителей различных партий.

*Выводы и заключение.* Анализ издательской деятельности и публицистики Иванова 1916–1920 гг. показывает, насколько важным для молодого писателя было способствовать решению одного из насущных «сибирских областных вопросов» – вопроса о нуждах просвещения в стране. Цель эту он стремился осуществить в различных политических ситуациях, при разных правительствах, образовавшихся в Сибири в этот период.

**Ключевые слова:** Всеволод Иванов, «сибирские областные вопросы», издательская деятельность, партийные разногласия, газета «Согры», отклики в печати.

**П**остановка проблемы. За последние два десятилетия существенно возрос научный и читательский интерес к русской литературе и истории советского периода, и в частности к творчеству Всеволода Иванова, восприятие которого существенно изменилось. С одной стороны, этому способствовала источниковедческая и исследовательская работа начала 2000-х гг. В центральных и региональных архивах и сибирской периодике было выявлено и введено в научный оборот около ста неизвестных ранее произведений Иванова раннего сибирского периода разных жанров и большое количество материалов к биографии писателя 1916–1920 гг. [Неизвестный..., 2010, с. 8–169; Папкина, 2017; Вс. Иванов, 2018]. С другой стороны, новому пониманию творчества Иванова 1920-х гг. способствовала «архивная революция» в России. Начиная с 1990-х гг. было

опубликовано большое количество неизвестных ранее архивных материалов и документов по истории Сибири 1910-х гг., в частности сибирского областничества, рецепция идей которого представлена в прозе и публицистике Иванова, а также истории революции и Гражданской войны в Сибири, прежде всего периода 1917–1920 гг., когда на территории региона установилась сначала советская власть, затем власть Временного Сибирского правительства и Директории, а впоследствии власть Российского правительства адмирала А.В. Колчака. Биография и творчество Иванова сибирского периода оказались тесно связаны и с сибирскими областниками, многие из которых являлись друзьями, знакомыми и соратниками писателя по литературному труду, и с политическими и партийными деятелями этого переломного исторического периода. Мало исследованной осталась работа Вс. Иванова во второй половине 1910-х гг. в качестве издателя и его публицистические произведения, связанные с этой деятельностью.

*Обзор литературы.* О некоторых сторонах издательской деятельности Иванова в Омске писали в 1980-е гг. Е.И. Беленький, В.П. Трушкин, М.В. Минокин. Сам Иванов в воспоминаниях «История моих книг» (1957) посвятил отдельную главу газете «Согры» и созданному им «Цеху пролетарских писателей и художников Сибири». Новые источниковедческие материалы, выявленные в сибирской региональной периодике и архивах, представляют известный и малоизвестный материал несколько в ином свете.

*Цель* – анализ издательской работы Иванова и его публицистики в контексте историко-политической ситуации и партийной борьбы в Сибири первых пореволюционных лет.

*Методология.* Используются сравнительно-исторический, текстологический методы и метод историко-литературного комментария.

*Результаты исследования.* На протяжении всего сибирского периода для Иванова, типографского работника и начинающего писателя, чрезвычайно важным было издательское дело. В 1916–1920 гг. он принимает активное участие в выпуске газет и журналов, задумывает собственные проекты – от создания рубрики «По краю» в региональной газете «Приишимье» и выпуска поэтического альманаха до образования кооперативного издательства и цеха писателей и художников. Эта деятельность Иванова, как нам представляется, сформировалась в контексте идей сибирского областничества. Среди главных насущных «сибирских областных вопросов», помимо вопросов об отмене «ссылки уголовных в Сибирь», «улучшении быта инородцев» и др. [Сборник..., 1915, с. 103–105], Г.Н. Потанин, вслед за Н.М. Ядринцевым, отмечал еще одну «важнейшую потребность Сибири» – необходимость «широкого распространения просвещения» [Там же, с. 76]. В рамках решения этого вопроса предполагалось развитие местной печати. В 1910-е гг. созданные Ядринцевым «три патриотических газеты прекратили свое существование или превратились в партийные, перейдя в руки не-сибиряков. Теперь нет ни одной патриотической газеты» [Там же, с. 101], – отмечал Потанин.

В феврале 1916 г., живя в Кургане, типографский наборщик и начинающий писатель Иванов принимает участие в выпуске однодневной газеты «День служащих». От этого издания сохранилось несколько страниц, по которым видно, насколько большую роль играл там Иванов: в содержании указаны его стихи «В грезях» и «Краски осени», рассказ «Защитник и подсудимый», отрывок из повести «Мертвые петли» под заглавием «Сумерки жизни». В отрывке из повести воспроизведена атмосфера литературного кружка, прообразом которого, очевидно, послужило собрание молодых писателей и поэтов в доме К.К. Худякова. Лейтмотивом размышлений автора-повествователя является «дело»: «Мне бы хотелось, чтобы <...> эти люди были одушевлены одной верой, объединены одним делом, за которое боролась бы их мысль»; поэт Иван Гребнев, о котором сказано, что «он был моим портретом в юности», просит «указать ему путь, по которому надо идти, тех людей, <...> с которыми он отдал бы свои силы на служение одному великому делу». Отчаявшись найти «дело», Гребнев кончает жизнь самоубийством, и повествователь чувствует свою вину в этом: «Я не объяснил ему, <...> что вместе делать свое дело легче, но если нельзя, пусть работает один – и один в поле воин!» [Неизвестный..., 2010, с. 105–106]. Для молодого Иванова таким делом становится издательская работа.

В Кургане и Омске Иванов занят изданием стихотворений и рассказов своих друзей. В 1916 г. он набирает книгу стихов Худякова «Сибирь». Переехав в 1917 г. в Омск, Иванов вновь стремится к издательской деятельности, которая находит поддержку прежде всего у известного омского писателя и скандалиста А.С. Сорокина. Г.Ф. Дружинин вспоминал, что Иванов собирался «выпустить альманах молодых поэтов и писателей города. Подбил Антон Сорокин. Отобрали кое-что». «Мы, – комментирует мемуарист, – было сказано из скромности. Редактором-издателем, как оказалось, наборщиком и корректором задуманного альманаха был, собственно, Вс. Иванов» [Вс. Иванов, 2018, с. 406]. Републикованные в 2010 г. статьи 1918 г. показывают отношение Иванова к издательской работе: «Труд этот должны исполнить те, кому более всех дорога, близка, кому более всех необходима книга, – демократия», – так Иванов напишет в статье «О кооперативном издательстве писателей-рабочих» (Дело Сибири. Омск, 1918. 26 сент.) [Неизвестный..., 2010, с. 125].

Издательская деятельность Иванова раскрывает перед нами новые грани мировоззрения писателя сибирского периода. В статьях 1918 г. он именуется себя «писатель-рабочий», размышляет о пролетарской культуре и пролетарской религии. Собственно, с 1916 г. он и является писателем-рабочим, не оставляющим своей деятельности, несмотря на смену различных властей в Сибири. В черновых записях к ненаписанным воспоминаниям «По тропинке бедствий» Иванов сообщает, что летом 1917 г. «переехал в Омск в качестве наборщика типографии “Земля и воля”, будучи в то же время избранником типографчиков – секретарем Западно-Сибирского Бюро рабочих Печатного дела» [Вс. Иванов, 2018, с. 373]. 30 ноября 1917 г. в Омске устанавливается советская власть. Как отмечает омский историк

А.А. Штырбул, в марте 1918 г. эсеровская типография «Земля и воля» «переходит в подчинение экономического отдела Омского Совета – Омского Совнархоза», но «этот факт никак не отражается на Иванове» [Штырбул, 2018, с. 526]. В анкете 1920 г. Иванов, отвечая на вопрос «Какую должность и где занимал во время октябрьской революции?», называет «Типографию Центросоюза – метранпаж» [Вс. Иванов, 2018, с. 363]. Известно, что Центросоюз, созданный в 1896 г., после Февральской революции становится Всероссийским центральным союзом потребительских обществ, с 1918 г. в него включены все союзы потребительской кооперации. Возможно, молодой писатель и переходит на работу в типографию Центросоюза на должность метранпажа, но это происходит уже в конце 1918 г. или в самом начале 1919 г., о чем свидетельствует в своих воспоминаниях «В незабываемые дни» Г.И. Петров [Вс. Иванов, 2018, с. 435]. В это время в Сибири уже находится у власти Верховный Правитель России адмирал А.В. Колчак.

Круг литераторов, с которыми Иванов общается в Сибири, известен. Почти все они в той или иной степени разделяют областнические идеи, несмотря на то, что имеют разные политические взгляды, которые, кажется, не мешают членам кружка Сорокина и гостям его воодушевленно говорить о литературе и строить издательские планы. Показательно письмо, с которым в 1920 г., когда за руководство Бюро обзоров Отдела печати Омского правительства А.В. Колчака был арестован поэт Г.А. Вяткин, Сорокин обратился к большевикам А.П. Оленичу-Гнененко (бывшему эсеру), Ф.А. Березовскому, К.А. Попову (бывшему социал-демократу-интернационалисту) и другим «писателям всей Сибири»: «...когда дело касается судьбы писателя, художника, я сделаю все возможное, чтобы освободить от лишних унижений того, кто и так терпит слишком много унижений... <...> Жизнь каждого из вас я знаю. Не сразу родились вы большевиками. Было время, вы шли и сами против большевизма и постепенно после долгих раздумываний поменяли свои убеждения»<sup>1</sup>. Вяткин тогда был освобожден, впоследствии вновь арестован и в 1938 г. расстрелян. Вне зависимости от своей партийной принадлежности омские писатели и в 1918–1919 гг., и после окончательного установления в Сибири советской власти стремились защищать друг друга. Так, Н.И. Анов (Иванов), в 1932 г. подвергшийся аресту как член антисоветской группы «Памир», в воспоминаниях «Старый друг» (1964–1974) и в романе «Интервенция в Омске» (1978) представляет Иванова горячо поддерживающим большевиков-подпольщиков [Иванов, 1975, с. 57]. Сам Иванов о служившем в охране Колчака и погибшем при взрыве в его резиденции поэте Ю. Сопове говорил, что тот был близок большевикам и готовил покушение на Верховного Правителя [Всеволод Иванов..., 1975, с. 59]. Документально это предположение ничем не подтверждено, и «весь поэтический строй его (Ю. Сопова. – *Е.П.*) произведений <...> не располагает к такому выводу» [Беленький, 1978, с. 52], – справедливо отмечал Е. Беленький.

На партийной принадлежности молодого писателя следует остановиться особо. В автобиографию Иванова 1925 г. и в воспоминания «История моих книг»

<sup>1</sup> Государственный архив Курганской области (ГАКО). Ф. Р. 852. Оп. 1. Д. 18. Л. 25 (об).

вошла версия о двух партиях, которой он впоследствии придерживался: «К моменту революции я политически был совершенно безграмотен: например, в марте семнадцатого я долго не мог выбрать, кто лучше – меньшевики или эсеры – и сразу записался в обе партии» [Вс. Иванов, 2018, с. 367]. Это утверждение писателя требует конкретизации. Формально в Кургане в это время существовала партия социал-революционеров, одним из членов которой был друг Иванова Худяков, и партия социал-демократов. Во время выборов в Курганскую городскую думу в мае 1917 г. эти две партии выступают как «Группа объединенных социалистов», и одним из кандидатов в списке числится Вс.Вяч. Иванов (№ 25) – типографский рабочий. Под № 32 выдвигается в Думу К.К. Худяков – ремесленник, живописец<sup>2</sup>. На выборах 1 июля 1917 г. оба кандидата проходят и становятся гласными Курганской городской думы.

В неотправленном письме к И.В. Сталину, написанном 21 октября 1939 г., Иванов назовет еще одну партию: «...в 1918 году я был членом партии с<оциал>-<демократов> интернационалистов (группа “Новая жизнь”) в гор<оде> Омске» [Вс. Иванов, 2018, с. 369]. Возможно, он вступил в эту партию раньше – еще летом 1917 г., когда переехал в Омск. А.А. Штырбул отмечает, что фракция меньшевиков-интернационалистов Омской организации РСДРП была наиболее влиятельной в Сибири весной – осенью 1917 г. В ноябре-декабре четко обозначилось идейно-политическое кредо ее значительной части: «...отрицание социалистического характера Октябрьской революции, отрицание пролетарского классового характера советской власти, <...> отстаивание идеи однородного социалистического правительства, <...> идеи созыва Учредительного собрания, критика деятельности Совнаркома и местных (сибирских) Советов». Постепенное «левение» сибирских организаций, групп и отдельных сторонников РСДРП (и) началось лишь с января 1918 г. [Штырбул, 2003, с. 256–257, 259]. В Омском Совете рабочих и солдатских (военных) депутатов, созданном в марте 1917 г., меньшевики-интернационалисты и эсеры более полугода составляли большинство. Документы передают настроения членов партии, в которой состоял молодой Иванов. Приведем резолюцию Омского Совета от 22 марта 1917 г.: «...предоставить товарищам делегатам свободу действий на Петроградском совещании, поручив лишь им отстаивать мысль о скорейшем созыве Учредительного Собрания»<sup>3</sup>. Из письма Иванова А.С. Неверову известно, что еще во время Директории, т.е. летом 1918 г., он «мечтал об Учредительном собрании для русского народа» [Иванов, 1978, с. 583]. Резолюция Общего собрания Омского совета от 2 сентября 1917 г.: «...в настоящий критический момент революции не может быть иной власти как в центре, в лице Временного Правительства, так и на местах, кроме однородной власти революционной демократии, опирающейся на органы – Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов»<sup>4</sup>, – показывает политические требования членов партии.

<sup>2</sup> Государственный архив Курганской области (ГАКО). Ф. Р. 852. Оп. 1. Д. 18. Л. 25 (об).

<sup>3</sup> ИАОО. Ф. Р-622. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 52.

<sup>4</sup> Там же. Ед. хр. 1. Л. 20, 52 об.

«Для Иванова особенно значима была позиция М. Горького, с чем связано вхождение в горьковскую (по мнению Всеволода Иванова) партию меньшевиков-интернационалистов» [Иванов, 2017], – отмечал сын писателя Вяч. Вс. Иванов. Взгляды Вс. Иванова как члена РСДРП (и) группы «Новая жизнь» в 1918 г. можно, вероятно, отчасти представить по материалам общественно-литературной социал-демократической газеты «Новая жизнь», в которой в 1918 г., как известно, печатались очерки А. М. Горького «Несвоевременные мысли», а также газеты Омского комитета социал-демократов-интернационалистов «Пролетарий». Это сибирское издание защищало интересы рабочих и носило в целом антибольшевистский характер: «Всемирно известно, что с очень давних пор обещали большевики, а именно: мир, хлеб и свободу и в виде бесплатного приложения ко всему этому ни больше ни меньше, как социализм. Мир заключен. <...> Но вырвался ли хоть у одного сознательного рабочего <...> вздох облегчения по поводу прекращения бойни? Нет, каждый знает, чем этот мир пахнет... Полную экономическую кабалу революционной страны – вот что дает действительно позорный и действительно несчастный мир. Хлеб? <...> Целые губернии голодают, во многих местах вспыхивают голодные бунты. <...> Свобода? <...> Она ютится на задворках. <...> Печать удушается. Социализм? Смешно говорить о социализме, <...> когда мы должны платить восьмимиллиардную контрибуцию, когда руда <...> будет беспошлинно переправляться в Германию, когда <...> хлеб <...> пойдет в Берлин... Неужели мы предали интересы рабочего класса и революции, <...> выдаем нашу страну <...> на поток и разграбление?..»<sup>5</sup>. К маю 1918 г. отношение к большевикам еще ухудшается: «...волю пролетариата и крестьянства большевики получают в свои руки бразды правления. Это была весна большевизма, <...> дальше была уже трагедия революции. <...> когда подводишь итоги деятельности советской, по существу же, коммунистически-большевистской власти, приходишь к выводу, что уже большевизм потерял всякую связь с октябрьской революцией, что большевизм вырождается в какие-то чрезвычайно уродливые формы политического ублюдка. Создается бюрократический “советизм”, а антонов огонь продолжает пожирать одну отрасль хозяйства за другой...»<sup>6</sup>.

В контексте материалов газеты «Пролетарий» несколько иначе, чем о них писали исследователи творчества Иванова, выглядят учрежденный им в апреле 1918 г. «Цех пролетарских писателей и художников Сибири» и его предполагаемый орган – ежедневная газета «Согры», вышедшая в количестве только одного номера. Не случайно издание Иванова подверглось такой истребительной критике со стороны советской печати. Единственный номер газеты «Согры» хранится в Государственном архиве Новосибирской области, и есть возможность по-новому прочитать все публикации издания.

<sup>5</sup> Т-снов А. О врагах и предателях // Пролетарий. 1918. 22 марта. С. 2.

<sup>6</sup> Тверской А. Октябрьская революция и большевистский коммунизм // Там же. 1–5 мая. С. 2.

В связи с этим изданием возникает больше вопросов, чем ответов. Прежде всего неясно, кто был членом «Цеха», учредителем издания и автором программных статей. В тексте «Согр» в качестве адреса «Цеха» указан реальный адрес Иванова – Омск, Проломная, 119<sup>7</sup>. Писатель вспоминал, что в «Цех» входили шахтер Сеницын и «два поэта – по профессии слесарь и гробовщик» [Иванов, 1957, с. 129], но, думается, это не соответствует реальности: подобные персонажи нигде не упоминаются в газете «Согры». Беленький называет предположительно двух учредителей «Цеха» – Вс. Иванова и А. Сорокина [Беленький, 1978, с. 36]. Это подтверждают воспоминания М. Минокина, который, со слов Иванова, записал, что «о выходе газеты был поставлен в известность М. Горький. Вс. Иванов выслал ему экземпляр “Согр”, и в петроградской газете “Новая жизнь” появилась информация: “По инициативе известных сибирских писателей Всеволода Иванова и Антона Сорокина основан ‘Цех пролетарских писателей’ в Омске”» [Минокин, 1965, с. 111]. Но ниже Минокин, основываясь на удивленной реплике Иванова в 1961 г. по поводу оказавшегося в «Сограх» рассказа Сорокина, замечает, что в это время у двух писателей были «серьезные расхождения», и пишет: «Видимо, Сорокин не принимал участия в подготовке еженедельника» [Минокин, 1965, с. 111]. Вызывает вопросы и информация в «Новой жизни». Подробно изучив это издание за период зимы – осени 1918 г., мы не нашли упоминания о «Цехе пролетарских писателей» Омска. Более того, если Горький действительно получил экземпляр газеты «Согры», это издание, и прежде всего вторая программная статья «Новая религия», утверждающая необходимость создания «пролетарской религии» и обновления церкви, никак не могли бы вызвать его поддержку. В одном из очерков «Несвоевременные мысли», печатавшемся в то время в «Новой жизни», Горький писал: «Надо вспомнить, что народ веками воспитывался угнетающим волю суровым и безотрадным учением церкви», – и утверждал необходимость скорейшего отказа от этого учения, погружающего «человека в темную пропасть сознания им своего ничтожества перед Богом»<sup>8</sup>.

Однозначный ответ на вопрос об учредителях и составе «Цеха пролетарских писателей и художников Сибири» дать трудно еще и потому, что большая часть материалов «Согр» подписана псевдонимами. Под собственными именами напечатаны только рассказ А.С. Сорокина «Смех угрюмого человека», стихотворения К.К. Худякова «Шайтан» и «Еще полны твои лачуги...», стихотворение Александра Добролюбова «Рука всесильного страданья...», рассказ Вс. Иванова «Шантрапа» (ч. 1) и рецензия преподавателя омской гимназии А. Образцова на «Сборник пролетарских писателей» (Пг., 1917), где были напечатаны рассказы Иванова. Образцовым же подписана информационная заметка о выходе ежемесячного журнала сибирских писателей «Словосвет». Несколько произведений

<sup>7</sup> Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-272. Оп. 1. Ед. хр. 212. Л. 19.

<sup>8</sup> Новая жизнь. 1918. 5 июня. С. 1.

Иванова, известных нам по другим печатным источникам: сибирские сказки «Мысли как цветы», рассказы «Алешкина кооперация» и «Чайник», – стихотворение «Рождение человека», а также юмореска «Ангел мира» даны под псевдонимами: К. Тулупов, Вакула Кедров, Никон Шатунов, Макс Жеекард. Без подписи напечатана передовая статья, посвященная вопросам строительства новой пролетарской культуры. Статья «Новая религия», представленная также на первой странице и носящая программный характер, подписана «Керженцев». Среди известных нам работ П.М. Керженцева (Лебедева), последовательного сторонника программ Пролеткульта и сотрудника газеты «Новая жизнь», такая статья не выявлена. Беленький предполагал, что это псевдоним Сорокина, происходившего из старообрядческой семьи. «Содержание номера свидетельствует о добрых намерениях создателей еженедельника и в то же время об их весьма путаных идеологических взглядах», – характеризовал газету исследователь. Оценивая издание в целом как «выражение пролеткультовских тенденций в области строительства новой культуры» (отрицание культуры прошлого и «мещанской морали буржуазного искусства» и требование от пролетарской культуры «исключительной силы и исключительной талантливости»<sup>9</sup>), он крайне резко отзывается о статье «Новая религия»: «...несовместимая с пролетарской идеологией сектантская проповедь, очевидной целью которой является стремление приспособить религию к задачам революции. <...> не удивительно, что в рецензии на “Согры” в “Известиях Омского совета” (1918. № 79) содержалась убийственная оценка издания Вс. Иванова» [Беленький, 1978, с. 37–38]. Как показали републикация рецензии, впервые осуществленная в 2017 г. Штырбулом, и комментарий исследователя, причины резкой оценки были связаны не только с данной статьей.

В разговоре с Минокиным в 1961 г. Иванов утверждал, что «его перу принадлежат передовица и статья “Новая религия”» [Минокин, 1965, с. 111]. Но даже если спустя более сорока лет после выхода газеты писателя подвела память, очевидно, что изложенные в обеих статьях идеи не противоречили его собственным. Подтверждений тому, что статья «Новая религия» полностью или частично написана Ивановым, а не Сорокиным, несколько. В огромном омском архиве Сорокина (более 600 ед. хр.), где представлены практически все его рукописи, иногда в нескольких экземплярах, хранятся только первая и вторая страницы газеты «Согры», но нет ни автографа, ни машинописи статьи «Новая религия». Ни в одном из своих многочисленных пасквилей на Иванова, написанных в 1920-е гг., в которых утверждалось, что чуть ли не все написанное его «учеником» Ивановым принадлежит Сорокину, он не вспоминает о «Сограх». Именуя себя «национальным гением», «красой и гордостью Великой Сибири», «кандидатом Нобелевской премии» и т.п., Сорокин, происходивший из зажиточной купеческой семьи, никогда не называл себя «пролетарием», тогда как обе статьи –

<sup>9</sup> Новая жизнь. 1918. 5 июня. Л. 15.

и передовая, и «Новая религия», написанные в одном стилевом ключе, – утверждают именно идеи пролетарской культуры и пролетарской религии, восходящие к богостроительству А. Луначарского, А. Богданова и др. В отличие от Сорокина, Иванов был знаком с их трудами. Перекликаясь со многими тезисами теоретиков Пролеткульта о труде как «создателе новой религии» [Луначарский, 1908, с. 94], статья в «Сограх» имеет существенные отличия от их работ. Автор ее не отменяет ни христианскую религию («Я расскажу о пролетарской религии. Конечно, религия остается христианской, так как Христос был учителем и защитником бедных и обездоленных»), ни христианскую церковь («...новая, обновленная церковь» должна «засверкать живым духом христианства и милосердия», из нее «все набранное обманом должно быть возвращено народу: в сверкающем золоте пролетарская религия не нуждается»). Он призывает пролетариат отринуть «религию богачей» и обратиться к первым векам христианства: «Пусть иконы не сверкают золотом, пусть кресты будут деревянными. <...> Архиереям, римским папам вместо золотых, украшенных драгоценными камнями митр и тиар, надо <нрзб> венки из терновника, чтобы <нрзб> знали, что значат раны человеческие». Завершалась статья призывом к пролетариату создать новую веру: «В тяжкую годину кровавых мук народ русский в сердцах своих несет в храмы новую веру, не купленную на деньги, а выплаканную, выстраданную нечеловеческими, почти христовыми страданиями»<sup>10</sup>. Мысль о страданиях как источнике истинного понимания жизни, безусловно, была близка молодому Иванову: об этом он еще в 1916 г. напишет Горькому [Иванов, 1985, с. 7]. Вопросы новой веры будут поставлены Ивановым впоследствии в ряде произведений 1920–1922 гг.: очерке «Из рабочих недр», повести «Цветные ветра» и др.

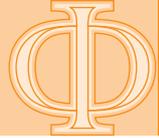
На странице четыре номера газеты приведена Выписка из «Устава Цеха», свидетельствующая о задачах и масштабных планах его учредителей, направленных на поддержание творчества рабочих:

- 1) Дать возможность пролетарским писателям сорганизоваться совместно с художниками Сибири для более тесного сплочения сил.
- 2) Организовать при цехе «Согры» библиотеку книг и читальню пролетарских писателей.
- 3) Организовать художественную выставку и «базар».
- 4) Организовать издание журналов, газет и вообще трудов пролетарских писателей.
- 5) Организовать труппу артистов для постановки пьес пролетарских писателей.
- 6) Открыть кассу взаимопомощи нуждающимся писателям и художникам<sup>11</sup>.

Наиболее известный отклик на «Согры» был напечатан 21 или 22 апреля 1918 г. в газете «Известия Западно-Сибирского и Омского областных исполнительных комитетов Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов и Омского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов». Называлась статья «Под чужим флагом (Цех пролетарских писателей и буржуев Сибири)» и подписана

<sup>10</sup> ГАНО. Ф. Р-272. Оп. 1. Ед. хр. 212. Л. 15.

<sup>11</sup> Там же. Л. 19.



была «М. Югович». Несмотря на многопартийность, существовавшую при первой советской власти в Сибири весной 1918 г., рецензент не оставил от публикаций «Согр» камня на камне: иронизировал над поспешностью авторов, сдавших объявления в газеты «Дело Сибири» (издание партии эсеров. – *Е.П.*) и «Омский вестник» и сразу приступивших к строительству новой культуры, над «бледной» и «вялой» статьей «Новая религия», «нагло-рекламным рассказом Антона Сорокина», «безотрадным впечатлением», которое произвела постановка «ходульной, деланной, совершенно несценичной» пьесы Иванова «Черный занавес» и т.п. Статья «Новая религия» особенного возмущения автора не вызвала, зато передовой статье досталось за пренебрежение к революции: «Старые боги умерли, нужно создавать новых, – гордо заявляет передовица, и мимоходом, окрестьяв русскую революцию “высыхающим болотом”, – поражает буржуазное искусство...» (Цит. по: [Штырбул, 2017, с. 326–327]).

Напрямую Иванов нигде не дает подобной оценки революции, но открывается передовая статья «Согр» следующей образной характеристикой пореволюционного времени: «На высыхающих болотах, там, где были бездонные глубины, – вырывается кверху молодая, буйная поросль – согры. Пройдет время, вместо тонких прутиков поросли вырастут могучие деревья и будет новая, пышная жизнь». «Согры» здесь представляют пролетариат, за которым, по мнению писателя, будущее. «Интеллигенция симпатизировала грядущим творцам жизни, но душу их не поняла», и задача народа – отбросить ненужную часть созданного ею миропонимания, «отбросить, поняв его дряблую духовную сущность». Пролетариат сам должен выполнить «необычайно трудную работу» по созданию новой культуры, должен «прорваться чрез ту плотину, что составляет на сердце пролетариата из программ различных партий»<sup>12</sup>. Очевидно, к моменту выпуска «Согр» Иванов уже разочаровался в партиях, к которым принадлежал, подтверждением чему также служит их сатирическая характеристика в пьесе «Гордость Сибири Антон Сорокин» (1918):

СОЦИАЛ-РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ – рыбоподобные люди с головами сирен, хвост золотой с надписью «Земля и воля» почти всегда в воде, в критические минуты закрывают хвостом глаза, отчего попадают не туда, куда нужно.

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТЫ – быки с головами Петра Великого, на рогах чемодан, в котором лежит пузо, указывающее им землю обетованную. Красный цвет их очень раздражает [Неизвестный..., 2010, с. 144].

В «Истории моих книг» Иванов назвал автором статьи поэта Ю. Сопова. А.А. Штырбул убедительно доказал, что поэт, член кружка Сорокина и товарищ Иванова, никак не мог написать данную статью, а принадлежала она К.М. Молотову – журналисту, члену РКП(б), члену Западно-Сибирского областного и Омского городского Советов, весной 1918 г. – главному редактору газеты «Известия...», в августе 1918 г. на Первой Сибирской нелегальной конференции партии большевиков избранному председателем Сибирского областного комитета

<sup>12</sup> ГАНО. Ф. Р-272. Оп. 1. Ед. хр. 212. Л. 15.

РКП(б) первого состава [Штырбул, 2017, с. 327–328]. Возможно, называя автором Сопова, Иванов не ошибся, как считает исследователь, а сознательно не хотел приводить имя главного редактора советского издания, большевика.

После жесткой критической оценки выпуск газеты «Согры» остановился. В мемуарах Иванов указывает другую причину: он не зарегистрировал издание в Совете. «Крайне прискорбно, – отмечает Штырбул, – что у омских большевиков и, в первую очередь, у одного из ведущих левых интеллектуалов города и региона К. Молотова, не нашлось такта и слов поддержки в отношении творческого порыва группы Сорокина – Иванова. Возможно, большевиков насторожило и оттолкнуло от мероприятия то, что в своем проекте группа “Согры” и “Цех” опирались, в том числе, и на некоторое содействие антисоветской Омской организации ПСР, а именно на одного из ее лидеров П.Н. Дорохова, (поддержавшего “Цех” и его начинания), и на ее газету “Дело Сибири”, напечатавшую на своих страницах объявления-анонсы о “Сограх” и “Черном занавесе”» [Штырбул, 2018, с. 533].

Изданию «Цеха» было посвящено еще несколько статей в сибирской периодике. Газетные вырезки хранятся в архиве Сорокина, источники их не установлены. Приведем выдержки из этих рецензий, которые существенно отличаются от оценки «Известий...»:

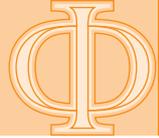
«Согры» – еженедельник цеха пролетарских писателей и художников Сибири № 1.

Приветствуя выход в свет № 1 еженедельника цеха пролетарских писателей и художников, отмечаем великолепно подобранный материал, ярко оправдывающий цель издания. В передовой статье коллектив бодро обращается к читателям: «Пролетариатом строится новая культура. Старая культура, к которой с жадностью бросились новые, идущие из народа творческие силы, – эта культура давала много духовных наслаждений, но откликов на те чувства, что бушуют в пролетариате, тех фундаментов, на которые он должен опереться при новых взглядах на мир, – ничего этого он в старой культуре не находил и не найдет, пока не выдвинутся свежие силы из его среды». Из отдельного материала отметим сильную статью г. Керженцева – «Новая религия», трактующую об отделении церкви от государства. <...> Хорош рассказ Иванова. <...> Остается пожелать новому пролетарскому органу дальнейшей плодотворной работы. В.<sup>13</sup>

Мы не думаем, как думают редакция «Согры», что пролетариат уже усвоил современную культуру, созданную усилиями величайших гениев, в том числе и лучших людей России <...>. Именно незрелостью пролетарского восприятия культуры и объясняется развязное пренебрежение некоторых пролетарских писателей, в том числе и сотрудников «Согры», к языку и духу старой литературы. <...> Отметим, как исключение, свежий, душевно хороший рассказ «Алешкина кооперация» и недурные сибирские сказки Никона Шатунова. Забавна юмореска Макса Жеекарда «Ангел мира». В своем роде любопытна статья Керженцева «Новая религия». Она показывает, что даже среди пролетариев России сильно еще религиозное чувство, которое столько лет оскорблялось и заглушалось официальным православием, но и пишущий пролетарий, как т. Керженцев, не усвоил еще, что человечество переросло христианство, даже в его чистом виде, и что социалист, стремящийся все понять и свободно взирающий в глаза жизни, не нуждается ни в какой религии. <...> Рекомендуем сибирским рабочим читать «Согры». Пишут там как-никак рабочие. А по делам их осудим их<sup>14</sup>.

<sup>13</sup> ИАОО. Ф. 1073. Оп. 1. Ед. хр. 370. Л. 12.

<sup>14</sup> ИАОО. Ф. 1073. Оп. 1. Ед. хр. 370. Л. 57 об.



Датировать тексты рецензий можно не позднее 7 июня 1918 г., так как впоследствии интересами сибирских рабочих мало кто уже был озабочен: советская власть в Омске была свергнута.

4 июля 1918 г. Временное Сибирское правительство приняло декларацию о государственной независимости Сибири, тем самым юридически была оформлена «Сибирская республика» как автономная часть единой России. Власть автономного правительства, которая формально распространялась на всю территорию от Тихого океана до Урала, была крайне недолгой, и сделано ею было для Сибири очень немного. Основные «сибирские областные вопросы» по-прежнему оставались нерешенными и продолжали привлекать к себе внимание партий, политиков и региональной интеллигенции, но с учетом изменившейся политической ситуации теперь формулировались по-другому. Летом 1918 г. формируется движение под лозунгом: «Через свободную Сибирь к возрождению великой России», поднятое под бело-зеленым флагом [Шиловский, 2003, с. 206–207]. Эсеровская газета «Земля и труд», куда не перестает посылать свои произведения Иванов, публикует лозунги времени: «Да здравствует Свободная Сибирь!», «Да здравствует Всесибирское Учредительное собрание!», «Да здравствует Всероссийское Учредительное собрание!»<sup>15</sup>.

Вне зависимости от того, какое правительство находится у власти, Иванов в 1918–1919 гг. также продолжает в своих статьях привлекать внимание к вопросам печати. Еще в мае 1918 г. выходит подготовленный Ивановым и Сорокиным первый номер журнала «Словосвет», редакционная статья посвящена драматическим судьбам писателей «Великой Сибири, с 35-миллионным населением»<sup>16</sup>. В сентябре 1918 г. Иванов отстаивает в газете «Дело Сибири» идею создания кооперативного «Издательства писателей-рабочих»: «Здоровую книгу необходимо возрождать и возрождать немедленно, возрождать всем силами. <...> Тем более нужна книга Сибири: оторванная благодаря происходящей кровавой мистерии от центров, Сибирь, с ее 30-миллионным населением, не имеет своих книгоиздательств (не считая, конечно, нескольких мародеров книги, вроде иркутских “Ирисов”»». Автор статьи возмущен, что «не издается п о ч т и н и ч е г о по вопросам кооперации, страхования рабочих, профессионального строительства и т.п.» [Неизвестный..., 2010, с. 125]. Протест автора против бульварных журналов, где вместо «Великана Книги» выступает на сцену «пинкертоно-похабный Хам», отразился в памфлете «Как я сотрудничал в “Женском журнале”» (Дело Сибири. 1918. 1 сент.), где в сатирической форме представлена работа молодого писателя в одном из подобных журналов [Неизвестный..., 2010, с. 123–124].

В марте 1919 г., когда у власти уже находится Верховный Правитель России адмирал А.В. Колчак, газета сибирских кооператоров «Заря» публикует статью В. Кирьякова «Гибель и возрождение книги», в которой утверждается: «...нам, сибирякам, надо восстанавливать разрушенную культуру», а для этого наладить

<sup>15</sup> Земля и труд. Курган, 1918. 9 сент. С. 2.

<sup>16</sup> ИАОО. Ф. 1073. Оп. 1. Ед. хр. 393. Л. 42.

в Сибири книжное дело: «...в противовес разного рода пинкертоновщине <...> теперь, как никогда, необходимо нужна идейная, так сказать, учительная, образовательная, словом “здоровая книга”»<sup>17</sup>. На той же газетной странице печатается очерк Иванова «В деревне», где автор приводит письма земляков из родного поселка «Лебяжье»: «Почему книг не продают таких, каких надо? Полезных и в объяснение жизни. Ты об этом в газетах напиши, чтобы услышали, а то у народа стихия такая пошла, чтобы учиться»; «Никаких книг здесь нету, газеты не шлют, не получаем, да газеты нам читать и несходственно – много не понимаем. Учиться надо». «Слов не поняли! Может ли что быть ужаснее этого? Люди, не понимающие русских слов, кем-то, когда-то призывались творить социальную революцию»,<sup>18</sup> – комментирует автор.

Работу в газетах и журналах Вс. Иванов будет продолжать и в 1920-е гг., при советской власти. В Омске по приглашению А.П. Оленича-Гнененко примет участие в издании газет «Рабочий путь» и «Советская Сибирь», в 1921–1922 гг. в Петрограде будет работать в пролеткультовском журнале «Грядущее». Думается, что когда в сентябре 1927 г. после изгнания из журнала «Красная новь» А.К. Воронского, обвиненного в поддержке троцкизма, он ответит согласием на предложение сотрудничать в обновленной редакции и останется в журнале вплоть до его закрытия в 1942 г., это во многом станет продолжением юношеских стремлений, несмотря на политические и партийные разногласия, «объединить тружеников пера» и «помочь им в исполнении просветительской работы»<sup>19</sup>.

*Выводы и заключение.* Проведенный анализ издательской деятельности и публицистики Иванова сибирского периода показывает, насколько значимым для молодого писателя было способствовать решению одного из насущных «сибирских областных вопросов» – вопроса о просвещении в стране. Свою цель, направленную на удовлетворение нужд родины, он стремился осуществить, не принимая во внимание партийные интересы и противоречия, в различных политических ситуациях, при разных правительствах, создававшихся в Сибири в период 1917–1920 гг.

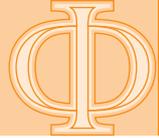
### Библиографический список

1. Беленький Е. Из сибирской тетради. Очерки и портреты. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1978. 288 с.
2. Всеволод Иванов. «Бронепоезд 14-69»: Контексты эпохи / сост. Е.А. Папкина; отв. ред. Н.В. Корниенко. М.: ИМЛИ РАН, 2018. 736 с.
3. Всеволод Иванов – писатель и человек. Воспоминания современников. Изд. 2-е, доп. М.: Советский писатель, 1975. 448 с.
4. Иванов Вс. История моих книг // Наш современник. 1957. № 3. С. 120–150.
5. Иванов Вс. Переписка с А.М. Горьким. Из дневников и записных книжек. Изд. 2-е, доп. М.: Советский писатель, 1985. 480 с.

<sup>17</sup>Заря. 1919. 1 мар. С. 3.

<sup>18</sup>Там же.

<sup>19</sup>ГАНО. Ф. Р-272. Оп.1. Ед. хр. 212. Л. 18.



6. Иванов Вс. Собрание сочинений: в 8 т. М.: Художественная литература, 1978. Т. 8. 784 с.
7. Иванов Вяч. Вс. Проблема отношения к партиям и другим объединениям в биографиях начинающих писателей революционного времени (Пример Всеволода Иванова) // Русская революция 1917 года в литературных источниках и документах / отв. ред. В.В. Полонский. М.: ИМЛИ РАН, 2017. С. 311–321.
8. Луначарский А.В. Религия и социализм: в 2 ч. СПб.: Шиповник, 1908. Ч. 1. 227 с.
9. Минокин М.В. Всеволод Иванов и Сибирь // Простор. 1965. № 2. С. 109–112.
10. Неизвестный Всеволод Иванов: материалы биографии и творчества / отв. ред. Е.А. Папкина. М.: ИМЛИ РАН, 2010. 784 с.
11. Папкина Е.А. Вс. Иванов «Очерки фронта»: Сибирские источники повести «Бронепоезд 14-69» // Перелом 1917 года: революционный контекст русской литературы / отв. ред. В.В. Полонский. М.: ИМЛИ РАН, 2017. С. 405–460.
12. Сборник к 80-летию дня рождения Григория Николаевича Потанина. Избранные статьи и библиографический очерк. Томск: Типо-лит. Сиб. т-ва печ. дела, 1915. 115 с.
13. Шиловский М.В. Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917–1920 гг. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2003. 427 с.
14. Штырбул А.А. Время, отраженное в творчестве // Всеволод Иванов. «Бронепоезд 14-69»: Контексты эпохи / сост. Е.А. Папкина; отв. ред. Н.В. Корниенко. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 514–576.
15. Штырбул А.А. Из омских лет Всеволода Иванова: к вопросу об авторстве статьи «Под чужим флагом» // Русская революция 1917 года в литературных источниках и документах / отв. ред. В.В. Полонский. М.: ИМЛИ РАН, 2017. С. 322–329.
16. Штырбул А.А. Политическая культура Сибири: опыт провинциальной многопартийности (конец XIX – первая треть XX века). Омск: Омск. гос. пед. ун-т, 2003. 243 с.

### **Сведения об авторе**

Папкина Елена Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук; e-mail: elena.iv@bk.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2022-20-3-121>

## FOR THE NEEDS OF THE NATIVE LAND: VSEVOLOD IVANOV – PUBLISHER

**E.A. Papkova (Moscow, Russia)**

### Abstract

*Statement of the problem.* In the article, in the light of new materials of the biography and creativity of Vsevolod Ivanov, his publishing activity and journalism of 1916–1920 are considered.

*The purpose of the article* is to analyze the publishing work of Ivanov and his journalism in the context of the historical and political situation and the party struggle in Siberia in the first post-revolutionary years.

*Research methodology.* The article uses comparative historical textological methods, the method of historical and literary commentary.

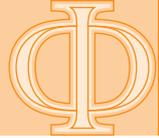
*Research results.* The article shows that throughout the entire Siberian period of his work, publishing was extremely important for Ivanov, a typographic worker and a novice writer. He considered publishing in the context of the tasks of the Siberian regionalists. Analysis is given to an issue of the one-day newspaper *The employees' day / Den Sluzhashchikh* (Kurgan, 1916); articles devoted to the creation of a publishing house of writers-workers and to the release of books necessary for Siberia; an issue of the newspaper *Workshops of Proletarian Writers and Artists of Sogry/ Tsekha proletarskikh pisateley i khudozhnikov Sogry* (1918), the materials of which are presented in the context of the writer's party affiliation – his membership in the Menshevik-Internationalist Party of the *New Life* group. The responses in the Omsk press in the spring of 1918 to the release of the *Sogry* newspaper are given, as well as assessments of the publication by representatives of various parties.

*Conclusions.* Analysis of publishing activity and journalism of Ivanov 1916–1920 shows how important it was for a young writer to contribute solution to one of the pressing *Siberian regional issues* – the need of education in the country. He sought to achieve this goal in various political situations, under various governments that formed in Siberia during this period.

**Keywords:** *Vsevolod Ivanov, Siberian regional issues, publishing activity, party disagreements, Sogry newspaper, responses in the press.*

### References

1. Belenky E. From the Siberian notebook. Essays and portraits. Novosibirsk: West Siberian publishing house, 1978. 288 p.
2. Vsevolod Ivanov. “Armored train 14-69”: Contexts of the era / comp. E.A. Papkova; ex. ed. N.V. Kornienko. Moscow: IMLI RAN, 2018. 736 p.
3. Vsevolod Ivanov is a writer and a person. Memoirs of contemporaries. 2nd ed., supplemented. Moscow: Soviet writer, 1975. 448 p.
4. Ivanov Vs. The Story of My Books // *Nash sovremennik*. 1957. No. 3. P. 120–150.
5. Ivanov Vs. Correspondence with A.M. Gorky. From diaries and notebooks. 2nd ed., supplemented. Moscow: Soviet writer, 1985. 480 p.
6. Ivanov Vs. Collected works: in 8 vols. Moscow: Fiction, 1978. Vol. 8. 784 p.
7. The problem of attitudes towards parties and other associations in the biographies of novice writers of the revolutionary time (Example of Vsevolod Ivanov) // *Russian Revolution of 1917 in literary sources and documents* / ex. ed. V.V. Polonsky. Moscow: IMLI RAN, 2017. P. 311–321.



8. Lunacharsky A.V. Religion and socialism: in 2 hours. St. Petersburg: Shipovnik, 1908. Part 1. 227 p.
9. Minokin M.V. Vsevolod Ivanov and Siberia // Prostor. 1965. No. 2. P. 109–112.
10. Unknown Vsevolod Ivanov: Materials of biography and creativity / ex. ed. E.A. Papkova. Moscow: IMLI RAN, 2010. 784 p.
11. Papkova E.A. Vs. Ivanov “Essays of the Front”: Siberian sources of the story “Armored train 14-69” // The turning point of 1917: the revolutionary context of Russian literature / ex. ed. V.V. Polonsky. Moscow: IMLI RAN, 2017. P. 405–460.
12. Collection for the 80th birthday anniversary of Grigory Nikolaevich Potanin. Selected articles and bibliographic essay. Tomsk: Tipo-lit. Siberian Printing Association, 1915. 115 p.
13. Shilovsky M.V. Political processes in Siberia during the social cataclysms of 1917–1920. Novosibirsk: Siberian Chronograph, 2003. 427 p.
14. Shtyrbul A.A. Time reflected in creativity // Vsevolod Ivanov. “Armored train 14-69”: Contexts of the era / comp. E.A. Papkova; ex. ed. N.V. Kornienko. Moscow: IMLI RAN, 2018. P. 514–576.
15. Shtyrbul A.A. From the Omsk years of Vsevolod Ivanov: on the question of the authorship of the article “Under false flag” // Russian Revolution of 1917 in literary sources and documents / ex. ed. V.V. Polonsky. Moscow: IMLI RAN, 2017. P. 322–329.
16. Shtyrbul A.A. Political culture of Siberia: the experience of a provincial multi-party system (the end of the 19th – the first third of the 20th century). Omsk: Omsk State Pedagogical University, 2003. 243 p.

### About the author

Papkova Elena Alekseevna – PhD (Philology), Associate Professor, Senior Researcher, M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); e-mail: elena.iv@bk.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2022-20-3-122>

УДК 82

## МОТИВ ПАМЯТИ И ЕГО ТРАНСФОРМАЦИЯ В ЛИТЕРАТУРЕ СОВЕТСКОЙ И ПОСТСОВЕТСКОЙ ДЕЙТЕЛЬНОСТИ

Л.В. Гаврилова (Красноярск, Россия)

М.В. Ларина (Красноярск, Россия)

### Аннотация

*Постановка проблемы.* Преимущественное обращение современных писателей к опыту прошлого приводит к смещению темпорального режима, а преобразование дискурса культурной памяти имеет широкий диапазон авторских стратегий. Реализация мотива памяти как свидетельства или реконструкции находит отражение в структуре текстов на уровне хронотопа, композиции и жанра.

*Цель исследования.* Проанализировать способы трансформации мотива памяти на примере знаковых произведений советской и постсоветской литературы: М. Булгакова «Белая гвардия», Б. Пастернака «Доктор Живаго» и Е. Водолазкина «Авиатор».

*Методы исследования.* Культурно-исторический, сравнительно-типологический, мотивный, нарратологический, структурно-семиотический анализ текста.

*Результаты исследования.* Момент исторического перелома как центральное событие текста актуализирует появление культурно-исторического хронотопа, который в то же время противопоставлен хронотопу дома. Традиционные мифологемы, используемые в изображении дома, города, природы на метафорическом уровне, находятся в постоянном взаимодействии с культурным мифом, который нашел отражение в приеме литературной аллюзивности. Конфликт асимметрии памяти уступает место конфликту между «человеком вспоминающим» и забвением.

*Выводы.* Литература постсоветского периода находится на достаточной дистанции для проработки травматического опыта, однако вынуждена реконструировать прошлое на основании тех свидетельств, которые уже были оставлены, – быть «свидетелем свидетелей». Преодоление травмы памяти – ведущая тема современной литературы.

**Ключевые слова:** *мотив, мотив памяти, свидетельство, реконструкция, темпоральный режим, культурно-исторический хронотоп, «Авиатор», «Белая гвардия», «Доктор Живаго».*

**П**остановка проблемы. Определение места человека в истории – ключевой вопрос гуманитарных наук XX в., получивших особое развитие в прошедшее столетие. История, точнее, та скудная часть данных исторического времени, поддающаяся интерпретации, которыми располагает культура, невозможна без процесса памяти, как индивидуальной, так и в более широком масштабе – исторической, социальной или культурной. Важным отражением исторической и национальной памяти является литература: именно в ней тугим узлом связаны противоречия прошлого в свете различных толкований. В то же время создание литературного произведения, посвященного определенному событию, нередко хронологически дистанцируется от непосредственного происшествия в связи с необходимостью осмыслить данное.

Память – форма психического отражения действительности, заключающаяся в запоминании, удержании, хранении и, что немаловажно, забывании информации [Менделевич, 2017, с. 117]. Память общается знаками, превращая некий средовой фактор в цепь импульсов, синтезируемых в единое воспоминание, память создает связь между означаемым и означающим и из этого множества связей актуализирует, наделяет смыслом те, что помогают прогнозировать, строить будущее. Однако же ошибочно считать, что противоположным процессом для памяти является забвение. Утрата четкости или уменьшение в объеме закрепленного материала – необходимое свойство самой памяти, важнейшее условие для здорового функционирования человеческой психики. Искажение исторической памяти в литературном произведении (намеренное или ненамеренное) – феномен, природе которого необходимо понять правильно – это данность, без которой невозможна литература. «Вымысел не есть обман, замысел – еще не точка...» – эти слова Б.Ш. Окуджавы наиболее точно передают сущность творческого процесса в литературном искусстве.

Произведения современной литературы маркированы интересом к трагическим событиям XX в., преимущественное обращение писателей к прошлому ушедших поколений парадоксальным образом приводит к смещению темпорального режима [Ассман, 2017, с. 5] современной культуры – от яркого интереса к будущему, веры в прогресс эпохи модерна до тотально-привилегированного положения прошлого на фоне быстро развивающихся инновационных сфер. «Понятие темпорального режима позволяет сравнивать <...> разные способы отношения ко времени: формы восприятия времени здесь и в иных культурах, сегодня и вчера; способы бытия во времени. <...> Речь идет о видах историчности и о том, как человечество переживает свою историю» [Hartog, 2005, с. 8].

Преобразование дискурса культурной и исторической памяти в современной литературе имеет широкий диапазон авторских стратегий, память становится метафорой, символом, литературным фактом, «момент ее характерного и по-своему уникального бытования среди бытования других предметов» [Силантьев, 2018, с. 71] и явлений означает через событийный ряд художественного текста, память заявлена и сама по себе как свободный феномен, который необходимо осмыслить главному герою. Таким образом, память – один из ведущих мотивов современных текстов, «в аспекте того смысла, который обретает событие в сюжете» [Силантьев, 2018, с. 73].

Память – лейтмотив таких знаковых произведений, как «Доктор Живаго» Б. Пастернака, «Белая Гвардия» М. Булгакова, «Авиатор» Е. Водолазкина, «Обитель» З. Прилепина, основной сюжет которых – «сохранение памяти о трагедии, <...> что стало процессом гражданского самоопределения, не имеющим финала, ведь этот процесс продолжается и сегодня» [Ковтун, 2020, с. 7].

*Цель* исследования – анализ способов трансформации мотива памяти на примере знаковых произведений советской и постсоветской литературы: М. Булгакова «Белая гвардия», Б. Пастернака «Доктор Живаго» и Е. Водолазкина «Авиатор».

*Методы* исследования: культурно-исторический, сравнительно-типологический, мотивный, нарратологический, структурно-семиотический анализ текста.

Мы предполагаем, что в зависимости от времени написания текста относительно повествуемых в нем исторических событий выбор художественных стратегий меняется, что находит отражение в структуре текстов, в выборе художественных средств на уровне хронотопа, системы персонажей, нарраторов, композиции и жанра. В работе использовались культурно-исторический, сравнительно-типологический, мотивный, нарратологический методы исследования, структурно-семиотический анализ текста.

Для произведений, написанных авторами – очевидцами ключевых событий XX в., характерным является выстраивание памяти как свидетельства, память идет по следу прошедших событий. Для современной литературы более характерен принцип реконструкции. «Реконструкция <...> предполагает, что воспоминание можно закрепить все новым и новым воспроизведением, причем каждая актуализация что-то изменяет и привносит с собой что-то новое» [Ассман, 2018, с. 137]. Именное положение реального автора как очевидца эпохи или «свидетеля свидетелей» определяет способы памятования, т.к. восприятие прошлого резко отличается у людей, непосредственно переживших событие, и у людей, только слышавших или читавших о нем. Общим же становится определение памяти как совместного предмета рефлексии автора и героев, а также стремление к преодолению травмы памяти («trauma studies»).

#### *Результаты исследования*

**Хронотоп и миф: поиск дистанции.** Анализ мотива памяти следует начать с рассмотрения хронотопа и способов его создания в указанных литературных произведениях. Диалектическое единство описания (маркировка топоса) и повествования (маркировка времени) [Николина, 2007, с. 122] дают широкое поле не только для исследования хронотопа в каждом тексте, но и для выявления интертекстуальных связей между романами «Белая Гвардия» М. Булгакова, «Доктор Живаго» Б. Пастернака и «Авиатор» Е. Водолазкина. Момент исторического перелома как центральное событие внутритекстового бытия актуализирует появление культурно-исторического хронотопа, основная черта которого заключается в том, что «биографическое время необратимо в отношении самих событий жизни, которые неотделимы от исторических событий» [Бахтин, 1975, с. 292]. Судьба главного героя, попадающего в круговорот событий революции, оказывается неразрывно связана с судьбой народа, государства, в настроении повествования прослеживается тема рока, неизбежности страданий, утраты самости, ментальной и физической смерти, восходящая к пушкинской реминисценции: «И от судеб защиты нет».

Ключевым символом исторического перелома становится образ метели, русской зимы, холода. Зимний пейзаж – наиболее известный и любимый мотив русской литературы, «анализ пейзажных мотивов помогает почувствовать не только национальное своеобразие литературы, но и ее историческое движение – именно

потому, что мотивы эти сами стоят как бы вне истории» [Юкина, 1979, с. 171]. Русская зима со всеми ее образными атрибутами, такими как описание погоды, зимних праздников, человеческого быта, становится своеобразным национальным кодом и обретает глубину метафоры, символа, самостоятельного хронотопа – в художественном выражении зима становится и местом, и временем происходящих событий, а также способом маркировки события при художественном повторе. Так, знаковой является первая встреча Юрия Живаго с Ларой в морозную ночь с туманом, символизирующую будущее бездорожье, образ метели появляется и при вхождении Комаровского в их последнее пристанище – дом в Варыкино.

Схожий мотив можно увидеть в написанном ранее романе М. Булгакова «Белая гвардия», где сама история – необратимая, страшная в своей жестокости изгоняет героев в «стужу» Гражданской войны, в которой распадается связь времен. Образ смертельного холода, погрузившего главного героя романа «Авиатор» в почти столетний сон, перекликается с образом зимнего Петербурга и Соловков. Страна Полночи оказывается зеркальным, перевернутым отражением теплого человеческого мира семьи, в ней утопия построения идеального социалистического государства, где все люди будут счастливы, оборачивается антиутопией, царством страха и смерти.

Зимнему хронотопу (т.е. хронотопу внешнего мира) противостоит идиллический хронотоп домашнего очага. Мир семьи Турбиных из последних сил пытаются сохранить люди, чье будущее уже обречено на гибель. Дом-память хранит в себе воспоминания нескольких поколений, уходящей эпохи. Дом – не просто место, квартира, но в первую очередь это связь дорогих друг другу людей. Дом становится сакральным пространством, в котором любая бытовая мелочь (Саардамский Плотник, настенные часы), деталь из старинного уклада является инструментом таинства, особой «семейной» литургии. Однако амбивалентность образа зимы как места-времени духовного сна, смерти, дантовского Ада предполагает диалектически связанную с ней интенцию будущего Воскресения: бесплотный чистый свет снега и льда олицетворяет собой небесный рай, перенесенный на землю, воплощенный самой природой.

В пластике художественного текста воплощение этой идеи больше всего обнаруживается в сценах Рождества, где гармонично соединяются между собой мир нетварной природы с миром семьи и дома. Елка у Свентицких, как и встреча маленького Платонова на празднике с Добросклоновым из романа Е. Водолазкина «Авиатор», подчеркнуты мифологическим контекстом. Явление Блока в русской культуре описывается Пастернаком в стихотворении «Рождественская ночь», о стихотворении поэта «Летун отпущен на свободу» вспоминает в больнице Платонов. Важно заметить, что в создании мифопоэтического строя текста авторами используются разные стратегии. Так, Б. Пастернак использует «блоковскую» тему как сквозную, «литература не просто предстает *“проекцией жизни”*, но, скорее, ее максимально ясным и четким образом» [Солдаткина, 2011, с. 119]. Цитатность романа Е. Водолазкина «Авиатор» скорее подражает постмодернистской

традиции, культурный миф вторичен по отношению к мифу домашнего очага (оставшегося лишь в воспоминаниях главного героя) – и в этом проявляется основное отличие романа от более ранней прозы, где дом все-таки является текстовой реальностью, хоть и наделен мифологическими чертами.

На уровне метатекста важным сходством трех произведений являются художественные образы Киева, Москвы и Петербурга, объединенные общим хронотопом города. Город в данных романах имеет два плана, он существует в реальном историческом времени – это город беспокойных лет Гражданской войны, и в то же время Город-миф, который «в культурной традиции изначально представляет собой структуру порядка, мыслимого в категориях иерархичности, пропорциональности и целесообразности» [Белогурова, 2013, с. 221]. Первый план наполняют трагические события войны: ввод в Киев войск Петлюры, описания голода в Москве и беспорядков в Петербурге. Внешнесобытийному, временному плану повествования противостоит описательный план вещного мира, где, как было сказано выше, каждая деталь домашнего быта приобретает сакральный смысл и переводит пространство дома в измерение вечности. В произведении Е. Водолазкина особое значение в данном контексте приобретает концепт слова. Через называние вещи, события по имени главному герою удается воссоздать мир своего времени в деталях цвета, запаха и звука. Утраченное Платоновым вечно живет в его памяти. Таким образом, историческое и мифологическое пространство-время произведений как бы меняются местами: мифический мир созданных человеком вещей делает мир героев более устойчивым, сущностным, осязаемым, в то время как история представляется лишь тенью реальной жизни.

Локальные тексты современной литературы не ограничиваются городской тематикой, в контексте новейшей лагерной прозы интересным феноменом стал Соловецкий текст, наиболее ярко представленный в романах Е. Водолазкина «Авиатор» и З. Прилепина «Обитель» [Ковтун, 2018, с. 78]. Специфический для утопического метажанра хронотоп острова здесь не только «источник, отправной пункт и синекдоха раскинувшейся на всю страну сети ГУЛАГ, но и символический топос, важный для истории всей страны» [Франк, 2017, с. 159]. В романах присутствует множество отсылок на исторические документы, воспоминания Соловецких узников (Д.С. Лихачева, Б. Ширяева). Подражание историческому документу (псевдодокументальность), введение в текст героев, имеющих реальные прототипы в истории, – характерная черта современных произведений, посвященных теме репрессий. На примере последних текстов можно увидеть, что зачастую, будучи реконструкцией прошлого, литературный памятник создает некий символ эпохи, а художественный мир, творимый автором, способствует образованию нового мифа, такого необходимого для человека, стоящего на разломе эпох.

**Композиция и система наррации.** Н.Д. Тамарченко определил композицию как «систему фрагментов текста произведения, соотнесенных с точками зрения субъектов речи и изображения, эта система организует, в свою очередь, изменение точки зрения читателя и на текст, и на изображенный мир» [Тамарченко, 2004, с. 223].

Таким образом, ключевым моментом является соотнесение различных точек зрения в тексте и изменение их взаимодействия в романах. Повествование от третьего лица и его относительная линейность, характерные для романов Булгакова и Пастернака, могут быть противопоставлены «я-повествованию» и абсолютной фрагментарности, хаотичности расположения глав в тексте Водолазкина «Авиатор». Однако различия внешней архитектоники текста коррелируют и с особенностями внутренней композиции, к которой могут быть отнесены художественные повторы, система мотивов и персонажей, смена точки зрения и специфика конфликта.

Так, в романах «Белая Гвардия» и «Доктор Живаго» повествовательная перспектива выстраивается по типу внешней фокализации: взгляд на героя оформляется с помощью внешне нейтрального, объективированного, безоценочного нарратива, который можно уподобить беспристрастной камере оператора-документалиста, находящегося, однако, внутри мира текста. В текстах прослеживается постоянное смещение точки зрения от автора-повествователя к главному герою, причем нередко точка зрения проявляется в несобственно-прямой речи, то есть совпадает между героем и автором: «О, как хочется иногда из бездарно-возвышенного, беспросветного человеческого словоговения в кажущееся безмолвие природы, в каторжное беззвучие долгого, упорного труда, в бессловесность крепкого сна, истинной музыки и немеющего от полноты души тихого сердечного прикосновения!» [Пастернак, 2001, с. 166]. Семантическую композицию здесь формируют оппозиции «человеческое» и «природное», «словоговение» и «безмолвие».

Схожие семы можно встретить и в романе Е. Водолазкина «Авиатор», в котором слово, однако, становится константой памяти, а немота – метафорой забвения. Ретроградная амнезия, связанная с заморозкой в экспериментальной лаборатории «ЛАЗАРЬ», образует в памяти главного героя провалы, делает ее фрагментарной, центонной. Воспоминания Платонова подобны лоскуткам, из которых сшивается материя. Неправильное соединение таких лоскутков приводит к искажениям памяти (Иннокентий не может вспомнить время года, когда впервые встретился с Анастасией на кладбище – весной или осенью), невозможность состыковать, соединить нужные куски – к пробелам (незапоминание лиц, имен), а страшный узор, складывающийся из множества фрагментов (trauma studies), – к отрицанию воспоминания, бегству от памяти, что создает нарративную внешнесобытийную интригу (убийство Зарецкого, насилие над узниками Соловецкого лагеря). Семантическая композиция находит отражение и в объемно-прагматическом членении текста: дневниковые записи постепенно уточняются временем написания (дни недели без указания дат появляются после второго разговора с Гейгером) и «авторством» (интересно, что к концу произведения атрибуция пропадает – голоса Платонова, Насти и Гейгера как бы сливаются в один голос, образуя диалектическое целое между мужским и женским, молодым и старым, прошлым, настоящим и будущим, между живым и обреченным на смерть). Монтаж как принцип построения прозаического текста находит здесь максимальное воплощение.

Позиция главного героя/героев во всех указанных произведениях противостоит позиции других персонажей на уровне высказываний, доминирующих в речевой структуре произведения. В романе М. Булгакова «Белая Гвардия» восстановление облика исторического прошлого поручается Алексею Турбину, человеку оригинальных взглядов, тонко чувствующему невозможность свести к общему знаменателю исторические противоречия в бытии русского народа. Его память, приравненная совести, мучается от внутренней слабости, от стыда за трусливое поведение офицерской верхушки, бросающей на произвол судьбы свою армию, от глупых, бесплодных компромиссов. Отдельно от художественной реальности стоит пространство снов – почти полностью занимают пятую главу сновидения Алексея Турбина, в последней двадцатой главе калейдоскопом проходят сны Василисы, Елены, Алексея, мальчика Петьки. И если в реальном мире героев царят хаос, беспорядок, разрушение, то миром сна владеет парадоксальная гармония: встречаются в раю большевики и белогвардейцы, умершие и еще живые, соединяется прошлое и будущее. Для погибших – это война, в которой больше нет побежденных и победителей. Но для живых финал менее оптимистичен – «оставшиеся в живых (“победители”), как и погибшие (“побежденные”), расплачиваются жизнью – только одни лишаются ее быстро, другие отдают медленно» [Яблоков, 2008, с. 27].

Преодоление боли памяти, – предсказывает М. Булгаков, – работа не одного и не двух поколений. Принятие своей истории потребует немало мужества и испытаний. «Нужно будет платить за прошлое невероятным трудом, суровой бедностью жизни. Платить и в переносном, и в буквальном смысле слова. Платить за безумство мартовских дней, за безумство дней октябрьских, за самостийных изменников, за развращение рабочих, за Брест, за безумное пользование станком для печатания денег... за все! И мы выплатим. <...> И мы, представители неудачливого поколения, умирая еще в чине жалких банкротов, вынуждены будем сказать нашим детям: – Платите, платите честно и вечно помните социальную революцию!»<sup>17</sup> [Булгаков, 1993, с. 55].

Динамика женских образов в названных романах имеет интересную последовательность. С одной стороны, все героини несут в себе черты софийности [Ковтун, 2015, с. 198], женщина как олицетворение космического начала и гармонии в реалиях художественного мира становится защитницей дома, семьи, культурных ценностей, традиций. С другой – в эпоху глобального слома женщина оказывается и самым незащищенным существом, все тяготы военной жизни, утрата близких людей и крова – ее неизменный рок, а сама героиня становится некой священной жертвой, трагически необходимой для умиловления Молоха истории. Семантика женских имен раскрывает авторский замысел о каждой героине. Так, «Золотая Елена», несущая свет и тепло своим родным, сосредоточивает вокруг себя мир семьи, друзей, притягивает к себе то чистое и праведное, что вобрала в себя многовековая культура русского человека.

Схожим образом в триаде женских образов романа «Доктора Живаго» можно увидеть ассоциативные связи: семантика имени «Антонина» указывает на воинственность, готовность защищать (по другой версии, это имя происходит от слова «άνθος», что означает «цветок»), имя «Лариса» в разных исследованиях переводится как «хранитель духа» или «чайка», а имя «Марина» – как «морская». Сочетание в женских именах природного, стихийного начала и культурного, связанного с обережением, находит отражение в синтезе отношений главного героя с женщинами. В то же время внутренняя диалектичность женских образов выстраивается вопреки внешним оппозициям их взаимосоположений – разделенные во времени и пространстве женщины доктора Живаго не противостоят друг другу, но дополняют, создают единое целое в образе женской судьбы.

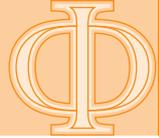
Также и мотив двойничества в романе «Авиатор» реализуется прежде всего через взаимосвязь двух героинь: бывшей возлюбленной главного героя Анастасии и ее внучки Насти – именно с ними связана интенция будущего воскресения, не только Платонова, но и его первой любви, и самой истории, ожившей через «усилие памяти». Интересно заметить, что если в Анастасии согласно традиции написания женского образа продолжает воплощаться софийское начало, то Настя уже обретает некоторые черты героя-трикстера: она и смешит, и пугает героев, за внешней оболочкой легкомысленности скрывается огромная витальная сила (явно превосходящая силы Платонова), наравне с Гейгером она выполняет функцию проводника, именно ей дано знание о тайне преступления главного героя.

Смена темпорального режима в литературе, интерес к событиям прошлого заставляет пересмотреть основу художественного конфликта в современных произведениях. На примере романа Б. Пастернака «Доктор Живаго» можно увидеть, что задача реконструкции, стоявшая перед автором, уже была осложнена тем, что читатель-современник, обремененный собственной «памятной причастностью», оказывается еще не готов для восприятия того опыта переживания истории, который описывается в романе, что заведомо приводит к искажению диалога между автором и читателем: «Травмированная память уцелевших вынуждена преодолевать не только нежелание общества выслушать их, но и героические стереотипы этого общества» [Ассман, 2018, с. 136]. Определить место человека в истории для Б. Пастернака – значит стереть границы между правыми и неправыми, показать, что человек – не альфа и омега сущего, он – не начало и конец, не причина и не следствие огромного организма исторического процесса, «истории никто не делает, ее не видно, как нельзя увидеть, как трава растет» [Пастернак, 2001, с. 8]. И в то же время именно Человек является ее центром, с приходом Христа: «легкого и одетого в сияние, <...> намеренно провинциального, галилейского, <...> кончился Рим, власть количества, <...>, вожди и народы отошли в прошлое. Личность, проповедь свободы пришли им на смену. Отдельная человеческая жизнь стала божьей повестью, наполнила своим содержанием пространство вселенной» [Пастернак, 2001, с. 475].

Новый человек – творческий, свободный, счастливый своей причастностью всему живому – воплощается в главном герое романа, Юрии Живаго. Стихийному, природному течению истории и человеческой жизни противопоставлены политическое фарисейство, насилие, приспособленчество (вспомнить героев Комаровского, Стрельникова, Гордона и Дудорова). Власть толпы, крайней узости и нечуткости мысли, «фразы» подменяют подлинные идеалы революции, делают граждан одной страны врагами друг другу. Асимметрия памяти, явленная в романе «Доктор Живаго», не изживает себя даже в финале: «Хотя просветление и освобождение, которых ждали после войны, не наступили вместе с победой, как думали, но все равно предвестие свободы носилось в воздухе все послевоенные годы, составляя их единственное историческое содержание» [Пастернак, 2001, с. 593].

Литература, призванная не учить, но свидетельствовать, на примере романа «Доктор Живаго» преодолевает дистанцию между свершившейся историей и ее (в разной степени осведомленным) зрителем. Это «свидетельство не только ушедшего в прошлое образа жизни и уничтожения нескольких поколений незаурядно мыслящих людей, но и верного пути освобождения от последствий этого периода гнета и ненависти» [Пастернак, 2001, с. 6]. По указанному пути двинется дальнейшая литература, конфликт асимметрии памяти сменит конфликт между «человеком вспоминающим» и забвением.

*Выводы.* Литература постсоветского периода, с одной стороны, находится на достаточной дистанции для проработки прошлого (и в том числе травматического) опыта, с другой же – вынуждена реконструировать прошлое на основании тех свидетельств, которые уже были оставлены ранее, то есть быть «свидетелем свидетелей». Но для того чтобы прожить события ушедшего XX в. как бы заново, необходимы поиск нового языка, деавтоматизация и деконструкция. На уровне хронотопа между современными произведениями и текстами прошлого столетия отмечается сходство авторских стратегий: момент исторического перелома как центральное событие актуализирует появление культурно-исторического хронотопа, который в то же время противопоставлен хронотопу дома. Мифологический подтекст современной прозы имеет сложную структуру, традиционные мифологемы, использующиеся в изображении дома, города, природы на метафорическом уровне, находятся в постоянном взаимодействии с культурным мифом, который нашел отражение в приеме литературной аллюзивности. В романе Е. Водолазкина «Авиатор» деконструкция происходит благодаря эффекту разорванности: хаотично всплывающие воспоминания детства, любви, мучений в Соловецком лагере, бытовые подробности жизни старого Петербурга, вырванные из контекста фразы («Вы не завершили построение формы...») [Водолазкин, 2019, с. 48] – все это обладает острающим действием, позволяя читателю прикоснуться к живой истории. Реконструкцию же утраченного удастся совершить через усилие памяти преодолеть забвение, через «присвоение слов тому, что волновало, но оставалось безымянным» [Водолазкин, 2020], через называние события, вещи, имени.



Проблема идентичности, поиска себя становится для человека как никогда более актуальной во времена крушения старых устоев, привычного уклада жизни. Наследие XX в. для современного человека – это наследие потерь, утрат, невозможности укоренения в настоящем, ибо «непредсказуемо» прошлое. Конфликт асимметрии памяти уступает место конфликту между «человеком вспоминающим» и забвением. Роль литературы как свидетельства дает право читателю самому делать выбор о своем прошлом, в какой-то степени самому формировать свою историю и таким образом ответить на вопрос: «Кто я есть?». Принцип реконструкции, по которому идет современная литература, дает возможность заново актуализировать травматические воспоминания, подойти к теме исторической памяти осознанно, преодолеть боль памяти ради построения общего настоящего и будущего.

### Библиографический список

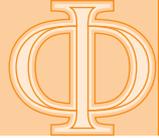
1. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 328 с.
2. Ассман А. Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима модерна. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 310 с.
3. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. 504 с.
4. Белогурова Е.В. Локальный текст с региональной и общенациональной точки зрения (на материале критической рецепции романа М. Булгакова «Белая Гвардия») // Сибирский филологический журнал. 2013. № 4. С. 221–225.
5. Булгаков М.А. Грядущие перспективы // Михаил Булгаков. Из лучших произведений. М., 1993. 55 с.
6. Водолазкин Е.Г. Авиатор. М.: Изд-во АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2019. 410 с.
7. Водолазкин Е.Г. Идти бестрепетно: между литературой и жизнью. М.: Изд-во АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2020. 409 с.
8. Ковтун Н.В. Современная традиционалистская проза: идеология и мифопоэтика. М.: ФЛИНТА, 2015. 325 с.
9. Ковтун Н.В. Тема памяти в современной прозе о Великой Отечественной войне // Культура и текст. 2020. № 4 (43). С. 6–24.
10. Ковтун Н. Ухрония как структурообразующий прием в романе Евгения Водолазкина «Авиатор» // LITERATURA (Rusisrica Villnensis). 2018. № 60 (2). P. 76–92.
11. Менделевич В.Д. Психиатрия: учебник. Ростов-на-Дону: Феникс, 2017. 412 с.
12. Николина Н.А. Филологический анализ текста: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. М.: Академия, 2007. 272 с.
13. Пастернак Б.Л. Доктор Живаго. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. 624 с.
14. Пастернак Е.Б. И дышат почва и судьба. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. С. 5–24.
15. Силантьев И.Н. Сюжет и смысл. М.: Издательский дом ЯСК, 2018. 144 с. (Языки славянской культуры).
16. Солдаткина Я.В. Мифопоэтика романа Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго»: культурно-историческое и универсальное // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Русская филология. 2011. № 2. С. 117–122.
17. Тамарченко Н.Д. Теория литературы. М.: Академия, 2004. 512 с.
18. Франк С. Соловецкий текст // Имагология и компаративистика. 2017. № 8. С. 158–189.

19. Юкина Е. Поэтика зимы // Вопросы литературы. 1979. № 9. С. 171–204.
20. Яблоков Е.А. ...На пороге как бы двойного бытия. М.: АСТ: Астрель, 2008. С. 5–28.
21. Hartog F. Time and Heritage // Museum International. 2005. № 57/3. P. 7–18.

### **Сведения об авторах**

Гаврилова Людмила Валентиновна – магистрант кафедры мировой литературы и методики ее преподавания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0384-3268>; e-mail: [lyuda\\_gavril94@mail.ru](mailto:lyuda_gavril94@mail.ru)

Ларина Мария Валерьевна – аспирант кафедры мировой литературы и методики ее преподавания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; ORCID ID: 0000-0001-7998-0790; e-mail: [m\\_larina@yahoo.com](mailto:m_larina@yahoo.com)



DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2022-20-3-122>

## THE MOTIF OF MEMORY AND ITS TRANSFORMATION IN LITERATURE OF SOVIET AND POST-SOVIET REALITY

**L.V. Gavrilova (Krasnoyarsk, Russia)**

**M.V. Larina (Krasnoyarsk, Russia)**

### Abstract

*Statement of the problem.* The predominant appeal of modern writers to the experience of the past leads to a shift in the temporal regime, and the transformation of the discourse of cultural memory has a wide range of author's strategies. The realization of the motif of memory as evidence or reconstruction is reflected in the structure of texts at the level of chronotope, composition, and genre.

*The purpose of the study* is to analyze the ways of transforming the motif of memory on the example of the works of Soviet and post-Soviet literature: M. Bulgakov "The White Guard", B. Pasternak "Doctor Zhivago", and E. Vodolazkin "The Aviator".

*Research methods* are cultural-historical, comparative-typological, motif, narratological, and structural-semiotic analysis of the text.

*Research results.* The moment of a historical turning point as a central event actualizes the emergence of a cultural and historical chronotope, which at the same time is opposed to the chronotope of the house. At the metaphorical level, the traditional mythologems used in the image of a house, city, nature are in constant interaction with the cultural myth, which is reflected in the literary allusion. The conflict of the asymmetry of memory gives way to the conflict between the "remembering man" and oblivion.

*Conclusions:* The literature of the post-Soviet period is at a sufficient distance to work through the traumatic experience; however, it is forced to reconstruct the past on the basis of the evidence that has already been left – to be a "witness of witnesses". Overcoming the trauma of memory is the leading theme of modern literature.

**Keywords:** *motif, memory motif, evidence, reconstruction, temporal regime, cultural-historical chronotope, "Aviator", "White Guard", "Doctor Zhivago".*

### References

1. Assman A. The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics. Moscow: New Literary Review, 2018. 328 p.
2. Assman A. Has the connection of times broken up? The Rise and Fall of the Modern Temporal Regime. Moscow: New Literary Review, 2017. 310 p.
3. Bakhtin M.M. Questions of literature and aesthetics. Moscow: Publishing house "Fiction", 1975. 504 p.
4. Belogurova E.V. Local text from the regional and national point of view (based on the critical reception of M. Bulgakov's novel "The White Guard") // Siberian Philological Journal. 2013. No. 4. P. 221–225.
5. Bulgakov M.A. Future prospects. Moscow, 1993. 55 p. (Mikhail Bulgakov. From the best works).
6. Vodolazkin E.G. Aviator. Moscow: AST Publishing House: Editorial Board of Elena Shubina, 2019. 410 p.
7. Vodolazkin E.G. Walk fearlessly: between literature and life. Moscow: AST Publishing House: Editorial Board of Elena Shubina, 2020. 409 p.

8. Kovtun N.V. Contemporary Traditionalist Prose: Ideology and Mythopoetics. Moscow: FLINTA, 2015. 325 p.
9. Kovtun N.V. The theme of memory in modern prose about the Great Patriotic War. // Culture and text. 2020. No. 4 (43). P. 6–24.
10. Kovtun N.V. Uchronia as a structure-forming device in Evgeny Vodolazkin's novel "The Aviator" // LITERATURA (Rusisrica Villnensis). 2018. No. 60 (2). P. 76–92.
11. Mendelevich V.D. Psychiatry: textbook. Rostov-on-Don: Phoenix, 2017. 412 p.
12. Nikolina N.A. Philological text analysis: textbook. allowance for students. higher ped. textbook establishments. Moscow: Academy, 2007. 272 p.
13. Pasternak B.L. Doctor Zhivago. Moscow: EKSMO-Press Publishing House, 2001. 624 p.
14. Pasternak E.B. And the soil and fate breathe. Moscow: EKSMO-Press, 2001. P. 5–24.
15. Silantiev I.N. plot and meaning. Moscow: YaSK Publishing House: Languages of Slavic Culture, 2018. 144 p.
16. Soldatkina Ya.V. The mythopoetics of the novel by B.L. Pasternak "Doctor Zhivago": cultural-historical and universal // Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: "Russian Philology". 2011. No. 2. P. 117–122.
17. Tamarchenko N.D. Theory of Literature. Moscow: Publishing Center "Academy", 2004. 512 p.
18. Frank S. Solovetsky text // Imagology and comparative studies. 2017. No. 8. P. 158–189.
19. Yukina E. Poetics of winter // Questions of Literature. 1979. No. 9. C. 171–204.
20. Yablokov E.A. ...On the threshold of a kind of double existence. Moscow: AST: Astrel, 2008. P. 5–28.
21. Hartog F. Time and Haritage // Museum International. 2005. No. 57/3. P. 7–18.

### About the authors

Gavrilova Lyudmila Valentinovna – master student of the Department of World Literature and Methods of Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafieva (Krasnoyarsk); ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0384-3268>; e-mail: lyuda\_gavril94@mail.ru

Larina Mariya Valerievna – PhD student, Department of World Literature and Methods of Its Teaching, Krasnoyarsk State Pedagogical University. V.P. Astafieva (Krasnoyarsk); ORCID ID: 0000-0001-7998-0790; e-mail: m\_larina@yahoo.com

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2022-20-3-123>

УДК 82

## АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В РОМАНЕ Л. УЛИЦКОЙ «МЕДЕЯ И ЕЕ ДЕТИ» В КОНТЕКСТЕ ГЕНДЕРНОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ

К.Р. Нургали (Нур-Султан, Казахстан)

А.Г. Уайсбаева (Нур-Султан, Казахстан)

### Аннотация

*Постановка проблемы.* В статье рассматривается влияние гендерного анализа и аксиологии на литературоведение в связи с высоким уровнем научной глобализации, что приводит к пополнению литературоведческого словаря такими терминами, как: гендер и ценностная ориентация.

*Цель исследования* заключается в анализе мотивной структуры романа Л. Улицкой «Медея и ее дети» в аспекте гендерного анализа с учетом ценностных установок фемининных и маскулинных типов. В качестве основных методов следует выделить компаративистский, мотивный и гендерный анализ.

*Результаты исследования.* На основании мотивного анализа было выявлено, что аксиологическая картина мира женских и мужских образов, воссозданных в романе Л. Улицкой «Медея и ее дети», практически идентична, но имеет ряд характерных особенностей, заключающихся в образе главной героини и используемых тропах.

**Ключевые слова:** *гендер, аксиология, мотив, образ, стереотип, архетип, троп, любовь, вера, брак, верность, семья, счастье.*

**П**остановка проблемы. На сегодняшний момент литературоведение находится в активной фазе научной интеграции, захватывая широкую область и круг научных проблем философии и психологии. Одним из актуальных вопросов в настоящее время является изучение художественной литературы в гендерном аспекте. Если пол человека определяется биологически, то гендер представляет собой культурную и социальную конструкцию. Таким образом, существует два биологических пола (мужской и женский) и два гендера (маскулинный и фемининный) [Аберкромби и др., 2004, с. 70]. Так как гендер обусловлен социокультурными установками, то это откладывает определенный отпечаток на развитие личности в целом, а значит, и на формирование его ценностной ориентации. Ценностная ориентация – это отражение в сознании человека ценностей, признаваемых им в качестве стратегических жизненных целей и общих мировоззренческих ориентиров [Шевченко, 2013, с. 2].

*Обзор научной литературы.* Гендер является универсальной категорией для различного рода дисциплин, о чем свидетельствует интерес к данному понятию в области социологии, психологии, политологии, экономики и литературоведения.

Термин, впервые введенный в 1968 г. американским психоаналитиком Р. Столлером и позже трансформировавшийся в «феминологию» исследовательницей Н. Коч, получил большое распространение в России и на Западе.

Одной из первых работ, в которой упоминаются проблемы пола, является диалог «Пир» Аристотеля, повествующий об андрогинах – носителях как женского, так и мужского начала. Российские исследователи А. Лосев, О. Фрейденберг, изучая античную гендерную картину мира, отмечали «культ женского характера», наделяли женщину «активным творческим, оплодотворяющим началом». В работе «Поэтика сюжета и жанра» О. Фрейденберг отмечает: «Теперь запевалой и зачинателем хора является женщина, а не мужчина; это она – корифей, плакальщица, ведунья, поэтесса» [Фрейденберг, 1997, с. 119].

Рассмотрение литературного текста в контексте гендерной проблематики в российском и казахстанском литературоведении лишь начинает свое становление, в отличие от зарубежного научного опыта. На данном этапе развития научных исследований существует несколько американских журналов, специализирующихся на вопросах гендерных стереотипов и полоролевого поведения, такие как Sex-Roles, A Journal of Research.

Также существуют работы, объединяющие опыт гендерного исследования в литературоведении, среди которых выделяется труд немецких исследователей Веры Нюннинг и Ангара Нюннинга «Анализ повествования и гендерные исследования», в котором отражается путь научного становления немецкого, французского и англо-американского гендерного литературоведения. Одной из классических работ в этой области стал труд англо-американских исследовательниц С. Гилберт и С. Губар, посвященный изучению английского женского романа XIX в. В нем опровергается влиятельная теория Х. Блума, объясняющая механизмы движения литературного процесса с помощью фрейдовской модели эдиповой борьбы сына с отцом в стремлении преодолеть влияние последнего [Павлова].

В 90-е гг. XX в. в связи с исчезновением запретов и идеологических догм усилился интерес к гендерным исследованиям в области литературоведения. Об этом свидетельствуют работы М. Михайловой, Н. Пушкаревой, Е.И. Трофимовой, Е.З. Тарланова, конференции и круглые столы, посвященные данным проблемам («Инновации в женском творчестве» и др.), издаваемые журналы, специальный выпуск литературоведческого журнала «Филологические науки» за 2000 г., созданные программы, например «Женщина и творчество» Н. Габриэлян, «Женщины и художественное новаторство в России» (руководитель А. Альчук) и др. [Охотникова].

В российском литературоведении особый интерес представляет учебное пособие А.С. Афанасьева «Гендерный аспект изучения литературы», в котором говорится о четком определении «мужского» и «женского» письма и подробно рассматриваются репрезентация личности и особенности создания гендерной картины мира в художественном произведении [Афанасьев, Бреева, 2017, с. 3].

Говоря о «женской» прозе, отметим работу И. Зумбулидзе «Женская проза в контексте современной литературы», отражающую понятие данного явления, а также затрагивающего лейтмотив творчества Л. Улицкой – дом, неразрывно связанный с семьей [Зумбулидзе, 2011, с. 22].

*Цель исследования* – проанализировать художественное произведение в аспекте гендерной проблематики для выявления различий ценностной ориентации фемининных и маскулинных типов, представленных в рассматриваемом тексте. В качестве объекта настоящего исследования был выбран роман Л. Улицкой «Медея и ее дети».

*Методология.* Исходя из факта, что гендер представлен фемининным и маскулинным типами, которые находятся в постоянном взаимодействии друг с другом, имеют ряд схожих и различных характеристик и точек соприкосновения в аспекте аксиологии, в данном исследовании нами был применен метод мотивного анализа: в качестве основного компонента исследования использовался мотив как мельчайшая неделимая единица сюжета, несущая основной смыслообразующий посыл, что позволяет говорить о присутствии метода мотивного анализа.

*Результаты исследования.* Одним из доминирующих мотивов, раскрывающих различие в иерархической системе ценностей женщин и мужчин в романе «Медея и ее дети», является мотив любви, условно разграниченный нами по нескольким подпунктам.

1. Любовь между членами семьи. К данной категории можно отнести взаимоотношения Георгия и Артема, в которых со стороны отца наблюдается пренебрежение старшим наследником, со стороны же сына обожание и идеализация образа родителя. Автор называет сыновью любовь «горько-сладкой» [Улицкая, 2021, с. 21] по причине невозможности заслужить ответное чувство уважения своего отца. Сюда же относится сестринско-материнская любовь Ники к Маше, которая впоследствии признавала, что ее первый материнский опыт состоялся именно с племянницей, а не с родными детьми и более она никогда не испытывала такой «трепетной любви» [Улицкая, 2021, с. 183–184]. Сильное отцовское чувство испытал Бутонов по отношению к своему сыну, рожденному от законной жены, что подчеркивается автором посредством оксюморона: *Бутонов родил сына...* [Улицкая, 2021, с. 346], будто именно он воспроизвел наследника на свет. Любовь данного персонажа к сыну Л. Улицкая описывает как «беспредельную». Но самым главным героем, испытывающим любовь абсолютно ко всем, является сама Медея, даже несмотря на то, что своих родных детей у нее не было: *Считалось, что она всех их очень любит. Какова бывает любовь к детям у бездетных женщин, трудно сказать...* [Улицкая, 2021, с. 10].

Как можно увидеть, на родственные чувства способны и мужчины, и женщины, однако фемининный тип более склонен к проявлению нежной привязанности по отношению даже не к родным детям, тогда как маскулинным персонажам присуща любовь к ближайшим родственникам (сыну/отцу).

2. Вторая категория – любовь между мужчиной и женщиной – делится нами еще на две подкатегории: платоническую и сексуальную. Но более возвышенное отношение к данному чувству наблюдается именно у женских персонажей повести, что видно на примере Маши, которая не представляет себе интимные взаимоотношения без любви, о чем говорит ее диалог с Бутоновым после их первой близости: – *Ты не сказал, что любишь меня...*

– *А чем мы с тобой тут только что занимались?* [Улицкая, 2021, с. 199]. Это подтверждается тонкой душевной организацией девушки, которая много стихотворений посвящает объекту своей любви и самому чувству, тогда как ее любовник Бутонов приравнивает сексуальную связь к самому понятию о любви, что видно в приведенном выше диалоге героев. То же низменное отношение к чувству наблюдается и в другом маскулинном персонаже – ухажере Сандрочки, смешавшем память о погибшей жене с предложением интима. Однако Иван Исаевич – будущий муж Александры – рушит цепочку отрицательной коннотации мужского характера в любовных отношениях, с трепетом и нежностью относясь к супруге, которая благодарно принимала его любовь.

Гендерному восприятию любви, воплощенному в повести Л. Улицкой «Медея и ее дети», посвящено немало исследований, в том числе работа Н. Ковтун и О. Богдановой «Коммуникативные стратегии в „миддл-литературе“ рубежа ХХ–ХХI вв.: случай Л. Улицкой», рассматривающая два аксиологических понятия «любовь» и «бытие» во взаимосвязи: «Любовная интрига в текстах Л. Улицкой совмещается с актом познания. Мужчина познает мир через женщину (земля описана по аналогии с телесностью), для него женщина – одно из воплощений тайны бытия» [Богданова, Ковтун, 2014, с. 19–20].

Следующий рассматриваемый нами мотив – верность – напрямую связан с мотивом любви. Честных отношений к своим вторым половинкам нет ни у кого: ни у мужчин, ни у женщин, кроме Медеи, отличающейся от всех персонажей по многим аспектам, касающимся аксиологии.

Георгий – персонаж, изначально хранящий *угрюмую верность* своей супруге, также заинтересовался другой женщиной. А эпитет «угрюмая верность» уже сам по себе указывает на безрадостность такого положения, на нежелательность продолжать данную модель поведения.

Стоит обратить внимание на особенность построения семейных отношений Алика и Маши, в которых верность вообще не является обязательной категорией, поэтому Алик спокойно относится к адюльтеру своей жены с Бутоновым. Сама девушка в стихотворениях описывает верность прилагательным «презренна».

Мотив брака также продолжает цепь взаимосвязи мотивной системы романа Л. Улицкой, объединяясь с мотивом любви и верности. Наблюдается, что у всех персонажей институт брака не является основным ценностным ориентиром, так как, во-первых, ни один из них не строится на основании чувств: у Сандрочки это необходимость, так как она привыкла быть в браке и не оставалась

одна после потери супругов, у Ивана Исаевича – бегство от одиночества, потребность в совместном ведении быта с женщиной, во-вторых, все браки родственников Медеи описываются как нестойкие, в которых есть место «горячим романам» [Улицкая, 2021, с. 201].

Стоит отметить, что в данном художественном произведении Л. Улицкой присутствует собственно-авторская концепция понимания брака, разделенная на категории: *Есть браки, скрепляющиеся в постели, есть – распускающиеся на кухне, под мелкую музыку столового ножа и венчика для взбивания белков, встречаются супруги-строители, производящие ремонты, закупающие по случаю дешевые пиломатериалы для дачного участка, гвозди, оливу и стекловату, иные держатся на вдохновенных скандалах* [Улицкая, 2021, с. 287].

Одним из главных мотивов, отраженных в романе, становится мотив семьи, в центре которого находится главная героиня – Медея. И поэтика заглавия, и сюжетная линия повествования, и мотивная составляющая указывают на то, что персонаж, воссозданный Л. Улицкой, является воплощением архетипа Матери. Архетип Матери, или Великой Матери, представляет собой интерпретацию Юнгом материнского комплекса Фрейда и отдает должное той огромной роли, которую сыграло в жизни человечества материнство. Психолог считает, что архетип может активизироваться в самых разных ситуациях: «Его суть – магический авторитет всего женского, мудрости, чего-то благостного, магического возрождения и темно-дремучего, захватывающей бездны...» [Андреева, 2009].

Важной составляющей для раскрытия характеристики системы ценностей героев романа является мотив веры. Наблюдается тенденция к верованию в Бога как у фемининных, так и у маскулинных типов. Однако у женщин мы находим несколько интересных отличий, первая из которых – мистицизм, которого лишена мужская вера, что отражено в образе подруги Медеи, утверждающей в письме, обращенном к главной героине, что *в детстве, в Тбилиси, с нами Господь в одном доме жил, ангелы по комнатам гуляли...* [Улицкая, 2021, с. 41]. Также в контексте «женской веры» был рассмотрен и персонаж Ники, для которой душевная и духовная пища заключалась не в праведности, а в абсолютно ином образе жизни – во флирте и способах обольщения. Противоположную сторону веры отражает Маша, для которой основой веры является любовь как высшая форма проявления души. Данному персонажу, по ее собственному утверждению: *...важно выражение лица, внутреннее движение, поворот слова, поворот сердца* [Улицкая, 2021, с. 315]. Истинно христианское понимание веры мы можем увидеть на примере Медеи, принимающей за аксиому одну из главных заповедей: «Не навреди ближнему своему», считающей, что человеку необходимо бороться с тягостными, мрачными мыслями, обращаясь за помощью к Господу.

Еще одним основополагающим аксиологическим аспектом, который нашел отражение в романе «Медея и ее дети», становится мотив счастья. Для всех персонажей, за исключением опять же Медеи, счастье заключается в физиоло-

гическом удовлетворении своих потребностей, что подчеркивается в грамматических и синтаксических категориях: «физическое чудо», «счастье тела», «кожа стонала от счастья». Счастье же Медеи сочетается с ее святой натурой: ...а православная Медея радовалась [Улицкая, 2021, с. 209].

*Заключение.* Резюмируя вышесказанное, можно сделать несколько выводов.

1. Аксиологическая система ценностей у маскулинного и фемининного типа персонажей романа Л. Улицкой практически идентична.

2. В контексте рассмотренных мотивов особняком от всех персонажей стоит Медея, являясь воплощением архетипа Матери, образцом верности и святости.

3. Для раскрытия ценностной ориентации системы персонажей романа «Медея и ее дети» автором были использованы различные приемы, в том числе тропы, грамматические категории и синтаксические конструкции.

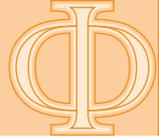
### Библиографический список

1. Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б.С. Социологический словарь: пер. с англ. / под ред. С.А. Ерофеева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Экономика, 2004. 620 с.
2. Андреева П.А. Архетип матери как определяющая сущность женской ментальности // Аналитика культурологии. Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина. 2009. № 1 (13) [Электронный ресурс]. URL: [http://analiculturolog.ru/journal/archive/item/345-article\\_14-5.html](http://analiculturolog.ru/journal/archive/item/345-article_14-5.html) (дата обращения: 15.05.2022).
3. Афанасьев А.С., Бреева Т.Н. Гендерный аспект изучения литературы: учеб. пособие. М.: ФЛИНТА: Наука, 2017. 96 с.
4. Богданова О.В., Ковтун Н.В. Коммуникативные стратегии в «миддл-литературе» рубежа XX–XXI вв.: случай Л. Улицкой // Вестник СПбГУ. Сер. 9. 2014. Вып. 1. С. 14–25.
5. Зумбулидзе И.Г. «Женская проза» в контексте современной литературы // Современная филология: матер. I Междунар. науч. конф. (Уфа, апрель 2011 г.). Уфа: Лето, 2011. С. 21–23.
6. Охотникова С. Гендерные исследования в литературоведении: проблемы гендерной поэтики [Электронный ресурс]. URL: [https://a-z.ru/women\\_cd1/html/gender\\_issledovanija\\_v\\_literature.htm](https://a-z.ru/women_cd1/html/gender_issledovanija_v_literature.htm) (дата обращения: 28.07.2022).
7. Павлова Н.И. Гендерный метод анализа текста в работах зарубежных исследователей [Электронный ресурс]. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/151241042.pdf> (дата обращения: 28.07.2022).
8. Улицкая Л.Е. Медея и ее дети: роман. М.: Изд-во АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2021. 352 с.
9. Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. М.: Лабиринт, 1997. 448 с.
10. Шевченко Я.Ю. Гендерные особенности ценностных ориентаций студентов вуза // Концепт. 2013. № 07 (июль). С. 1–6.

### Сведения об авторах

Нургали Кадиша Рустембековна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русской филологии, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева (Нур-Султан, Казахстан); e-mail: [nurgalik\\_1@mail.ru](mailto:nurgalik_1@mail.ru)

Уайсбаева Алина Геннадьевна – докторант, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева (Нур-Султан, Казахстан); e-mail: [alina.uaisbayeva@mail.ru](mailto:alina.uaisbayeva@mail.ru)



DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2022-20-3-123>

## AXIOLOGICAL MOTIFS IN L. ULITSKAYA'S NOVEL "MEDEA AND HER CHILDREN" IN THE CONTEXT OF GENDER PROBLEMS

**K.R. Nurgali (Nur-Sultan, Kazakhstan)**

**A.G. Uaisbayeva (Nur-Sultan, Kazakhstan)**

### Abstract

*Statement of the problem.* This article discusses the impact of gender analysis and axiology on literary criticism due to the high level of scientific globalization, which leads to the replenishment of the literary dictionary with such terms as gender and value orientation.

*The purpose of the article* is to analyze the motive structure of L. Ulitskaya's novel *Medea and Her Children* in the aspect of gender analysis, taking into account the values of feminine and masculine types. Comparative, motivational and gender analysis should be singled out as the main methods.

*The research results* are based on the motive analysis. It was revealed that the axiological picture of the world of female and male images recreated in L. Ulitskaya's novel "*Medea and Her Children*" is almost identical, but has a number of characteristic features, consisting of the image of the main character and the tropes used.

**Keywords:** *gender, axiology, motif, image, stereotype, archetype, trope, love, faith, marriage, fidelity, family, happiness.*

### References

1. Aberkrombi N., Hill S., Terner B.S. Sociologicheskij slovar': per. s angl. / pod red. S.A. Erofeeva. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Ekonomika, 2004. 620 s.
2. Andreeva P.A. Arhetip materi, kak opredelyayuschaya suschnost' zhenskoj mental'nosti // Analitika kul'turologii. Tambov: TGU im GR Derzhavina. 2009. No. 1 (13) [Elektronnyj resurs]. URL: [http://analculturolog.ru/journal/archive/item/345-article\\_14-5.html](http://analculturolog.ru/journal/archive/item/345-article_14-5.html) (data obrascheniya: 15.05.2022).
3. Afanas'ev A.S., Breeva T.N. Gendernyj aspekt izucheniya literatury: ucheb. posobie. M.: FLINTA: Nauka, 2017. 96 s.
4. Bogdanova O.V., Kovtun N.V. Kommunikativnye strategii v "middl-literature" rubezha XX–XXI vv.: sluchaj L. Ulitskoj // Vestnik SPbGU. Ser. 9. 2014. Vyp. 1. S. 14–25.
5. Zumbulidze I.G. "Zhenskaya proza" v kontekste sovremennoj literatury // Sovremennaya filologiya: mater. I Mezhdunar. nauch. konf. (Ufa, aprel' 2011 g.). Ufa: Leto, 2011. S. 21–23.
6. Ohotnikova S. Gendernye issledovaniya v literaturovedenii: problemy gendernoj poetiki [Elektronnyj resurs]. URL: [https://a-z.ru/women\\_cd1/html/gender\\_issledovaniya\\_v\\_literature.htm](https://a-z.ru/women_cd1/html/gender_issledovaniya_v_literature.htm) (data obrascheniya: 28.07.2022).
7. Pavlova N.I. Gendernyj metod analiza teksta v rabotah zarubezhnyh issledovatelej [Elektronnyj resurs]. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/151241042.pdf> (data obrascheniya: 28.07.2022).
8. Ulitskaya L.E. Medeya i ee deti: roman. M.: Izdatel'stvo AST: Redakcii Eleny Shubinoj, 2021. 352 s.
9. Frejdenberg O.M. Poetika syuzheta i zhanra. M.: Labirint, 1997. 448 s.
10. Shevchenko YA. YU. Gendernye osobennosti cennostnyh orientacij studentov vuza // Koncept. 2013. № 07 (iyul'). S. 1–6.

### About the authors

Nurgali Kadisha Rustembekovna – DSc (Philology), Professor, Head of the Department of Russian Philology, L.N. Gumilyov Eurasian National University (Nur-Sultan, Kazakhstan); e-mail: nurgalik\_1@mail.ru

Uaisbayeva Alina Gennadyevna – DSc Candidate, L.N. Gumilyov Eurasian National University (Nur-Sultan, Kazakhstan); e-mail: alina.uaisbayeva@mail.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2022-20-3-124>

УДК 82

## МОТИВ СИРОТСТВА В РОМАНАХ Л. УЛИЦКОЙ: СЛУЧАЙ ШУРИКА КОРНА И МИХЕЯ МЕЛАМИДА

А.И. Гонтарева (Красноярск, Россия)

### Аннотация

Статья посвящена рассмотрению *проблемы* сиротства в современной русской литературе на материале романов Л.Е. Улицкой «Искренне ваш Шурик» и «Зеленый шатер». Актуальность исследования определяется повышенным читательским интересом к произведениям писательницы.

*Цель* исследования – на основании изучения творчества Л. Улицкой раскрыть этические и духовные аспекты проблемы сиротства в литературе нового сентиментализма. Предпринимается попытка выявить способы реализации образа сироты, обозначить справедливое выделение его в особый тип героя. Достижение цели способствует наиболее полному пониманию смыслов, заложенных в идейно-художественную основу произведений.

*Методы исследования.* Для исследования темы сиротства, представленной в произведениях Л. Улицкой, автором статьи применяются сравнительно-сопоставительный, структурно-типологический и герменевтический методы изучения имеющихся источников по данной проблеме. Также использован метод литературоведческого анализа основных образов и идей исследуемых романов.

*Результаты.* Изучение центральных образов в исследуемых романах позволяет автору статьи реконструировать определенную философскую картину мира, послужившую основой создания типа героя-сироты. В статье отмечено, что главный герой должен столкнуться с трудностями, итогом преодоления которых станет либо достижение психологического взросления сироты, либо невозможность его существования. В целом обнаруживается глубинная связь темы сиротства в творчестве Л. Улицкой с масштабными социальными надломами рубежа XX–XXI вв.

**Ключевые слова:** Людмила Улицкая, мотив сиротства, сирота, Шурик Корн, Михай Меламид, проза, неосентиментализм, современная русская литература.

**П**остановка проблемы. Сиротство является неотъемлемой частью человеческой цивилизации. В связи с этим мотив сиротства как устойчивая семантическая единица остается востребованным в литературных произведениях всех времен – начиная с устного народного творчества и заканчивая текстами Новейшего времени. Е.А. Яблоков отмечает: «Сирота для писателя – метафора человека вообще, не знающего связи с мировым Целым и держащего свою жизнь в своих руках. Но одиночество, сиротство – это и важнейший стимул к душевному творчеству, к восстановлению некогда оборванных связей» [Яблоков, 1990, с. 64].

В.И. Даль в Толковом словаре определяет слово «сирота» следующим образом: «У кого нет отца либо матери, или нет обоих, это круглый сирота».

В словарной статье лексикограф показывает, что в народной среде понятие «сирота» имеет широкое применение и может обозначать также человека: 1) не знающего своего рода (*Безродный сирота, без близкой родни*); 2) потерявшего отца-кормильца (*На кого ты сирот покидаешь! плач по муже*); 3) оставшегося вдовцом(-ой) (*Без мужа жена всегда сирота*); 4) на службе (*Солдатчина сиротит, ровно смерть*); 5) прикидывающегося бедняком (*Казанский сирота*). Сиротство может проявляться также в отсутствии пригляда за тем, что составляет основу человеческого существования: 1) дома (*Без хозяина дом сирота*); 2) земли (*За ремеслом ходить – землю сиротить*); 3) товара (*Без хозяина товар плачет (товар сирота)*) [Даль, 1955, с. 188]. Исследователь Ф.Ф. Фархутдинова подчеркивает: «Сиротство – это одиночество, бесприютность, незащитность. Сиротой незащитным может почувствовать себя даже взрослый и сильный человек: Без коня казак кругом сирота!» [Фархутдинова, 2015, с. 141].

Мотив сиротства в литературе неосентиментализма<sup>1</sup> получает активное развитие, потому как «субъективная жизнь отдельного человека в сентиментально-реалистической прозе оказывается важнее исторических событий, жизнь духа доминирует над жизнью социума» [Лю На, 2009, с. 10]. Сентиментальность здесь становится средством проявления свободы как способности человека противостоять давлению общества. Неосентиментализм пытается реконструировать новую реальность из осколков постмодернистской деконструкции, поэтому становится востребованным в условиях «переломной эпохи», о которой Н.Л. Лейдерман пишет как о периоде, когда актуализируется необходимость заполнения образовавшейся пустоты новыми смыслами [Лейдерман, 2002]. Новые смыслы находят уже не в антиномии хаоса-космоса, не в мире симулякров, но в обыденной жизни человека, с его переживаниями, эмоциями, стремлениями. Напомним, что еще М.М. Бахтин подчеркивал «экстерриториальность человека сентиментализма... вне мира сего, вне жизненной колеи» [Бахтин, 1997, с. 304]. Так, актуальным героем нового сентиментализма становится современный вариант «маленького человека», овеянного авторским сочувствием, с пристальным вниманием к изнанке его жизни.

*Цель* исследования – на основании изучения творчества Л. Улицкой раскрыть этические и духовные аспекты проблемы сиротства в литературе нового сентиментализма. Предпринимается попытка выявить способы реализации образа сироты, обозначить справедливое выделение его в особый тип героя. Достижение цели способствует наиболее полному пониманию смыслов, заложенных в идейно-художественную основу произведений.

*Методы исследования.* Для исследования темы сиротства, представленной в произведениях Л. Улицкой, автором статьи применяются сравнительно-

<sup>1</sup> Неосентиментализм (новый сентиментализм) – это течение в актуальной отечественной литературе, зародившееся в середине 1900-х гг. как социокультурная оппозиция ведущих художественных тенденций постмодернизма [Букал, Гонтарева, 2019, с. 37].

сопоставительный, структурно-типологический и герменевтический методы изучения имеющихся источников по данной проблеме. Также использован метод литературоведческого анализа основных образов и идей исследуемых романов.

*Результаты исследования.* Одним из ярких представителей неосентиментализма признается Людмила Улицкая. С момента выхода в свет повести «Сонечка» (1992) ее стали называть «генератором сентиментального». Это обусловлено позицией автора, который ведет с читателем диалог, акцентированный на понимании «внутреннего человека» [Бахтин, 1997, с. 304]. Выбор мотивной структуры и героев также подчинен этой задаче. В прозе Людмилы Евгеньевны образы сирот появляются почти в каждом произведении. В одном из интервью писательница призналась: «...меня занимает не советский человек, а, как правило, люди, которые оказались вне нашего общества. Больные, старики, инвалиды, сумасшедшие» [Улицкая, 1995, с. 3].

Реализация мотива сиротства, конструирование особого типа героя, его изменение в разных периодах творчества автора интересуют нас в данной работе. Для анализа были выбраны романы, которые представляются нам наиболее репрезентативными: «Искренне ваш Шурик» (2004) и «Зеленый шатер» (2011). В процессе осмысления проблемы сиротства, обнаруженной в художественной действительности Л.Е. Улицкой, показана особенность воссоздания писательницей реальности, в которой находится ее персонаж. Изучение знаковых образов в выбранных текстах позволяет реконструировать определенную философскую картину мира, послужившую основой создания типа героя-сироты. Перед читателями предстает два варианта столкновения общества и сентиментального героя.

Произведение «Искренне ваш Шурик» исследователи относят к раннему периоду творчества Л. Улицкой. Главный герой романа – Александр Корн, или Шурик, чувствительный, искренний персонаж, остающийся одиноким вплоть до финала произведения. Одиночество героя в жизни сродни *сиротству*, на которое он обречен с рождения: мальчик появляется на свет после гибели отца и воспитывается мамой и бабушкой [Гонтарева, 2019, с. 18].

Стоит отметить, что в повествовательной канве романа признаками сиротства отмечены практически все персонажи, окружающие главного героя: Вера Александровна, Лиля, Матильда, Валерия Адамовна, Аля, Мурзик, Света, даже Елизавета Ивановна и т.д. Так, имплицитно явленная в творчестве Л. Улицкой мысль о единстве мира позволяет обозначить сиротство как нарушение его онтологической целостности, что логично в условиях «переломной эпохи» рубежа XX–XXI вв. (Н.Л. Лейдерман). «К сиротству русский человек относится с жалостью, пониманием и сочувствием...» [Фархутдинова, 2015, с. 140]. Поэтому логично, что *жалость* и становится *основным чувством мужчины к женщине*, с точки зрения Шурика.

Для избранных героев Л. Улицкая тщательно выбирает имена. Александр – с лат. «защитник людей» – в тексте именуется просто Шуриком. Автор транс-

лирует кинематографические коды, отсылающие нас к образам кинокартин Леонида Гайдая («Операция Ы и другие приключения Шурика»), которые настраивают читателя на юмористический сюжет. Помимо прочего, художественным текстам писательницы свойственна интертекстуальность. Сама Л. Улицкая в интервью и эссе не раз ссылалась на опыт прочтения произведений Б. Пастернака и В. Набокова, которые повлияли на ее авторское амплуа. Ряд исследователей наглядно показывают эту связь, в частности, роман «Искренне ваш Шурик» Н.В. Ковтун соотносит с новеллой В. Набокова «Ultima Thule»: «The main characters, like Falter, are described as from Gorgon's head. Their fates also remind a move from the truth to truth which impress by their ordinary or even absurdity» [Kovtun, Razumovskaya, 2017, p. 132]. Приметы истины автор находит в особенностях частной жизни, вне жестокой истории, только изнутри человека постигается картина Вселенной.

Главный герой романа становится «стержнем мира», основой сохранения бытия, ибо «мужское» традиционно соотносится с Логосом: *Мужская жизнь была для них загадка, даже священная тайна, и обе они ждали с нетерпением, как в один прекрасный день их Шурик станет вдруг взрослым Корном <...> с властью над глупым окружающим миром, в котором все постоянно ломалось <...> и только мужской рукой могло быть починено, преодолено, а то и создано заново* [Улицкая, 2008, с. 29]. Шурику, как и героине романа «Медея и ее дети» (1996) Медее, свойственна языковая чуткость. Он понимает первоначальный смысл слов, что изображено в эпизоде отпевания Валерии Адамовны польскими священнослужителями: *Смысл слов, действительно, открылся – Господь освободил от смерти. Непонятно было, как именно он освободил, но Шурик яснейшим образом понял, что смерть существует только для живых, а для мертвых, перешагнувших этот порог, ее уже нет* [Улицкая, 2008, с. 509]. В текстах эпохи Просвещения древнегреческий и латинский воспринимаются как языки посвященных. Именно после похорон герой задумывается о смысле бытия: *Да и что такое «собственная жизнь»? Чего-то хочется, достигать... Сам же он ровным счетом ничего не достиг. А хотел чего-нибудь? Нет, и не хотел!..* [Улицкая, 2008, с. 526].

Александр Корн существует в постоянном движении, его образ сродни фигуре странствующего Одиссея, которому Л. Улицкая посвятила отдельную главу «Одиссей» в автобиографической книге «Священный мусор»: «Вслед за Гомером Одиссея полюбило и все человечество: он и герой – множество подвигов; и путешественник – сколько островов, сколько стран, даже до иного мира добрался; и беспроегрышный оболъститель!» [Улицкая, 2018, с. 50]. Портретное сходство с гомеровским любимцем просматривается в образе Корна. Он также находится в постоянном поиске *земли обетованной*: многочисленные женщины в жизни персонажа выступают как символы новых земель, которые ждут своего защитника [Гонтарева, 2019, с. 19]. Шурик, обладая исключительной чуткостью,

улавливает тени Истины в повседневности: *...Шурику казалось, что за любым объяснением остается неразгаданная тайна личных отношений между вещами. Того и гляди выпадет в осадок философский камень или какая-нибудь другая алхимическая мечта средневековья* [Улицкая, 2008, с. 81]. В излюбленной манере писательница иронизирует, действительно ли он находится в поиске: *Все прочее было ущербным, ложным, суетным. Глупая беготня жизни: из аптеки на рынок, из прачечной в редакции, глупые переводы, глупая служба одиноким женщинам* [Улицкая, 2008, с. 560]. Приглашая читателя к сотворчеству, автор не дает однозначной оценки действиям героя, а передает эти полномочия самому реципиенту. Ответ на поставленный вопрос у каждого свой.

Образы женщин в романе цитатны, смысл их становится понятен только в момент встречи с Шуриком, когда он пытается всем помочь: *А от жалости ко всему этому бедному, женскому, у него самого внутри что-то твердело. Он давно уже догадывался, что это и есть главное чувство мужчины к женщине – жалость* [Улицкая, 2008, с. 136]. Чувство сострадания, которое испытывает герой к окружающим, перерастает в переживание «общемужского долга», таким образом, что взаимодействие с ними становится миссией, в которой Шурик действует *по поручению* свыше [Улицкая, 2008, с. 206]. Даже в полуобморочном состоянии, болея ветрянкой, герой не перестает думать о своих «подопечных»: *И ему представлялось, как все они его обступают, узнаваемые, но немного искаженные, как в слегка кривом зеркале <...> и такая жалость его охватила, что он просто потонул в ней... <...> Бедные женщины... Ужасно бедные женщины...* [Улицкая, 2008, с. 409]. Важнейшая установка для героя сентиментализма, которую М.М. Бахтин определил как «я существую для другого» [Бахтин, 1997, с. 304], претерпевает, таким образом, ироническое переосмысление на уровне авторской герменевтики Л. Улицкой.

В структуре второстепенных персонажей, окружающих Шурика, особенно выделяется Лилия Ласкина – его первая любовь. Именно с этим образом в романе связано открытие Женственности. Подобно Лолите В. Набокова, Лилия напоминает бабочку, выпархивающую из кокона, и символизирует рождение истины, сокрытой в красоте [Гонтарева, 2019, с. 20]. Тени этой женственности Шурик позже ищет и в других персонажах: *И Аля выжидательно смотрит на него подведенными японскими глазами, и он готов, вполне готов потрудиться, чтобы выпустить из плохонькой Алиной оболочки чудесную Лилию* [Улицкая, 2008, с. 133]. Ускользающий образ Лили, как и набоковской Лолиты, ее марионеточный характер не раз подчеркивается в тексте: *крутила стриженной, плюшевой на ощупь головой, как заводная игрушка, маленькое существо, лохмы неопрятного меха, игрушечные, как у плюшевого зверька, глазки, как Филипок* [Улицкая, 2008, с. 57–58].

Разлука влюбленных происходит одновременно со смертью Елизаветы Ивановны, бабушки героя. В этот момент Шурик вновь становится сиротой, мотив

сиротства глобализируется: *И тут Шурик понял, что он потерял гораздо больше, чем университет, он потерял эту Лилю, потерял все* [Улицкая, 2008, с. 68]. В сознании персонажа похороны одного близкого человека и эмиграция другого настолько тесно переплетаются, что возникает чувство, что они удалились в одном направлении [Улицкая, 2008, с. 136], а редкие письма из-за границы воспринимаются как *с того света*. Яркой деталью становится и то, что при встрече после эмиграции герой не сразу узнает Лилю, она обростает для него коконом: *Перед ним стояла маленькая чужая женщина, очень загорелая, с длинными и пышными почти африканскими волосами. Она улыбнулась мартышечьей улыбкой, и из нее, как бабочка из куколки, выпорхнула Лилька, и чужая женщина в то же мгновение перестала существовать* [Улицкая, 2008, с. 548]. Мир, который казался молодым людям волшебным в период университетской юности, теперь не восхищает ее. С точки зрения Лили, все вокруг стало театром абсурда, по кулисам которого ее водит Шурик-демиург: *Слушай, это всегда так было или только сегодня началось? – Что началось? – не понял Шурик. – Театр абсурда, вот что* [Улицкая, 2008, с. 558]. Драматичной становится концовка романа, в момент расставания девушка выносит Шурику нелестный вердикт: *трогательный, ужасно нежный и совершенно асексуальный, старомодный, постарел, растолстел, ветхость и пыль*. Но при этом и наделяет бывшего избранника чертами святости: *Интересно, есть ли у Шурика какая-то личная жизнь. Не похоже. С трудом могу себе представить. Но вообще-то в нем есть что-то особенное – он как будто немного святой. Но полный мудака <...> Бедный Шурик* [Улицкая, 2008, с. 574]. Однако автор не ставит точку в исканиях героя-сироты, открытый финал романа становится жизнеутверждающей нотой повествования.

Несмотря на большое количество дискуссионных трактовок фигуры Александра Корна в литературоведении и критике, мы наблюдаем факт того, что именно главный герой романа способен к глубинной рефлексии: *<...> я чувствую себя поездом, который прицепили к чужому паровозу, и он летит со страшной скоростью, но сам не знает куда* [Улицкая, 2008, с. 381]. Именно он являет в художественной действительности Л. Улицкой силу духа, нивелируя внутреннее одиночество, может сочувствовать «ближнему». Поиск истины происходит в жизни Шурика сам собой, важное отыскивается в обыденном. Заполняя свою духовную пустоту, он дарит поддержку и защиту «бедным женщинам», «сиротам», предлагая *самые чистые отношения: никакой корысти <...> одна только радость тела* [Улицкая, 2008, с. 184]. Блуждая в поисках красоты, Шурик становится опорой, на которой держится хрупкое мироздание, по мысли автора.

В более позднем произведении «Зеленый шатер» (2011) читатель обнаруживает иной вариант разрешения конфликта сентиментального героя и социума. По мнению ряда исследователей, данный текст ознаменовал собой эволюцию творческого метода Л. Улицкой: «Роман охватывает не судьбу одной личности, а целую эпоху “от Иосифа до Иосифа” (1951–1990 гг.) и, как следствие, представляет

читателю целый калейдоскоп героев и их судеб» [Гонтарева, 2022, с. 80]. Центральным камертоном текста становится мотив сиротства, который подвергается трансформации, глобализируется. Экзистенциальное одиночество ощущают не только главные персонажи романа, но все население страны, что иронически обыгрывается автором в названии главы «Все сироты». Рефлексия Л. Улицкой на факты общественной истории становится средством художественного осмысления философских проблем жизни, смерти, судьбы. На фоне глобальных социальных надломов XX столетия вновь актуализируется появление героя-сироты в романе – Михея Меламида.

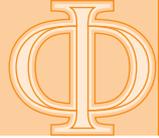
Главный герой обладает особым даром сострадания: спасая котенка, он становится связующим звеном в компании, которая позже получит название «Трианон». На сиротство герой, отец которого погиб на войне, обречен с раннего детства: *Миха, обживавший новую – третью по счету – родственную семью за последние семь лет, сообщил этим почти незнакомым мальчишкам, что родственники уже кончаются, и если эта тетка его у себя держать не станет, то придется опять в детский дом идти...* [Улицкая, 2011, с. 14]. Семейей для него становятся часто болеющая тетя Геня и ее дочь-инвалид. Мотив обретения семьи здесь травестируется, потому как все обязанности по дому взваливаются на плечи племянника-сироты, а опыт близости с сестрой-инвалидом становится пожизненной раной в сердце героя, именно тогда он задумается о самоубийстве впервые: *Он просто умирал от чувства вины и отвращения, мысль о самоубийстве постоянно жила на задворках его сознания* [Там же, с. 160].

Л. Улицкая часто обращается к узнаваемым именам в своих произведениях. Так и в романе «Зеленый шатер» фамилия главного героя (Мелаמיד) отсылает читателя к реальной исторической фигуре – Александру Меламиду, московскому художнику, одному из основателей культурного направления XX в. «соц-арт». Ряд исследователей отмечают, что Комар и Мелаמיד не просто «шагнули в сторону антисоветского искусства», но «деконструировали язык власти», возвращая официальному искусству «человеческое измерение» [Русланова, 2011, с. 83]. Становится понятным, почему именно Миха является объектом наибольшего раздражения у «мутюг и мурыг», «вождей класса». Не столько потому как был *невысокого роста, рыжий, к тому же еврей*, сколько по «идеологическим соображениям». Благодаря детдомовскому опыту, герой *легко переносил школьные побои, никогда не жаловался, встряхивался, подбирал шапку и улепетывал под улюлюканье врагов* [Улицкая, 2011, с. 17]. Примечательно, что коньки Михи становятся косвенной причиной смерти одного из вождей-обидчиков, Мурыгина, попавшего под рельсы трамвая. Этот эпизод наложит трагический отпечаток на всю дальнейшую жизнь персонажа: *Жалость огромного размера, превышающая Михину голову, и сердце, и все тело, накрыла его, и это была жалость ко всем людям, и плохим, и хорошим, просто потому, что все они беззащитно-мягкие, хрупкие, и у всех от соприкосновения*

с бессмысленной железкой мгновенно ломаются кости, разбивается голова, вытекает кровь, и остается одна лишь безобразная куча. Бедный, бедный Мuryгин! [Улицкая, 2011, с. 37]. Аналогичное чувство Миша переживает по случаю смерти Иосифа Сталина. При всей симпатии автора к своему сентиментальному герою становится очевидной открытая ирония. Стихотворения, отражающие искреннее потрясение, вызывают комический эффект. Жалость, как в случае Шурика Корна, становится доминантой характера Миши: *Он был одарен такой душевной отзывчивостью, такой безразмерной, совершенно эластичной способностью к состраданию, что все прочие его качества оказывались в подчинении этой всемирной жалости* [Улицкая, 2011, с. 581].

Меламиду, как и Шурику, легко дается изучение иностранных языков: *Анна Александровна подарила Мише старый английский учебник для начинающих. – Учи, Миша, при твоих способностях сам все одолеешь. Я дам тебе несколько уроков, чтоб произношение поставит* [Улицкая, 2011, с. 28]. Он страстно увлечен литературой, которая становится для него *побегом от удручающей тети Гени с ее мелочным существованием и полетом в поднебесные выси, где обитали благородные мужчины и прекрасные дамы* [Улицкая, 2011, с. 77], и даже решает поступать на филологический факультет. Однако позже он «изменит» своей вере в русскую литературу, посещая курс сурдопедагогики Якова Ринка. Это увлечение методами развития речи у глухонемых и станет любимым делом героя [Улицкая, 2011, с. 415].

Отличаясь от других исключительной миролюбивостью, будучи заметно *рыжим* [Улицкая, 2011, с. 416], Миша пользовался успехом у девочек, ни одна студенческая вечеринка без него не обходилась. Однако все меняется, когда он встречает Алену, девушку с лицом *что Боттичелли любил* [Улицкая, 2011, с. 417] и отстраненностью от окружающего мира. В отличие от Шурика, у героя «Зеленого шатра» получилось отказаться от прежней жизни с *необязательными свиданиями и деятельными ночами* [Улицкая, 2011, с. 414], полюбить Алену, их дочь, родственников и даже дом жены. Образ Алены соотнесен в романе с образом воды, ее стихия непостоянна: в университете она *надменна*, дома *тиха и мила* и вмещает в себя *всю женскую прелесть* мира. В отношениях с Михой важно было, чтобы она была настроена на его *волну*, что становилось очевидным своеобразному сигналу – *накрашенным ресницам*. В тексте постоянно подчеркивается ее ускользающий характер: ее волосы *скользили по плечу*, сама она *ускользала* от неудобных вопросов избранника [Улицкая, 2011, с. 424]. Отец Алены, Сергей Борисович, имеющий талант прояснять чужое высказывание *обмакивая в воду*, становится для героя реквиемом неизжитых страданий *безотцовщины* [Улицкая, 2011, с. 426]. Эти же переживания Меламид старается смягчить и работой в интернате для глухонемых детей, которым, так же как и ему, не хватает отца: *Тогда он впадал целиком в работу, глухие дети заполняли его жизнь до отказа, почти не оставляя времени, чтобы тосковать* [Улицкая, 2011, с. 426].



Обладея добрым и отзывчивым сердцем, Михей видит смысл жизни в служении людям, даже во взрослой жизни сохраняет свою «детскость» и наивность. Указанные аспекты усиливают эффект сиротства, безотцовщины героя, становятся результатом нарушения потомственной связи с предками, а значит, и онтологической основы личности. Именно простодушие, жертвенность становятся губительными для героя: он теряет любимую работу в интернате и место в аспирантуре, позже его арестовывают за содействие крымским татарам, повторно арестовывают за взаимодействие с иностранным корреспондентом, он теряет семью. Сирота Л. Улицкой способен на самоотречение: не думая о себе, постоянно спасает кого-то, ставя под угрозу собственную жизнь.

Герою-сироте свойственен дух эскапизма, деньги, заработанные нечестным трудом (распространением запрещенной литературы), жгут руку. Поэтому при первой же возможности он меняет вектор своей деятельности, участвует в издании просветительского журнала: *Участвовать в издании журнала, открывающего глаза и уши темному человечеству, Миха был готов* [Улицкая, 2011, с. 451]. Более того, герой воспринимает свою новую деятельность как миссию, полученную свыше, а потому отдается ей полностью, без остатка: *Ему мнилось, что он в своих руках держит судьбу всей дальнейшей поэзии, как будто кто-то дал ему задание свыше – сохранить для будущего то ценное, что живет по случайности, по недосмотру властей* [Улицкая, 2011, с. 473]. После провала этой задачи, уходя на этап, он ощущает неподъемную вину перед всем человечеством и говорит жене *глупость в духе Достоевского: Пред всеми людьми за всех и за вся виноват...* [Улицкая, 2011, с. 481].

Герой Л. Улицкой, несмотря на свою детскость, критично относится к себе, осознает свою несостоятельность: *Детские, детские стихи. Скоро 34 года. И все еще детские стихи. И взрослых уже не будет никогда. Потому что я так и не вырос* [Улицкая, 2011, с. 540]. По-настоящему спокойно ему становится только рядом с Анной Александровной, бабушкой Сани Стеклова, потому что она по-прежнему взрослая, а сам он по-прежнему ребенок [Улицкая, 2011, с. 493]. Ее смерть становится трагическим приговором и для самого Меламида: *У тебя мама живая, а у меня теперь никого. Анна Александровна была мне всей родней, вместе взятой. Я только сейчас это понял. Она ушла, и я на первой линии* [Улицкая, 2011, с. 500]. Единственным способом пройти обряд инициации и стать, наконец, взрослым становится для Михи самоубийство: *...настало время, когда я могу совершить первый раз в жизни поступок взрослого человека. Освободиться от собственной нелепости, несостоятельности. Какой простой и верный выход* [Улицкая, 2011, с. 541]. Выход в окно – интертекстуальная игра автора, прямая отсылка к известному герою романа В. Набокова Лужину. Символичен и возраст героя, так же как Шурику, Михе 33 года (возраст Христа): *Иисус совершил поступок, подтвердивший его абсолютную взрослость: он добровольно отдал свою жизнь ...* [Там же].

Вывод, к которому приходит персонаж, по-своему интерпретируя библейский сюжет: *Распоряжаться собой – это и значит быть взрослым* [Там же]. Сцена прощания с героем-сиротой решена в излюбленной манере автора – как в «Веселых похоронах» над Аликом, в «Зеленом шатре» над Михеем происходит объединение представителей всех народов и конфессий. С поэтом приходят проститься, в противовес похоронам Антонины Наумовны, многочисленные друзья и знакомые Меламида, «верующие друзья» по всему свету отдают дань умершему: *В Ташкенте его почтили татары, отслужили заупокойную службу по мусульманскому обряду. В Иерусалиме единоверцы Марлена заказали кадиш, и десять евреев прочитали на иврите непонятные слова, а в Москве Тамара, Олина подруга, заказала панихиду в Преображенском храме, где служил вольнодумный священник, осмелившийся отпевать самоубийцу* [Улицкая, 2011, с. 542].

**Заключение.** Предложенная интерпретация романов Л. Улицкой позволяет сделать следующие выводы. Если пафос сострадания сироте Шурику в раннем творчестве Улицкой связан с жизнеутверждающим началом (повествование обрывается на 33 годах жизни), то в зрелом творчестве сирота Михей не выдерживает борьбы с жизненными трудностями, духовное развитие главного героя заходит в тупик, из которого он находит единственно возможный выход – смерть. Таким образом, в творчестве Л. Улицкой через акцентирование мотива сиротства произошло возникновение особого типа героя. На материале анализа романов «Искренне ваш Шурик» и «Зеленый шатер» устанавливается типологическое сходство персонажей – как на мотивном, так и на сюжетном уровнях. Выразительным сюжетным ходом, объединяющим центральных персонажей в тип героя-сироты, можно считать прохождение своеобразных испытаний. Каждый должен на определенном этапе жизни столкнуться с трудностями, успех преодоления которых станет итогом: достижение психологического взросления сироты или невозможности его существования. В целом обнаружена глубинная связь актуализации темы сиротства в творчестве Л. Улицкой с масштабными социальными надломами рубежа XX–XXI вв.

### Библиографический список

1. Бахтин М.М. Проблемы сентиментализма // Бахтин М. М. Собрание сочинений: в 7 т. М.: Русские словари, 1997. Т. 5. 730 с.
2. Букал И.С., Гонtareва А.И. Новый сентиментализм: случай Л.Е. Улицкой // Сибирский филологический форум. 2019. № 3 (7). С. 36–45.
3. Булгаков С.Н. Сочинения: в 2 т. СПб.: Инапресс, 1999. Т. 2: Философия имени. Икона и иконопочитание. 330 с.
4. Гонtareва А.И. «Интеллигентские кухни» в романе Л.Е. Улицкой «Зеленый шатер»: творчество как стимул бытия // Сибирский филологический форум. 2022. № 1 (18). С. 79–88.
5. Гонtareва А.И. Образ «сироты духа» в романе Л. Улицкой «Искренне ваш Шурик» // Актуальные проблемы современной филологии: матер. IX Междунар. науч.-практ. конф. Красноярск. 2019. С. 18–22.
6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1955. Т. 4. 683 с.



7. Ковтун Н.В. Игра как способ миропостижения в повести Л.Е. Улицкой «Веселые похороны» // Русская литература. 2013. № 1. С. 210–217.
8. Лейдерман Н.Л. Траектории «экспериментирующей эпохи» // Вопросы литературы. 2002. № 4. URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2002/4/lei.html> (дата обращения: 20.06.2022).
9. Лю На. Художественное своеобразие малой прозы Людмилы Улицкой: на материале сборника «Люди нашего царя»: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Тамбов, 2009. 179 с.
10. Русланова И.С. К вопросу об интерпретации произведений соц-арта (на примере творчества В. Комара и А. Меламида) // Культурная жизнь Юга России. 2011. № 2 (40). С. 81–93.
11. Улицкая Л. Зеленый шатер: роман. М.: Эксмо, 2011. 592 с.
12. Улицкая Л. Искренне ваш Шурик: роман. М.: Эксмо, 2008. 576 с.
13. Улицкая Л. «Мне интересна жизнь “серых” людей...» [записала М. Рюрикова] // Литературная газета. 1995. № 38.
14. Улицкая Л. Священный мусор: поднимаясь по лестнице Якова: рассказы, эссе, интервью. М.: Изд-во АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2018. 574 с.
15. Фархутдинова Ф.Ф. Сироты и сиротство в изображении В.И. Даля // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2015. № 1. С. 140–144.
16. Яблоков Е.А. Художественная философия природы: Творчество М. Пришвина и А. Платонова 20-х – начала 30-х годов // Советская литература в прошлом и настоящем. М.: Изд-во МГУ, 1990. С. 55–71.
17. Kovtun N., Razumovskaya V. Nabokov's code in the early works by L. Ulitskaya: literary criticism and translation aspects // International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts / SGEM. Vienna, 2017. P. 132–145.

### **Сведения об авторе**

Гонтарева Альбина Игоревна – аспирант кафедры мировой литературы и методики ее преподавания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: [albka\\_kaza@mail.ru](mailto:albka_kaza@mail.ru)

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2022-20-3-124>

## ORPHANHOOD MOTIF IN NOVELS BY L. ULYTSKAYA: THE CASE OF SHURIK KORN AND MICHEY MELAMID

**A.I. Gontareva (Krasnoyarsk, Russia)**

### Abstract

*Statement of the problem.* The article is devoted to consideration of a problem of orphanhood in the modern Russian literature on the basis of L.E. Ulitskaya's novels "Sincerely Yours, Shurik" and "The Big Green Tent". The relevance of the study is determined by the increased interest to the work of the writer.

*The aim of the study* is to reveal ethical and spiritual aspects of the problem of orphanhood in the literature of new sentimentalism through the prism of Ulitskaya's works. An attempt is made to identify ways of realizing the image of an orphan, to denote a fair allocation of it in a special type of hero. Achieving the goal helps to identify intertextual connections and meanings that constitute the ideological and artistic basis of the works.

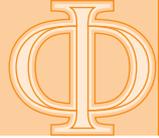
*The methodology* of the study was comparative, structural-typological and hermeneutical approaches, as well as the method of literary analysis of the novels under study.

*Research results.* The study of the central images in the selected novels allows the author of the article to reconstruct a certain philosophical picture of the world, which served as the basis for the creation of the type of an orphan hero. The article notes that the main character must face difficulties, the result of overcoming which will be either the achievement of psychological maturation of the orphan or the impossibility of his existence. In general, there is a profound connection between the theme of orphanhood in the works of L. Ulitskaya and large-scale social breakdowns at turn of 21<sup>st</sup> century.

**Keywords:** *Lyudmila Ulitskaya, orphanhood motif, orphan, Shurik Korn, Micah Melamid, prose, neo-sentimentalism, modern Russian literature.*

### References

1. Bakhtin M.M. Problems of Sentimentalism // Collected Works: in 7 vols. Moscow: Russian Dictionaries. 1997. Vol. 5. 730 p.
2. Bukal I.S., Gontareva A.I. New sentimentalism: the case of L.E. Ulitskaya // Siberian Philological Forum. 2019. No. 3 (7). P. 36–45.
3. Bulgakov S.N. Essays in 2 vol. St. Petersburg: Inapress, 1999. Vol. 2: Philosophy of Name. Icon and Iconoclasm. 330 p.
4. Gontareva A.I. "Intellectual's kitchens" in L.E. Ulitskaya's novel "The Big Green Tent": creativity as a stimulus of being // Siberian Philological Forum. 2022. No. 1 (18). P. 79–88.
5. Gontareva A.I. The image of the "orphan of spirit" in the novel by L. Ulitskaya "Sincerely yours, Shurik" // Actual problems of modern philology: proceedings of IX international scientific-practical conference. Krasnoyarsk, 2019. P. 18–22.
6. Dahl V.I. The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 vol. Moscow, 1955. Vol. 4. 683 p.
7. Kovtun N.V. Game as a way of outlook in the story of L.E. Ulitskaya "The Funeral Party" // Russian Literature. 2013. No. 1. P. 210–217.
8. Leyderman N.L. Trajectories of the «experimenting epoch» // Voprosy literatury. 2002. No. 4. URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2002/4/lei.html> (access date: 20.06.2022).



9. Liu Na. Artistic originality of the short prose of Lyudmila Ulitskaya: on the material of the collection "People of our Tsar": dis. ... cand. of philological sciences: 10.01.01. Tambov, 2009. 179 p.
10. Ruslanova I.S. To a Question of Interpretation of Works of Sots-art (by Example of Art of V. Komar and A. Melamid) // Cultural Life of the South of Russia. 2011. No. 2 (40). P. 81–93.
11. Ulitskaya L. Green tent: a novel. Moscow: Eksmo Publishers, 2011. 592 p.
12. Ulitskaya L. Sincerely yours Shurik: a novel. Moscow: Eksmo Publishers, 2008. 576 p.
13. Ulitskaya L. "I am interested in the life of "gray" people..." [recorded by M. Rurikova] // Literaturnaya Gazeta. 1995. No. 38. P. 3.
14. Ulitskaya L. Sacred trash: climbing Jacob's ladder: stories, essays, interviews. Moscow: Publishing house AST: Edited by Elena Shubina, 2018. 574 p.
15. Farhutdinova F.F. Orphans and orphanhood in the portrayal of V.I. Dahl // Bulletin of N.A. Nekrasov KSU. 2015. No. 1. P. 140–144.
16. Yablokov E.A. Artistic philosophy of nature: Creativity of M. Prishvin and A. Platonov 20-ies – early 30-ies // Soviet literature in the past and present. Moscow: Moscow State University Press, 1990. P. 55–71.
17. Kovtun N., Razumovskaya V. Nabokov's code in the early works by L. Ulitskaya: literary criticism and translation aspects // International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts / SGEM. Vienna, 2017. P. 132–145.

### About the author

Gontareva Albina Igorevna – PhD Candidate, Department of World Literature and Methods of Its Teaching, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: albka\_kaza@mail.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2022-20-3-125>

УДК 82.091

## ПЕРЕВЕРНУТАЯ ЖЕНСТВЕННОСТЬ: ОБРАЗ МАТЕРИ В РОМАНЕ ОКСАНЫ ВАСЯКИНОЙ «РАНА»

А.В. Бурылова (Красноярск, Россия)

### Аннотация

*Постановка проблемы и цель.* Современное общество требует от женщины сохранять женственность, но что есть женственность на самом деле и как ее понимают авторы актуальных текстов? Оксана Васякина – одна из немногих писательниц, открыто называющая себя феминисткой и подчеркивающая, что ее письмо – женское. В статье рассматривается проблема восприятия женственности в современном обществе на примере знакового романа Оксаны Васякиной «Рана».

*Методологией* исследования стали историко-культурный и структурно-типологический подходы.

*Результаты исследования.* В романе мы видим, что соответствие бытовым представлениям о женственности не всегда означает достижение идеала. Лишаясь физических атрибутов, характерных для женщины, мать героини начинает приобретать внутренние качества женственности. Смерть обрывает этот путь, что, однако, позволяет дочери открыто и без страха впервые заговорить с матерью – последняя, пятая глава романа становится итогом рефлексии, и впервые за все повествование дочь обращается к матери напрямую, проработав рану, полученную от этой перевернутой женственности.

*Выводы.* Женственность, как показал наш анализ, это смесь социального конструкта и врожденных характеристик женщин. Отсутствие физического выражения признаков женственности не делает женщину менее женской. Феминность и маскулинность также не лишают женщину права являться и воспринимать себя женщиной.

**Ключевые слова:** русская проза, женственность, феминизм, гендерная проблематика.

**П**остановка проблемы. Женственность, о которой сегодня много говорят и пишут, довольно спорное, дискуссионное понятие, в которое каждый субъект включает именно то, что сам хочет видеть в идеальной женщине. Часто эти представления формируются из ценностей патриархального общества. Но образ современной женщины давно уже вышел за рамки этих ценностей.

Поэтому одной из главных претензий, которую общество предъявляет к современной женщине, является собственно утрата женственности. Но что значит утратить женственность? Ведь само слово указывает на естественную принадлежность женщине.

Одним из главных источников влияния на восприятие современной женщины были и остаются журналы. В настоящее время они перешли в онлайн-формат, однако не утратили своих функций. Первые журналы для дам появились еще в XVIII в. и, помимо модных статей, они культивировали и идеальный женский образ – скромной, воспитанной, модной и хозяйственной дамы. Издателями по большей части были мужчины.

На протяжении всей своей истории женская пресса неразрывно связана с поддержанием «мифа о красоте». В книге «Миф о красоте: стереотипы против женщин» Наоми Вульф формулирует проблему влияния прессы на женское сознание так:

«Идеалы красоты не просто падают с неба, на самом деле они кем-то создаются, причем создаются с вполне определенной целью. Такой целью, как я пыталась объяснить, часто бывают деньги, а точнее – рост прибыли рекламодателей, которые платят деньги средствам массовой информации, а те, в свою очередь, создают нужные идеалы» [Вульф, 2013, с.12].

В настоящее время женские журналы ориентированы на потребительскую социализацию аудитории, формирование образа жизни и имиджа, деполитизацию и формирование взглядов на отношения между полами.

Если открыть дамский журнал, например «Женское здоровье», и поискать статьи по теме восприятия женственности, то выяснится, что, по мнению социума, утрата женственности характеризуется такими признаками, как переход к мешковатому стилю одежды, почти без признаков пола [Полотина, 2021], свобода сексуального поведения, чрезмерная самостоятельность, поддержка принципов бодипозитива и феминизма. Даже говоря о воспитании женственности в девочках, авторы журналов делают упор именно на ношение платьев, а не на что-то иное [Кобозева, 2019]. По сути, неженственностью объявляется все, что делает женщину равной мужчине – не только отстаивание своих границ, возможность быть компетентным специалистом, способность отстаивать свои интересы, но и право носить удобную и практичную одежду.

Если заглянуть в словари, то там тоже нет единого определения понятия «женственность». Словарь С.И. Ожегова трактует женственность как нечто с качествами и свойствами женщины [Ожегов]. В «Энциклопедическом словаре педагога» В.С. Безруковой, наоборот, женственность определяется как «присущее только женщине качество собирательного характера. Женственность проявляется как мягкость, нежность, искренность, скромность, преданность, доброжелательность, покорность, терпение, покой» [Безрукова, 2000].

К вопросу женственности часто обращаются современные писатели, реализуя свои представления о современной героине. Наиболее глубоко к этой проблеме подходят писательницы, открыто называющие себя феминистками и подчеркивающие свою принадлежность к женскому полу.

Роман «Рана» Оксаны Васякиной в 2021 г. всколыхнул литературный мир, поскольку в нем поднимается ряд табуированных в русской литературе тем. Это написанная в жанре автофикшена история о переживании смерти, поиске пути в момент, когда теряются привычные координаты. Молодая женщина выстраивает свою жизнь, отталкиваясь от отношений с холодной и равнодушной матерью, а после ее смерти вынуждена переосмыслить свою жизнь заново.

Оксана Васякина подчеркивает, что ее письмо – женское, поскольку социальная реальность этого письма сильно отличается от мужского [Писарева, 2021].

При работе над романом она ориентировалась на работы западных феминисток – Хелен Сиксу, Сьюзен Сонтаг, Люс Ирригарей, Юлию Кристеву и других. В центре их внимания находится идентификация женского творчества. Они считают, что сознание современного человека, вне зависимости от гендерной принадлежности, пропитано ценностями «мужской идеологии».

Элен Сиксу в своих работах отмечает, что только литература, написанная женщинами, может сказать миру о подлинной женственности, меняя тем самым мир и историю. «Женщина должна писать себя: должна писать о женщинах, – утверждает она, призывая настоящих и будущих авторов: Почему вы не пишете? Пишите, пишите для себя. Ваше тело должно быть услышано» [Брандт, 1999, с. 150].

О значении женского творчества писала Юлия Кристева, находя в нем желание женщины самоутвердиться. Женская литература, несущая в себе противоречие с социальными нормами, очень важна, поскольку «выводит наружу природу того, что остается невысказанным»; она снабжает общество «более гибким и свободным дискурсом, способным назвать то, что пока не вошло в широкий оборот: тайны тела, тайные радости, стыд, ненависть ко второму полу» [Кристева, 2005, с. 140].

Западное литературоведение вводит термины «женское письмо» и «женское чтение», где под понятием «женское письмо» подразумевается идея освобождения от «маскулинного» типа письма. Таким образом, «женское письмо» основано на критике бинарных позиций и их переворачивании, оно конфликтует с традиционной фаллоцентрической литературной парадигмой и создает пространство свободы и творчества. Для «женского письма» характерны бисексуальность, децентрированность, отсутствие границы между речью и языком.

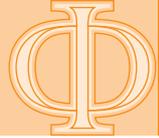
Продолжая их традиции, Оксана Васякина уделяет большое внимание телесности в романе, но подчеркивает, что конфликт находится в зоне эмоционального сюжета [Писарева, 2021].

«Рана» – это текст о том, как живет современная женщина, и о том, как женщина социализируется в литературе» [Ломыкина, 2022].

В романе О. Васякина в том числе поднимает проблему внешнего проявления маскулинности и феминности у женщин. В том социальном кругу, где вращается главная героиня, чрезмерные феминность и маскулинность осуждаются – женщины должны быть внешне максимально гендерно-нейтральны:

*...женственных девушек называли фемками, к ним относились пренебрежительно, потому что они собирали в себе все атрибуты женственности; но самыми презираемыми были бучи – маскулинные женщины. Считалось, что они подражают мужчинам, занимаются сексом в одежде и пьяные дерутся на тусовках* [Васякина, 2021, с. 28].

Предыдущее поколение, которое в романе представляет мать героини, наоборот, требует от женщины соблюдения «мифа о красоте» и осуждает отхождение от него.



*Иногда, когда было прохладно, она носила парик. Так однажды за ней увязался какой-то мужчина, он оскорблял ее за то, что она носит парик. <...> Он не знал, что она болеет. Откуда ему было знать об этом? Но он видел ее неполноту. Он оскорбил ее. <...> Она была поражена в своей женскости [Васякина, 2021, с. 11].*

*Она шутила, что похожа на новогоднюю елку в этих украшениях, вся сияет и блестит, только елка сияет раз в году, а она, как настоящая женщина, должна быть красивой ежедневно [Васякина, 2021, с. 20].*

Между этим своеобразным конфликтом отцов и детей находится главная героиня, которая не чувствует себя на месте ни в одной из категорий. Для нее женское тело – территория борьбы с патриархатом, который требует от женщины платьев, каблуков, макияжа. В интервью «Новой газете» Оксана Васякина говорит, что для нее «самым важным является то, что нам необходимо нормализовать маскулинные и феминные женщины» [Ломыкина, 2022].

В романе основной носительницей женственности является мать главной героини. На описании женственности матери сделан большой акцент, ему уделена достаточно важная часть текста:

*Мама была настоящей женщиной. Женщиной в квадрате. Женщиной-женщиной. ЖЕНЩИНОЙ [Васякина, 2021, с. 55].*

Для усиления эффекта используется плеоназм «женская женщина». В чем же заключается смысл быть такой женщиной? Особый стиль одежды, отношение к мужчинам – переезд через всю страну к любимому и т.п., но самым главным признаком было то, что, будучи при смерти, она надевала перед врачом протез груди. Этот протез становится своеобразным символом женственности, ведь

*она стыдилась своей болезни, стыдилась того, что потеряла главные атрибуты женской женщины – волосы и грудь [Там же, с. 56].*

Эту утрату она считает настолько значимой, что осуждает тех, кто не скрывает шрамы. И смерть ее тоже связана именно с физическими атрибутами утраты женственности: уже в хосписе, когда она не узнавала родных, она перестала и следить за собой. Больничный халат был распахнут, и всем был виден шрам, который она так тщательно скрывала:

*...я окончательно поняла, что она уже тогда была мертва. Странно, подумала я, что ее женскость умерла первой, и только потом погибло ее тело [Там же, с. 57].*

Но это женственность именно в бытовом, физическом ее восприятии. Мы ожидаем, что женственная в быту женщина будет отвечать и духовному идеалу женственности, однако это не так. Женственность неразрывно связана с материнством и материнской любовью, но в романе у матери отсутствует любовь к дочери:

*...умела ли моя мама любить? Нет, тут дело не в привычке и даже не в привычке, но в возможности. <...> Но дело не в этом. Дело было во мне. Она не любила именно меня. А я ее обожала, обожала до судорог. <...> Она хотела и умела любить мужчин, а меня не хотела и не умела [Там же, с. 87].*

Героиня, описывая мать в молодости, называет ее «страшной». Этот эпитет повторяется несколько раз, подчеркивая страх перед матерью, который героиня начала переживать только после ее смерти.

Еще один часто повторяющийся эпитет, используемый по отношению к матери, – «скупой». Скупые разговоры, когда героиня интересовалась жизнью дочери, ее скупые руки, не дававшие ребенку достаточно ласки. Редкие проявления нежности сменялись рассеянностью, оставляя дочь неудовлетворенной. Взгляд матери никогда не останавливался на дочери, был скользким, словно она не личность, а часть обстановки.

Дочь, отчаянно желающая материнской любви и признания, не получает их. При этом мать в ее глазах продолжает быть идеалом женственности, но как ролевая модель она внушает дочери ужас:

*Я смотрела на свою грудь и не верила, что у меня будет тоже... Я испытывала страх и отвращение, я не хотела себе ничего, что было у мамы [Васякина, 2021, с. 58].*

*Я не хотела становиться женщиной. Я хотела оставаться телом, которое я есть. Ведь становиться женщиной значило становиться матерью [Там же, с. 129].*

Такое перевернутое восприятие женственности только как совокупности внешних характеристик в сочетании с отсутствием чувств к собственному ребенку, что, по сути, является нарушением основного принципа женственности, и становится одной из предпосылок событий романа.

Для дочери женственность становится чем-то отталкивающим, в женщинах ее привлекает маскулинность. Саму себя она также определяет маскулинной женщиной.

Это отстаивание права не быть женственной сближает героиню с типажом женщины-воительницы, реализуемым в русской литературе как образ сильной женщины, ничем не уступающей мужчине. Она имеет смелость говорить на темы, на которые сотни женщины вынуждены молчать, чтобы не стать порицаемыми обществом.

Однако образы воительниц предполагают, что они «выполняют мужские функции по охранению жизни, исполнению завета, утверждению закона, наделены соответствующими чертами: силой воли, мужеством одиночества, духовным самостоянием, способностью раздвигать пределы реальности в неназываемое, вживаться в инобытие» [Ковтун, 2022, с. 114]. Героиня же, раненная холодной женственностью матери, сама нуждается в поддержке маскулинной женщины. Ей еще только предстоит залечить рану и перестать быть жертвой патриархата.

В романе есть и другая любопытная деталь: противопоставление женщин городских и женщин деревенских. Оно также реализуется через внешние атрибуты, одежду – мать и дочь осуждают манеру одеваться своих деревенских родственниц – бабушку и других, которые носили халаты в цветочек. Эти халаты для них тоже своеобразный символ – безвкусицы, чрезмерной простоты и недалекости.

Эти различия между двумя типами женщин – городскими и деревенскими – ярко представлены в творчестве писателей-деревенщиков.

Н.В. Ковтун в статье «“Женский вопрос” в творчестве В. Распутина» выводит типологию женских персонажей, представленных в творчестве писателя, где тип патриархальной женщины, как правило, именно деревенской жительницы, определяется функциями жены и матери.

«В качестве ключевых составляющих <...> выделяем милосердие, жертвенность, чадолюбие (образ “вечной матери”») [Ковтун, 2015, с. 59]. Этому типу противопоставляется ревнительница городской цивилизации, «в сценарии которой не вписываются милосердие, жертвенность, смерть» [Ковтун, 2015, с. 72].

Мать в романе «Рана» выполняет функцию жены, но не выполняет функцию матери. Она готова на жертвы ради мужчины – переезжает в другой город, терпит домашнее насилие, работая на конфетной фабрике, она, строго относящаяся к воровству, иногда проносит мужу конфетку, потому что он любит сладкое. На такие жертвы ради дочери она не готова. Между тем роль матери в образе патриархальной женщины определяющая.

Интересно, что с приближением старости, а впоследствии и смерти от болезни мать, теряя внешние признаки женственности, начинает обретать внутренние. Это также выражается через одежду – разбирая гардероб покойной, главная героиня обращает внимание, что с возрастом мать отходит от привычных женственных нарядов – черных платьев и широких брюк, в ее шкафу появляется одежда в цветочек, которую она раньше осуждала.

Мать, до болезни бывшая крайне практичной, с течением времени становится сентиментальной: на стене в ее доме появляются памятные фотографии, в том числе и открытка от дочери.

Перебирая оставшиеся после материнской смерти документы, главная героиня обнаруживает в них потрепанную стопку стихотворений. Она – поэтесса, и страстно желала, чтобы мать прочла ее стихи и как-то откликнулась на них, мать читала, но никогда ничего не говорила. А эти посеревшие и смятые в уголках листы дают ей надежду, что мать все же перечитывала их много раз, пыталась осмыслить через них свою дочь.

Эти моменты показывают, что героиня, до этого рассматривавшая дочь как данность, обязанность, не забыла, а наоборот, думала о ней.

*Выводы.* Женственность, как показал наш анализ, это смесь социального конструкта и врожденных характеристик женщин. Отсутствие физического выражения признаков женственности не делает женщину менее женской. Феминность и маскулинность также не лишают женщину права являться и воспринимать себя женщиной.

В романе мы видим, что соответствие бытовым представлениям о женственности не всегда означает достижение идеала. Лишаясь физических атрибутов, характерных для женщины, мать героини начинает приобретать внутренние качества женственности. Смерть обрывает этот путь, однако это позволяет дочери

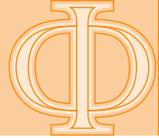
открыто и без страха впервые заговорить с матерью – последняя, пятая глава романа становится итогом рефлексии, и впервые за все повествование дочь обращается к матери напрямую, проработав рану, полученную от этой перевернутой женственности.

### Библиографический список

1. Безрукова В.С. Основы духовной культуры: энциклопедический словарь педагога. Екатеринбург, 2000. 937 с. URL: [https://spiritual\\_culture.academic.ru/801/%D0%96%D0%B5%D0%BD%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C](https://spiritual_culture.academic.ru/801/%D0%96%D0%B5%D0%BD%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C) (дата обращения: 22.06.22).
2. Брандт Г.А. Почему вы не пишете себя? (Феминизм и структурализм о женском теле и женском письме) // Женщина. Гендер. Культура. 1999. С. 142–152.
3. Васякина О.Ю. Рана. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 280 с.
4. Вульф Н. Миф о красоте: стереотипы против женщин; пер. с англ.: А. Графова, Т. Графова; ред. Н. Нарциссова. М.: Альпина нон-фикшн, 2013. 444 с.
5. Кобозева А. Женское начало / консулт. И. Найдина // Счастливые родители. 2019. № 3. С. 44–46.
6. Ковтун Н. «Женский вопрос» в творчестве В. Распутина // Филологические науки. 2015. № 1. С. 58–73.
7. Ковтун Н.В. Кто они, героини современной прозы: «Баба-богатырка», «Баба с подушкой» или Бизнес-леди? // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2022. Т. 21, № 2: Филология. С. 108–117.
8. Кристева Ю. «Время женщин» // Гендерная теория и искусство. Антология 1970–2000. М.: РОССПЭН, 2005. С. 122–145.
9. Ломыкина Н. Залечить рану: как Оксана Васякина написала роман о поездке в Сибирь с прахом матери // Forbes Woman. URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/453843-zalecit-ranu-kak-oksana-vasakina-napisala-roman-o-poezdke-v-sibir-s-prahom-materi?ysclid=l4o8hm9j5e134527413> (дата обращения: 22.06.22).
10. Ожегов С.И. Словарь русского языка. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/56206> (дата обращения: 22.06.22).
11. Писарева Е. Оксана Васякина: «Для меня принципиально называть свое письмо женским» // Новая газета. 2021. № 35. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2021/03/28/oksana-vasiakina-dlia-menia-printsipialno-nazyvat-svoe-pismo-zhenskim> (дата обращения: 22.06.22).
12. Полотина М. Туфли на шпильках; консультант Е. Дзякович // Женское здоровье. 2021. № 1/2. С. 84–85.
13. Урусова Л.Х. О дифференцированных конструктах формирования современной личности // Alma mater: Вестник высшей школы. 2019. № 1. С. 60–63.

### Сведения об авторе

Бурылова Арина Викторовна – аспирант кафедры мировой литературы и методики ее преподавания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: arien91@mail.ru



DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2022-20-3-125>

## REVERSED FEMININITY: THE IMAGE OF A MOTHER IN THE NOVEL BY OKSANA VASYAKINA “THE WOUND”

**A.V. Burylova (Krasnoyarsk, Russia)**

### **Abstract**

*Statement of the problem.* Modern society requires women to preserve femininity, but what is femininity in fact and how do the authors of current texts understand it? Oksana Vasyakina is one of the few writers who openly calls herself a feminist and emphasizes that her writing is feminine. She examines the problems that modern women face, including the issue of perception of femininity in society.

*The purpose of the article* is to consider the problem of perception of femininity in modern society on the example of Oksana Vasyakina’s landmark novel “The Wound”.

*The research methodology* was based on historical-cultural and structural-typological approaches.

*Research results.* In the novel, we see that conforming to everyday ideas about femininity does not always mean achieving the ideal. Losing the physical attributes of femininity, the heroine’s mother begins to acquire the inner qualities that are characteristic of her. Death cuts off this path, but this allows the daughter to speak openly and without fear for the first time to her mother – the last, fifth chapter of the novel becomes the result of reflection, and for the first time in the entire story, the daughter addresses her mother directly, having worked through the wound received from this inverted femininity.

**Keywords:** *Russian prose, femininity, gender issues, feminism.*

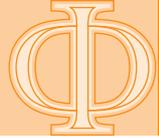
### **References**

1. Bezrukova V.S. Fundamentals of spiritual culture: encyclopedic dictionary of a teacher. Yekaterinburg, 2000. 937 p. URL: [https://spiritual\\_culture.academic.ru/801/%D0%96%D0%B5%D0%BD%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C](https://spiritual_culture.academic.ru/801/%D0%96%D0%B5%D0%BD%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C) (access date: 22.06.22).
2. Brandt G.A. Why don’t you write yourself? (Feminism and structuralism about the female body and female writing) // *Woman. gender. Culture.* 1999. P. 142–152.
3. Vasyakina O. The wound. Moscow: New Literary Review, 2021. 280 p.
4. Wolf N. The myth of beauty: stereotypes against women / per. from English. A. Grafova, T. Grafova; ed. N. Narcissova. Moscow: Alpina non-fiction, 2013. 444 p.
5. Kobozeva A. Feminine / consult. I. Naidina // *Happy parents.* 2019. No. 3. P. 44–46.
6. Kovtun N. “Women’s issue” in the work of V. Rasputin // *Philological Sciences.* 2015. No. 1. P. 58–73.
7. Kovtun N.V. Who Are They, The Heroines of Modern Prose: “Baba bogatyrka”, “Baba with a Pillow” or Business-Lady? // *Vestnik NSU. Series: History and Philology,* 2022. Vol. 21, No. 2: *Philology.* P. 108–117.
8. Kristeva Y. “The Time of Women” // *Gender Theory and Art. Anthology 1970–2000.* Moscow: ROSSPEN, 2005. P. 122–145.
9. Lomykina N. Heal the wound: how Oksana Vasyakina wrote a novel about a trip to Siberia with her mother's ashes // *Forbes Woman.* URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/453843-zalecitanu-kak-oksana-vasakina-napisala-roman-o-poezdke-v-sibir-s-prahom-materi?ysclid=l4o8hm9j5e134527413> (access date: 22.06.22).

10. Ozhegov S.I. Dictionary of the Russian language. URL <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/56206> (access date: 22.06.22).
11. Pisareva E. Oksana Vasyakina: “It is important for me to call my letter feminine” // Novaya Gazeta. 2021. No. 35. URL: <https://novyagazeta.ru/articles/2021/03/28/oksana-vasiakina-dliamenia-printsipialno-nazyvat-svoe-pismo-zhenskim> (access date: 18.05.2022).
12. Polotina M. Stiletto / M. Polotina; consultant E. Dzyakovich // Women’s Health. 2021. No. 1/2. P. 84–85.
13. Urusova L.Kh. On differentiated structures of formation of modern personality // Alma mater: Bulletin of Higher School. 2019. No. 1. P. 60–63.

### About the author

Burylova Arina Viktorovna – PhD Candidate, Department of World Literature and Methods of its Teaching, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: [arinen91@mail.ru](mailto:arinen91@mail.ru)



DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2022-20-3-126>

УДК 821.111

## РОМАНЫ Д. ТАРТТ И ДЖ.К. РОУЛИНГ: ПОЭТИКА, ПРАГМАТИКА, КОНТЕКСТ

О.Е. Гевель (Красноярск, Россия)

Н.С. Шалимова (Красноярск, Россия)

### Аннотация

*Постановка проблемы.* Статья посвящена компаративному исследованию творчества современных англоязычных писательниц – Д. Тартт и Дж.К. Роулинг: жанровой, нарративной, рецептивной идентичности, структурно-типологической связи романов Д. Тартт с циклом Дж.К. Роулинг о Гарри Поттере. Выделяются схожие нарративные конституции романов Д. Тартт и Дж.К. Роулинг: хронотоп, система персонажей, поэтика деталей, а также идентичные жанровые константы.

*Цель исследования.* Теоретический вектор исследования связан с выявлением семантики сюжета взросления, функционирования повторяющихся мотивов, тем и сюжетов.

*Методы.* В статье осуществляется реконструкция генетических и типологических связей как в жанровых, так и в сюжетных структурах произведений Д. Тартт и Дж. К. Роулинг. Исследование строится на интертекстуальном и интермедиальном методах, применяется имманентный анализ текста. Научная новизна исследования в сопоставлении жанровых и нарративных особенностей романов: системы персонажей, особенностей хронотопов, мотивно-тематических комплексов.

*Результаты исследования.* Произведения писательниц исследуются и в аспекте прагматики: выявленные особенности поэтики делают их социокультурным феноменом и формируют особую рецепцию и популярность.

*Выводы.* Проведенное компаративное исследование позволяет увидеть инвариантные сюжетные модели, схожесть таких категорий поэтики, как система персонажей, хронотоп, интертекстуальность, и становится еще одним шагом в осмыслении канона современной young adult литературы.

**Ключевые слова:** *Донна Тартт, «Щегол», «Тайная история», «Маленький друг», Дж.К. Роулинг, «Гарри Поттер», компаративистика.*

**П***остановка проблемы.* Одной из особенностей творчества Д. Тартт (род. 1963) является насыщенность аллюзиями, богатая интертекстуальность. Писательница берет за основу национальную традицию, вписывая произведения в парадигму «большого американского романа», опирается на классический роман воспитания [Фомина, 2017], эксплицирует «русский текст» [Турьшева, 2020; Гевель, 2021].

Дебютный роман Д. Тартт «Тайная история» (1992) содержит множество отсылок к античной литературе [Шалимова, 2021], произведениям Х. Ли, М. Твена, М. Митчелл [Назирова, 2016], а также сам становится сюжетным претекстом к нескольким современным романам, в их числе «Некоторые вопросы теории

катастроф» М. Пессл и «Тайное место» Т. Френч. С учетом полидисциплинарности современного культурного пространства важной является сериальная парадигма: сериал «Sex education» (Netflix) отчасти продолжает намеченные Д. Тартт сюжетные линии: история одной из главных героинь, старшеклассницы Мейв Уайли, частично рифмуется с судьбой Котку. Сериал «Эйфория» (НВО) также заимствует у Д. Тартт сюжетные решения и способы раскрытия персонажей: переживание измененных состояний сознания, любви, предательства, крайних точек одиночества. Подобным примером служит едва намеченная во второй части романа «Щегол» линия отношений Тео и Бориса: «тут начинается зыбкая часть» [Тартт, 2015, с. 320], впоследствии ставшая сюжетообразующей в романе Х. Янагихары «Маленькая жизнь».

Можно выделить целый спектр тем, образов, сюжетов, которые обозначены у Д. Тартт, но полноценно раскрываются в других произведениях американской культуры, связанных с темой взросления [Tarr, White, 2018; Stratman, 2018]. В этом нам видится социально-антропологический контекст романов Д. Тартт – его часть, наиболее близкая современности.

Многие структурные элементы романа «Тайная история» вошли в архитектуру цикла о Гарри Поттере (1997). Эта взаимосвязь интересна еще и тем, что в дальнейшем Д. Тартт в романах «Маленький друг» (2002) и «Щегол» (2013) неоднократно вводила реминисценции на романы Дж.К. Роулинг, а Джули Майерсон из «The Observer» назвала «Щегол» «данью уважения Гарри Поттеру»<sup>1</sup>. Создательница цикла о Гарри Поттере также несколько раз подчеркивала влияние Тартт на ее творчество<sup>2</sup>, однако в литературоведении эта тема ранее не рассматривалась.

Жанровая принадлежность романа «Маленький друг», доминирующая тема «южной готики» [Анцыферова, 2015], с особой атмосферой, поляризацией добра и зла связаны с сюжетообразующей темой борьбы с темной силой в цикле о Гарри Поттере. «Тайную историю» с точки зрения жанра с «Гарри Поттером» объединяет уже отмеченный университетский дискурс (жанровая парагматика *campus novel*, которая также прослеживается в творчестве Д. Лоджа, И. Во, Дж. Уильямса, Дж. Евгенидиса, В. Набокова).

Структурно сюжетообразующие события каждой из семи частей «поттерианы» оказываются вписаны в ход школьного семестра, кульминация (окончательная схватка с Темным лордом или его «сюжетным представителем») обычно происходит ближе к летним каникулам, об остальных событиях цикла рассказывается в рамках школьной повседневности. Сюжет «Тайной истории» также неразрывно связан с ходом университетского семестра от начала и до конца [Парулина, 2016]. Романы имеют уникальный отклик, зафиксированный рецептивный след читательского освоения в поле фанфикшн. Инвариантной частью становится воспроизведение внешних атрибутов, тематические, образные, ценностные

<sup>1</sup> «It's a Harry potter tribute novel».

<sup>2</sup> В том числе называет ее среди любимых писательниц в своем твите от 23.05.14.

отсылки, редуцируемые до отдельных тем и мотивов: учитель/ученик, детективные элементы, университетский/школьный топос, любовь к книгам, атмосфера уединения, сосредоточенности, особый стиль в одежде.

*Цель исследования.* Теоретический вектор исследования связан с выявлением семантики сюжета взросления, функционирования повторяющихся мотивов, тем и сюжетов.

*Методы.* В статье осуществляется реконструкция генетических и типологических связей как в жанровых, так и в сюжетных структурах произведений Д. Тартт и Дж. К. Роулинг. Исследование строится на интертекстуальном и интермедиальном методах, применяется имманентный анализ текста. Научная новизна исследования в сопоставлении жанровых и нарративных особенностей романов: системы персонажей, особенностей хронотопов, мотивно-тематических комплексов.

*Результаты исследования*

**Ономастические созвучия.** Моментом очевидного совпадения являются имена главных героев романа «Маленький друг» и цикла о Гарри Поттере: Harriet и Наггу, также одного из главных героев «Тайной истории» зовут Henry. Гарриет вместе с именем наследует доминирующие черты характера Гарри Поттера: автономность мышления, правдолюбие, упорство: «Когда Гарриет было лет семь-восемь, она пришла в городскую библиотеку и попросила дать ей книжечку про магию. Но открыв эти книжки дома, она пришла в ярость – там были описания фокусов...» [Тартт, 2016 а, с. 55]. Отметим также возраст – 7–8 лет – как инициационный в обеих книгах.

Усиливает это сопоставление тот факт, что имя антагониста Гарриет и главного злодея романа, которого она подозревает в убийстве брата – Дэниел Рэтклифф, созвучное с именем актера (Дэниел Рэдклифф), сыгравшего роль Гарри Поттера в знаменитой экранизации цикла. Время написания романа «Маленький друг» приходится на нашумевший выход экранизации первой части поттерианы.

Тем самым, учитывая явное совпадение образов Гарриет и младшего Рэтклиффа, которые к концу романа, по сути, оказываются двойниками, Тартт наследует мысль о соседстве добра и зла, их взаимопроникновении. В последней части цикла выясняется, что Гарри Поттер носит в себе часть души главного злодея и своего личного врага Волан-де-Морта, является его крестражем<sup>3</sup>.

**Система персонажей.** Визуально образ одного из главных героев «Тайной истории» – Генри Винтера – во многом созвучен образу Гарри Поттера. Генри даже обладает шрамом похожей формы, который, как и в случае с Гарри, вызывает у него серьезные мигрени:

<sup>3</sup> Существует теологическое прочтение истории Гарри Поттера, где герой воспринимается в связи с образом Иисуса Христа. Погибший брат Гарриет Робин также идеализируется и вписывается в контекст Писания: «Всю свою жизнь Гарриет видела, как ее брат сияет в одном созвездии с архангелом Михаилом, Иоанном Крестителем, Иосифом, Марией, ну и, конечно, самим Христом» [Тартт, 2016 а, с. 54].

**Генри:** «Волосы у него спадали не на ту сторону, и у самых их корней я увидел длинный бугристый шрам, перерезанный белыми рыбицами под углом к надбровью» [Тартт, 2016 б, с. 154].

**Гарри:** «У Гарри было худое лицо, острые коленки, черные волосы и ярко-зеленые глаза. Он носил круглые очки, заклеенные скотчем...», «Единственное, что Гарри нравилось в собственной внешности – это тонкий шрам на лбу, напомиравший молнию» [Роулинг, 2005, с. 27].

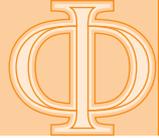
Любопытно, что в результате опасной зимовки Ричард также приобретает еле заметный шрам в том же месте, что и у Генри: «Дай-ка я взгляну на твою рану. Я откинул волосы со лба. Швы давно сняли, и почти ничего не было заметно» [Тартт, 2016 б, с. 153]; однако этот еле заметный шрам ощущается им как нечто пугающе объединяющее: «мне в голову все же закралась мысль, что я отмечен тайным клеймом преступления» [Тартт, 2016 б, с. 153]. В этом смысле связь через шрам Ричарда и Генри рифмуется с неразрывной связью Гарри и Волан-де-Морта.

К тому же Генри Винтер носит очки круглой поттеровской формы. Примечательно, что точно такие же очки носит Банни: «двое ребят носили очки, как ни странно, одинаковой формы – маленькие старомодные очочки в круглой стальной оправе» [Тартт, 2016 б, с. 25].

Очень важной нам кажется тема «зельеварения» в контексте образов Гарри Поттера и Генри Винтера: Генри практикует приготовление отваров для «вакхических обрядов», интересуется персидскими ядами, ядовитыми травами и грибами. Для Гарри Поттера обучение зельеварению становится важной ступенькой для превращения в мракоборца. Сюжет «Принца полукровки» связан с учебником, помогающим варить зелья.

Любопытно, что второе имя Генри – Марчбэнкс. В романах о Гарри Поттере присутствует второстепенный персонаж с такой фамилией – Гризельда Марчбэнкс, профессор, старейшина суда Визенгамот, председатель экзаменационной комиссии.

Тема сиротства также роднит образ Гарри Поттера сразу с несколькими образами романа «Тайная история». Безусловно, Ричард не сирота, но настолько отстранен от своей семьи (герой молит о сиротстве: «как я желал бы себе этой горькой судьбы!»), что не хочет даже обращаться к ним за помощью. Вообще все герои «Тайной истории» так или иначе оказываются вне своих семей: близнецы потеряли родителей, отношения Фрэнсиса и его матери также далеки от привычных, родители Генри фактически остаются за кадром его жизни, а родители Банни так заняты светскими условностями, что не обращают внимание на свое многочисленное семейство. А друг для друга Генри, Чарльз, Камилла, Фрэнсис, Банни и потом Ричард в каком-то смысле становятся новой семьей. Так же, как Тео из романа «Щегол» обретает семью, встретив Бориса, который становится лучшим другом, двойником, «названным братом» героя. Симптоматично, что именно он дает герою кличку «Поттер», обозначая прямую интертекстуальную связь с циклом Дж. Роулинг и приравнивая Тео к другому «мальчику, который выжил».



Этих героев объединяет тема соприкосновения со смертью, сиротства, постижения себя через дружбу и любовь. Общим становится мотив денег: Гарри Поттер наследует ячейку в волшебном банке «Гринготтс», Тео достаются деньги от матери, на которые впоследствии посягает отец (образ корыстного отца-пьяницы восходит к роману М. Твена «Приключения Гекльберри Финна»).

Значимым сопоставлением романа «Тайная история» и поттерианы является то, что Ричард Пейпен влюбляется в сестру Чарльза Камиллу, как и Гарри, влюбленный в сестру своего друга Рона Уизли (тоже рыжеволосую). Ситуация с Ричардом и Камиллой потом будет воспроизведена Д. Тартт и в романе «Щегол» – ее Пипа во многом наследует образу Камиллы Макколей: «Мне было трудно справиться с мыслями – золотистые завитки волос так очаровательно лежали у нее на висках» [Тартт, 2016 б, с. 89], «...Смотрел на ясные, лучистые глаза и густые ресницы, на висок, где маленькое озерцо золота постепенно растворялось в ровном и теплом, как мед, блеске волос» [Тартт, 2016 б, с. 49].

Очень важная общая черта романов Роулинг о Гарри Поттере и романа Д. Тартт «Тайная история» – фигура «ненадежного учителя». Любопытна очевидная созвучность образов (и отношения к ним главных героев) Дамблдора и Джулиана. Таинственный, окутанный слухами, со своими странностями и особенными методами<sup>4</sup>, зачастую неодобряемыми вышестоящими лицами, – это определение подходит к ним обоим, как и некоторое отстранение главного героя в конце, понимание того, что учитель не является всесильной (и сильной вообще) фигурой. У Джулиана сказочный образ: «высокие, как у эльфов, брови», абстрактный возраст «сказать, сколько лет этому человеку, я не мог даже приблизительно» [Тартт, 2016 б, с. 24]. В разных частях поттерианы сюжетная схема, в рамках которой учитель в конце романа оказывается не тем, кем казался, повторяется неоднократно, например в случае с Златопустом Локонсом, Римусом Люпином, Северусом Снейпом.

Все герои Тартт обладают некоей уникальной характеристикой: для Гарриет это ум и свободолюбие, для Ричарда – любовь к наукам, знанию, греческому языку. Ричард, подобно Гарри в осваивании защиты от темных искусств, проявляет старания в постижении греческого / постижении себя: «Я проводил ночи за греческим, просиживая порой до четырех утра – голова к тому времени гудела, глаза слезились, и во всем Монмуте светило только мое окно» [Тартт, 2016 б, с. 86].

Тео с Гарри объединяет уже упомянутая уникальность судьбы «мальчика, который выжил», помещающая их одновременно в парадигму судьбы избранного и трикстера.

Отличительными чертами Гарриет становятся ее независимость и ум: сестры Клив описываются по принципу антитезы: старшая сестра Эллисон домашняя и послушная, любимица бабушек: «Хозяюшка ты наша... Красавица. Ангел наш дорогой... Славная девочка. Миленькая. Хорошенькая». «Младшая же сестра Гарриет не была ни миленькой, ни хорошенькой. Гарриет была

<sup>4</sup> «Трудные учителя есть в каждом колледже» [Тартт, 2016 б, с. 22].

умной»<sup>5</sup> [Тартт, 2016 а, с. 33]. Примечательно, что отец дает девочке непосильные поручения, оскорбляет, он «лупил Гарриет ремнем – за то, что она огрызалась» [Тартт, 2016 а, с. 71]. Дома она чувствует себя неуютно и неуместно: «Дома у Гарриет жили как во сне, все, кроме самой Гарриет, которая по натуре была бодрой и бдительной» [Тартт, 2016 а, с. 74].

Таким образом, все герои Тартт (Ричард, Гарриет, Тео) лишены связи с родителями, они одиноки и не поняты, как Гарри Поттер в семье Дурслей.

**Особенности хронотопа.** Колледж Хэмпден становится аналогией (и возможным претекстом) школы Хогвартс – волшебным и загадочным местом, о возможности существования которого он (нарратор) не подозревал, находясь в скучной, ровной (Ричард из городка Плано, с исп. – ровный<sup>6</sup>) Калифорнии. Для реалистического романа в «Тайной истории» достаточно много описаний Хэмпдена, связанных с темой волшебного, магического: «я подумал, что оказался в какой-то волшебной стране», «и я был счастлив в эти первые дни, счастлив, как никогда раньше» [Тартт, 2016 б, с. 20].

До Хэмпдена герой как будто не жил, находился в аду: «все же очевидно, что основатели Плано воздвигали город, взяв за образец не рай, но ту иную, скорбную и мрачную обитель», «я, словно зомби, брел к парковке», «Я чувствую, что все здесь пропитано запахом гнили...», «смерть, смерть, смерть» [Там же, с. 17]. Полной противоположностью является образ колледжа Хэмпден, увиденный Ричардом в рекламном буклете: «Я помню эти фотографии по сей день – так, бывают, запоминаются картинки из любимой детской книжки. Залитые солнцем луга, расплывчатые очертания окутанных дымкой гор, толстый ковер листвы на ветреной осенней дороге. Праздничные костры и стелющийся в долинах туман, изгибы виолончелей, темные окна, снег» [Там же, с. 18].

Для Гарри Поттера настолько же антиномичны дом Дурслей на Тисовой улице, его чулан там и мир Хогвартса: «Возможно, именно жизнь в темном чулане привела к тому, что Гарри выглядел меньше и слабее своих сверстников» [Роулинг, 2005, с. 27], «Гарри даже представить не мог, что на свете существует такое красивое и такое странное место» [Там же, с. 145], «За два месяца замок стал его настоящим домом. А дому номер четыре по Тисовой улице так и не удалось этого добиться за десять лет. В Хогвартсе он чувствовал себя уютно, здесь у него появились друзья». [Там же, с. 218].

Гарри должен был пойти в обычную школу, где, по словам Дадли, «старшекурсники в первый же день засовывают новичков в унитаз» [Там же, с. 42], его, как и Ричарда в Хэмпден, спасает приглашение в Хогвартс.

В тексте обоих произведений присутствуют письма, даже графически похоже оформленные: это письмо-приглашение Гарри Поттеру и письмо Ричарда в Хэмпден с заполненной анкетой (рис.).

<sup>5</sup> Подобное описание мы находим в романе И.А. Гончарова «Обрыв» в характеристике образов Веры и Марфеньки.

<sup>6</sup> Испанский язык для Д. Тартт становится важным лингвистическим (и образным) пластом в романе «Щегол».



ШКОЛА ЧАРОДЕЙСТВА И ВОЛШЕБСТВА  
«ХОГВАРТС»

Директор: Альбус Дамблдор  
(Кавалер ордена Мерлина I степени,  
Великий волш., Верх. чародей, Президент  
Международной конфед. магов)

*Дорогой мистер Поттер!*

*Мы рады проинформировать Вас, что Вам предоставлено место в Школе чародейства и волшебства «Хогвартс». Пожалуйста, ознакомьтесь с приложенным к данному письму списком необходимых книг и предметов.*

*Занятия начинаются 1 сентября. Ждем вашу сову не позднее 31 июля.*

*Искренне Ваша,  
Минерва МакГонагалл,  
заместитель директора*

**В дверь постучала мать, позвала меня. Я не ответил. Я вырвал из буклета анкету и начал ее заполнять.**

|  |  |
|--|--|
| <b>Имя:</b>  | <b>ДЖОН РИЧАРД ПЕЙПЕН</b>                      |
| <b>Адрес:</b>  | <b>4487 МИМОЗА-КОРТ, ПЛАНО,<br/>КАЛИФОРНИЯ</b> |
| <b>Хотели бы вы получить информацию о системе финансовой помощи?</b> | <b>ДА (разумеется).</b>                        |

*Рис.*

История попадания героев в учебное заведение своей мечты связана в обоих случаях с симпатией и сочувствием учителей: «сочувственно настроенные профессора писали письма, для меня делали разного рода исключения» [Тартт, 2016 б, с. 20].

Колледж Хэмпден, как и Хогвартс, является совершенно «отгороженной» от окружающего нормального мира лесами и горами экосистемой – герои выбирают только в близлежащий городок Хэмпден/Хогсмид.

Атмосфера Хэмпдена и Хогвартса похожа: «...студенты собирались по вечерам на первом этаже у камина, жгли похищенные под покровом ночи из преподавательского дома дрова и, протянув к огню разутые ноги, пили подогретый сидр» [Тартт, 2016 б, с. 85].

Похоже описывается пространство вокруг: «...Вон там, на холме, есть кладбище. Я едва различал его сквозь сосны. Невысокие покосившиеся надгробия, как расшатанные зубы, торчали под такими странными углами, что в них чувствовалось застывшее движение...» [Тартт, 2016 б, с. 76] / «Расположенные вокруг замка горы сменили зеленый цвет на серый, озеро стало напоминать заледеневшую сталь, а земля каждое утро белела инеем» [Роулинг, 2005, с. 231].

Еще одна локация, характерная для обоих текстов, – железнодорожная платформа: для цикла о Гарри Поттера платформа 9 3/4 имеет сюжетообразующее значение, это место встреч и прощаний, место перехода в волшебный мир Хогвартса из мира маглов и то, что видится Гарри перед моментом его воскрешения. Последний разговор – прощание уже повзрослевших Ричарда и Камиллы тоже происходит на платформе. Через какое-то время после этого Ричард видит сон о «не то лаборатории, не то музее», в котором встречает Генри, как Гарри встречает Дамблдора в странном месте, напоминающем ему платформу 9 3/4: в обеих книгах это их последний воображаемый разговор с умершим близким человеком. Оба они не могут ответить на вопрос «где мы сейчас находимся?», впечатление героев расплывчато: «вновь оседавший туман, скрывающий его силуэт, пока его темная фигура не растворилась в сумраке зала» [Тартт, 2016 б, с. 591].

**Фотоэпиграммасис.** Мотив оживающих (хоть не наяву, а в памяти) фотографий также роднит «Тайную историю» с «Гарри Поттером»: «В тот год я изучал фотографии Хэмпдена часами, словно надеясь, что если буду смотреть на них долго и пристально, то благодаря некоему осмотическому процессу проникну в их ясную, ничем не нарушаемую тишину» [Тартт, 2016 б, с. 18].

Эпиграмматические созвучия в произведениях Тартт и Роулинг проявляются и на уровне живописи – многочисленные «ожившие» портреты в Хогвартсе предвосхищают «ожившее» изображение «Щегла», картины Карла Фабрициуса в сюжете одноименного романа, по сути, представляющего из себя интерпретацию произведения живописи в прозе.

Важную роль обращение к фотографии играет и в поэтике романа «Маленький друг»: «Гарриет целыми днями могла разглядывать старые снимки в фотоальбоме...», «Больше всего Гарриет любила фотографии с братом... их хранили отдельно, на полке в чулане у Эди, в коробке-сердечке из-под шоколадных конфет... Разглядывать их Гарриет никогда не надоедало. Все краски на фото были нереальные, с просинью, и с годами цвета сделались еще более хрупкими, более чудными. Через них Гарриет приоткрывалась дверка в сказочный мир – магический, цельный, утраченный навеки» [Тартт, 2016 а, с. 50].

Фотоэпиграммасис становится одним из важнейших элементов поэтики, именно через призму фотографий Гарриет не только глубже и с разных сторон узнает Робина, мозаично собирая его образ, но и познает себя:

«Гарриет родилась в канун Рождества, когда на дворе бушевала самая снежная за всю историю Миссисипи вьюга. В коробке-сердечке нашелся снимок и этого снегопад... ее только-только, в белоснежный сочельник привезли домой из больницы» [Тартт, 2016 а, с. 52].

Фотографии репрезентируют ту семью, которая навсегда утеряна и служат для Гарриет якорем, за который она цепляется: «Была у Гарриет в коробке-сердечке и самая любимая фотография, которую она разглядывала снова и снова при свете фонарика: на ней Робин и Эллисон вместе с Гарриет сидят в гостиной “Напасти” под елкой. Ничто на снимке не указывало на то, что их ждет череда несчастий...

Тогда, конечно, этого никто не знал: на дворе было Рождество, в семье было прибавление, все были счастливы и думали, что это счастье будет длиться вечно» [Тартт, 2016 а, с. 53], «Фотографии завораживали Гарриет. Больше всего на свете ей хотелось ускользнуть из этого мира в их прохладную, синеватую прозрачность, где был жив ее брат, и стоял красивый дом, и все всегда были счастливы» [Тартт, 2016 а, с. 51].

Фотографии передают семейное тепло, безмятежное счастье, но и служат предвестниками беды, предвосхищают ее: «Свет на фото был дробленный, сентиментальный, пылающий предвестием беды. К следующему Рождеству помрет даже Прыгунок» [Тартт, 2016 а, с. 53].

*Заключение.* Взаимосвязь творчества Д. Тартт и Дж. К. Роулинг требует дальнейшего внимательного исследования, в данной статье мы раскрыли лишь некоторые ее грани, подтверждающие художественный диалог между двумя писательницами. Предполагаем, что Роулинг была знакома с текстом романа «Тайная история» (1992) еще во время работы над основным сюжетом серии о Гарри Поттере, это подтверждает общеизвестный факт о том, что структура и основные сюжетные линии серии были задуманы еще во время работы над первой книгой о Гарри Поттере, законченной в 1995 г. Проведенное компаративное исследование позволяет увидеть инвариантные сюжетные модели, схожесть таких категорий поэтики, как система персонажей, хронотоп, интертекстуальность, и становится еще одним шагом в осмыслении канона современной young adult литературы.

### Библиографический список

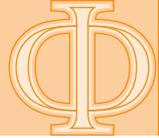
1. Анцыферова О.Ю. «Южный Миф» и роман Донны Тартт «Маленький друг» // Филология и культура. 2015. № 2 (40). С. 165–170.
2. Гевель О.Е. «Щегол» на восточноевропейском перекрестке: «русские» подтексты романа Донны Тартт // Имагология и компаративистика. 2021. № 15. С. 264–280.
3. Назирова Э.И. Интертекстуальность романа Донны Тартт «Тайная История» // Язык. Культура. Коммуникация. 2016. № 2 (6). С. 31. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28132647> (дата обращения: 12.05.2021).
4. Парулина И.Ю. Университетский дискурс: сбор корпуса (на материале романа Д. Тартт «Тайная история») // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2016. № 2 (13). С. 70–74.
5. Роулинг Дж. Гарри Поттер и философский камень / пер. с англ. И.В. Оранского. М.: Росмен-пресс, 2005. 399 с.
6. Тартт Д. Маленький друг / пер. с англ. А. Завозовой. М.: АСТ, 2016 а. 640 с.
7. Тартт Д. Тайная история / пер. с англ. Д. Бородкина, Н. Ленцман. М.: АСТ, 2016 б. 590 с.
8. Тартт Д. Щегол / пер. с англ. А. Завозовой. М.: АСТ, 2015. 827 с.
9. Турышева О.Н. Достоевский, Сибирь и русский человек в романе Донны Тартт «Щегол» // Quaestio Rossica. 2020. Т. 8, № 1. С. 119–131.
10. Фомина Е.М. «Щегол» Д. Тартт как роман воспитания // Новый филологический вестник. 2017. № 4 (43). С. 261–271.
11. Шалимова Н.С. Рецепция античной культуры в романе Д. Тартт «Тайная история» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14, вып. 2. С. 344–349.

12. Stratman J. Teens and the New Religious Landscapes: Essays on Contemporary Young Adult Fiction. Jefferson: McFarland, 2018. 242 p.
13. Tarr A., White D. Posthumanism in Young adult fiction: Finding Humanity in a Posthuman world. Jackson, University Press of Mississippi, 2018. 290 p.

### **Сведения об авторах**

Гевель Ольга Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и литературоведения, Сибирский федеральный университет (Красноярск); e-mail: OGevel@sfu-kras.ru

Шалимова Надежда Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры мировой литературы и методики ее преподавания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; ORCID: 0000-0001-9636-1262; e-mail: dm561@ya.ru



DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2022-20-3-126>

## NOVELS BY D. TARTT AND J.K. ROWLING: POETICS, PRAGMATICS, AND CONTEXT

**O.E. Gevel (Krasnoyarsk, Russia)**

**N.S. Shalimova (Krasnoyarsk, Russia)**

### Abstract

*Statement of the problem.* The article is devoted to a comparative study of the works by D. Tarrt and J.K. Rowling. We investigate genre, narrative, receptive identity, structural and typological connection of D. Tarrt's works and stories of J.K. Rowling about Harry Potter. Similar narrative constitutions of the novels by D. Tarrt and J.K. Rowling are chronotope, character system, poetics of details, genre constants.

*Purpose of the article.* The theoretical vector of the study is associated with the identification of semantics of the plot of growing up, functioning of motifs, themes and plots.

*Research methods.* The article contains the reconstruction of genetic and typological connections, both in the genre and in the plot structures of the works by D. Tarrt and J. K. Rowling. The study is based on intertextual, intermedial methods and immanent analysis of the text. The scientific originality of the research is the comparing of genre and narrative features of novels: the system of characters, chronotope, motif and thematic complexes.

*Research results.* The works of writers are also studied in the aspect of pragmatics: the poetic makes them a sociocultural phenomenon and forms a special reception and popularity.

*Conclusions.* The conducted comparative study allows us to see invariant plot models, the similarity of such categories of poetics as the system of characters, chronotope, intertextuality and becomes another step in understanding the canon of modern young adult literature.

**Keywords:** *Donna Tarrt, The Goldfinch, The Secret History, The Little Friend, J.K. Rowling, Harry Potter, comparative studies.*

### References

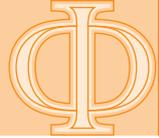
1. Ancyferova O.Yu. Southern myth and the novel *The Little Friend* by D. Tarrt // *Filologiya i Kul'tura*. 2015. No. 2 (40). С. 165–170.
2. Gevel' O.E. *The Goldfinch* at Eastern Europe's Crossroads: Russian Subtexts of Donna Tarrt's novel // *Imagologiya i komparativistika*. 2021. No. 15. P. 264–280.
3. Nazirova E.I. Intertextuality of the novel "The Secret History" by D. Tarrt // *Yazyk. Kul'tura. Kommunikaciya*. 2016. No. 2 (6). P. 31. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28132647> (access date: 12.05.2021).
4. Parulina I.Yu. University discourse: the collection of corpus (based on the novel "The Secret History" by D. Tarrt) // *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo Gosudarstvennogo Universiteta*. 2016. No. 2 (13). С. 70–74.
5. Rowling J. *Harry Potter and the Philosopher's stone* / Moscow: Rosmen-press, 2005. 399 p.
6. Tarrt D. *The Little Friend*. Moscow: AST, 2016 a. 640 p.
7. Tarrt D. *The Secret History*. Moscow: AST, 2016 b. 590 p.
8. Tarrt D. *The Goldfinch*. Moscow: AST, 2015. 827 p.
9. Turyшева O.N. Dostoevsky, Siberia, and the Russian Person in Donna Tarrt's Novel *The Goldfinch* // *Quaestio Rossica*. 2020. Vol. 8, No. 1. P. 119–131.

10. Fomina E.M. The Goldfinch by D. Tartt as Bildungsroman // *Novyj Filologicheskij Vestnik*. 2017. No. 4 (43). P. 261–271.
11. Shalimova N.S. Reception of Ancient Culture in D. Tartt's novel *The Secret History* // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2021. Vol 14, is. 2. P. 344–349.
12. Stratman J. *Teens and the New Religious Landscapes: Essays on Contemporary Young Adult Fiction*. Jefferson: McFarland, 2018. 242 p.
13. Tarr A., White D. *Posthumanism in Young adult fiction: Finding Humanity in a Posthuman world*. Jackson, University Press of Mississippi, 2018. 290 p.

### About the authors

Gevel Olga Evgenyevna – PhD (Philology), Associate Professor, Department of Journalism and Literary Studies, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: OGevel@sfu-kras.ru

Shalimova Nadezhda Sergeyevna – PhD (Philology), Associate Professor, Department of World Literature and Methods of Its Teaching, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); ORCID: 0000-0001-9636-1262; e-mail: dm561@ya.ru



DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2022-20-3-127>

УДК 7.046.1

## МИФОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС АНГЛИЙСКОГО СЕРИАЛА «РОБИН ИЗ ШЕРВУДА» (1984–1986)

Е.Е. Приказчикова (Екатеринбург, Россия)

### Аннотация

В статье рассматриваются основные мифологические проекции английского сериала «Робин из Шервуда» («Robin of Sherwood»), культового мистического фильма 1980-х гг., посвященного легендарному английскому разбойнику Робин Гуду.

*Цель работы* заключается в целостном анализе основных мифологических образов и сюжетов, воссоздаваемых на протяжении трех сезонов сериала и составляющих его идейно-композиционную основу.

*Методика работы* обусловлена традициями мифопоэтического анализа с опорой на исследование известных западноевропейских мифологов (М. Олдхаус-Грин, С. Найт, Д. Кэмпбелл, Б. Бранстон, П. Смит, С. Кокс).

В *результате* исследования дается интерпретация образов Робин Гуда и Херна-охотника, мифологем человеческих жертвоприношений, включая образ Кромм Круаха, Дикой охоты. Доказывается, что в качестве магических артефактов сериала выступают Серебряная стрела, меч Альбион, Круглый стол короля Артура, «Сефер йецира» («Книга творения») – основной трактат еврейской мистики II–VI вв. н.э., «кольцо девяти дев», генезис которого связан с мифологическими представлениями о кельтской богине Бригитте и валлийской богине Арианрод.

В *выводах* обосновываются причины, сделавшие данный сериал культовым для эпохи 1980-х гг., отмечается, что многие экранизации истории английского благородного разбойника в XXI в. являются режиссерскими ответами на запросы своего времени.

**Ключевые слова:** Робин Гуд, английский сериал «Робин из Шервуда», мифологический дискурс, Серебряная стрела, меч Альбиона, Дикая охота, Круглый стол, «Сефер йецира», «кольцо девяти дев».

**П**остановка проблемы. Мифология и кинематограф – одна из самых актуальных тем современной гуманитаристики. Достаточно вспомнить, какой резонанс во всем мире недавно вызвал фильм американского режиссера Дэвида Лоури «Легенда о зеленом рыцаре» (2021) с его сложной символикой зеленого цвета, во многом отличающейся от средневекового восприятия данного цвета, магическим топосом и вполне современным рыцарем-миллениалом в исполнении индийского актера Дева Пателя. Начало данной традиции было положено еще в 1980-х гг.

Английский сериал «Робин из Шервуда», «мистический триллер» по определению историка В.В. Эрлихмана [Эрлихман, 2012], без всякой натяжки можно назвать знаковым для мировой кинематографической культуры не только XX, но и XXI в. В восприятии зрителей как в России, так и в Западной Европе, а во многом и в США он остался под названием «тот самый Робин Гуд». С июня 2010 г. именно этот сериал возглавил неофициальный рейтинг кино- и телепостановок,

посвященных «человеку в капюшоне» по версии Internet Movie Database, набрав 8,5 пункта из 10 возможных.

В сериале присутствовал момент, которого не было в классических английских балладах о Робин Гуде, основном источнике сведений о знаменитом английском разбойнике. Речь идет о борьбе саксов, к которым принадлежат Робин Гуд и его товарищи по Шервудскому лесу, с завоевателями-норманнами, олицетворением которых в RoS становятся шериф Ноттингема Роберт де Рейно и сэр Гай Гизборн, в эпоху английского короля Ричарда Львиное Сердце.

Еще одним безусловным преимуществом фильма была его «реалистичность». В кадре присутствовали настоящие английские замки и аббатства, у молодых героев сериала (темноволосый зеленоглазый красавец Майкл Прейд в роли Робин Гуда, харизматичный блондин Роберт Эдди в роли сэра Гая Гизборна) была практически аутентичная средневековая одежда, они профессионально владели оружием и ездили верхом, снимаясь практически без каскадеров. В качестве музыкального сопровождения фильма звучала завораживающая музыка ирландского ансамбля «Clannad», в которой слышались элементы кельтского фолка и нью-эйдж. Шервудский лес, частично заменяемый Гринфилдским лесом и Олдбургским парком Бристоля, благодаря талантливой работе режиссера Йена Шарпа, был снят с налетом мистической архаики.

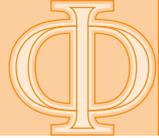
Л.К. Томас, назвав RoS классическим историческим фэнтези-сериалом, рожденным благодаря сильному воображению сценариста Р. Карпентера, сказала об этом так: «A misty, mythic feel»<sup>1</sup> [Thomas, 2017]. Д. Ридман, канадская писательница, автор исторических романов-фэнтези о средневековой Англии, долгое время прожившая в Великобритании, была хорошо знакома с автором сценария фильма Р. Карпентером. В интервью, данном к 35-летию выхода фильма на экран, она писала об органической «вписанности» сериала в культурный контекст 1980-х гг., имея в виду в том числе интерес и к его мифологическому дискурсу. Д. Ридман говорила: «RoS was part of that time, with its positive depiction of paganism and use of mysticism mixed with actual history; the myth of the Divine King who dies for the land mixed that of the merry trickster of the forest»<sup>2</sup> [Reedman, 2019].

*Цель* статьи заключается в целостном анализе основных мифологических образов и сюжетов, составляющих идейно-композиционную основу сериала и позволяющих характеризовать его как исторический мистический триллер.

*Методика* работы обусловлена обращением к традициям мифопоэтического анализа на всех уровнях поэтики кинотекста, включая сюжет, образный ряд, базовые мифологемы, систему магических артефактов. Достоверность полученных результатов обуславливается опорой на исследования известных западноевропейских мифологов: М. Олдхаус-Грин, С. Найт, Д. Кэмпбелл, Б. Бранстон, П. Смит, С. Кокс, М. Оксбрау.

<sup>1</sup> Туман, ощущение мифа.

<sup>2</sup> RoS был частью того времени, с его позитивным изображением язычества и использованием мистики, смешанной с реальной историей; миф о божественном короле, который умирает за землю, смешан с мифом о веселом лесном обманщике.



*Результаты исследования.* Образ веселого лесного обманщика, о котором упоминает Д. Ридман, восходит корнями, по мнению ведущего современного робингудоведа, профессора Кардиффского университета Стивена Найта (Stephen Knight), автора книги «Робин Гуд: мифическая биография» (2003), к шаловливому лесному духу Паку, носящему прозвище Робин Добрый малый (Robin Goodfellow) [Knight, 2003]. Данный образ более известен по комедии-фантазмагии В. Шекспира «Сон в летнюю ночь». Образ имел в качестве мифологического прототипа кельтского лесного бога, известного под именем «зеленого человека» (Green Man).

Образ Робина доброго малого во многом повлиял на английскую традицию майских игр» (May games), в которых неизменно участвовали Король и Королева мая в зеленой одежде и веселый монах с дубиной. Уже в XV в. Король мая получил имя Робин Гуда и обязательным элементом праздничного действия было состязание в стрельбе из лука. В английской провинции майские игры дожили до XIX столетия.

Что касается мифа о божественном короле, то еще в конце XIX в. комментатор английских и шотландских баллад, изданных в Бостоне, Ф.Д. Чайлд обратил внимание на тот факт, что слово hood в английском языке означает не только «капюшон», но и лес (wood). В Рождество, в Йоль, англосаксы, как и скандинавы, приносили жертвы своему верховному богу, чье имя на севере Англии произносилось как Ходен (Hooden). Ф.Д. Чайлд был склонен считать, что Бог с подобным именем «discovers a provincial form of *wooden* which connects the outlaw and the divinity»<sup>3</sup> [Child, 2005, p. XXXI].

В качестве жертвы чаще всего выступали кони как священные животные бога. Самого же бога чаще всего изображали с лицом, скрытым или широкополой шляпой, или капюшоном. И хотя его оружием были не стрелы, а копье, зато лук был основным оружием сына скандинавского бога Одина Хеда (слепого лучника), который, обманутый коварным Локи, застрелил своего брата, светлого бога растительности, божество любви и плодородия, Бальдра. Именно Бальдр, как известно по концепции Д.Д. Фрэзера, является классическим вариантом умирающего и воскресающего бога [Фрэзер, 2006].

В RoS сюжет об умирающем и воскресающем боге оказался тесно связанным с основным мифологическим образом сериала – образом Херна-охотника, наполовину бога, наполовину человека, жреца, который фактически возглавляет саксонское сопротивление власти норманнов в Англии.

Робин Гуд в сериале является «сыном Херна», которому тот вручает Серебряную стрелу, символ силы и власти. Мифологическим прототипом Херна в кельтской мифологии выступал бог Цернунн (Кернунн), бог леса и плодородия, чье изображение можно видеть на знаменитом Гундеструпском котле, серебряном ритуальном сосуде, изготовленном, скорее всего, в I в. до н.э. Британский мифолог и археолог М. Олдхаус-Грин, анализируя символику магического котла,

<sup>3</sup> Раскрывает местную форму слова «деревянный», которая связывает везаконника и божество.

способного воскрешать мертвых и пополнять запасы пищи, видела на семи пластинах котла отражение развернутого нарративного мифа, где вторая сцена «представляет рогатое божество как повелителя животных в сопровождении нескольких зверей, среди которых олень и второй рогатый змей» [Олдхаус-Грин, 2020, с. 33]. Божество сидит со скрещенными ногами в тунике без рукавов и с ветвистыми рогами на голове. На его шее – торк (шейное кольцо кельтов), в руках он держит змей, одна из которых, имеющая форму торка, символизирует принцип *ороборос*, принцип бессмертия. Это позволяет видеть в Цернунне бога умирающей и возрождающейся природы. Образ оленя не случаен, так как в кельтской иконографии наиболее распространенным миксантропическим образом является образ человекооленя. Сам же олень в кельтской мифологии почитался как «символ плодородия и жизненных сил, достоинства, быстроты и агрессивности <...> Рога оленя считались символическим отображением ветвей дерева, а деревья у кельтов почитались священными» [Кельтская мифология, 2002, с. 574]. С. Найт, говоря о генезисе бога, связывал его как с англосаксонской, так и с кельтской традицией, предшествующей англосаксонской: «a horned nature god from the mists of Anglo-Saxon myth (and Cernunnos, the Horned One, from Celtic myth before that)»<sup>4</sup> [Knight, 2003, p. 164].

Символика Кернунна двойственная. С одной стороны, как хозяин леса, он устанавливал соглашения между людьми-охотниками и животными, которые являлись жертвой охоты. В соответствии с этим соглашением бог давал людям возможность охотиться на животных для собственного пропитания, а животным гарантировал продолжение жизни после смерти через охотничью магию, когда в ходе ритуала животное возвращалось к жизни через магические церемонии, посвященные Рогатому Богу. Непосредственно в RoS мы не встречаем сюжета, связанного с возрождением к жизни животных. Однако в RoS встречаются сюжеты, связанные с возрождением к жизни людей. Например, в финальной серии первого сезона («Королевский шут») Херн возвращает к жизни убитую арбалетным болтом сэра Гая Гизборна леди Мэриан. В третьем сезоне сериала Херн возвращает к жизни фактически погибшего от заражения крови в результате ранения арбалетным болтом Роберта Хантингтона Робин Гуда № 2 (серия «Сын Херна»).

Известный американский мифолог Д. Кэмбелл в книге «Маски бога: изначальная мифология» (1968), характеризуя специфику охотничьей магии в контексте идеи вечного возвращения, писал о нерушимой основе, при помощи которой «магическим способом возвращается та же личность, которая может как ни в чем не бывало продолжить свой жизненный путь. Суть в том, что к жизни возвращается тот же самый человек, который погиб» [Кэмпбелл, 2019, с. 74]. Если спроецировать слова ученого на сюжет сериала, то это объясняет появление сразу же за смертью на холме Робина Локсли второго Робин Гуда, Роберта Хантингтона, сына графа Дэвида Хантингтона, который сразу же, как и первый Робин,

<sup>4</sup> Рогатый Бог из глубин англо-саксонского мифа (и ранее Кернунн, рогатый бог из кельтского мифа).

становится «человеком в капюшоне» и «сыном Херна». «Освобождение», то есть смерть первого Робина, приводит в лес второго Робина, который продолжает его дело. И хотя в реальности «смерть» героя Майкла Прейда произошла только потому, что актер прямо во время съемок подписал контракт на исполнение роли д'Артаньяна на Бродвее, с мифологической точки зрения «мгновенное» появление нового Робин Гуда в Шервуде оказалось оправданным.

Через весь сериал проходит идея защиты Херном права угнетенных саксов охотиться в королевских лесах, что было строго запрещено норманнским лесным законом и влекло за собой жестокое наказание провинившегося, включая повешение и отрубание правой руки, что мы и видим в фильме. В серии «Властелин леса» второго сезона центральным мифологическим сюжетом оказывается праздник Благословения – праздник плодородия, когда благословение Херна обеспечивает его детям-язычникам, верующим в него людям, богатый урожай. В этот праздник было строго запрещено проливать любую кровь, включая кровь животных. Поэтому в качестве жертвоприношения богу в фильме показан хлеб, основным же угощением жителей деревушки Уикем и шервудцев оказываются овощи и фрукты. Однако у бога существует и другая, грозная, ипостась. Его гнев неизменно направлен на тех, кто без нужды губит деревья, особенно священные деревья Бога. Именно такое поведение демонстрирует в фильме сэр Гай Гизборн, который вначале рубит священное дерево Херна, тем самым совершив классическое преступление греческого царя Эрисихтона, оскорбившего богиню Деметру, а затем направляет стрелу наемника де Нивеля в самого бога и ранит человеческую плоть его жреца. Вполне логическим с мифологической точки зрения наказанием за подобные преступления становится преследование молодого рыцаря, бросившегося вдогонку за Херном, роль которого играл в данном случае Робин Гуд, деревьями, зловещий шепот которых едва не сводит Гизборна с ума.

Прекрасная операторская работа в данной серии позволяет очень достоверно показать *неметон* – священную поляну в кельтской мифологии, где некогда друиды совершали жертвоприношения у подножия огромных деревьев-гигантов, которые являлись фитоморфной осью мира, объединяющей верхний и нижний космосы. Е.Б. Мирзоев в статье «Мотив жертвенного котла в кельтской и германской мифологии» со ссылкой на античных авторов, например на Страбона, высказывает гипотезу, что Гундеструпский котел мог быть связан с практикой человеческих жертвоприношений, точнее, жертвоприношений пленников, убиваемых специальными жрицами. Кровь пленников сливалась в сосуд, и по ней, а также по внутренностям жертв совершались гадания, цель которых заключалась в предсказании победы или поражения своему племени [Мирзоев, 2013]<sup>5</sup>.

Однако в силу возрастного ценза фильма кровавые жертвоприношения заменяются на растительное (хлебное) жертвоприношение Херну, который

<sup>5</sup> По мнению Н.С. Широковой, «на котелке из Гундеструпа изображена жертвенная смерть в сосуде, которую Бернские схолии связывают с Тевтатесом и примеры которой встречаются в ирландских сагах» [Широкова 2000, с. 284].

благословляет сервов-земледельцев, пляшущих вокруг дуба под дудочку Мача. Остается в живых и сэр Гай, которому удается вырваться из заколдованного леса и прибежать в аббатство Святой Марии.

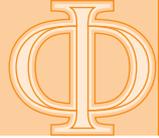
В сериале есть два магических артефакта, которые проходят через все три сезона фильма. Это Серебряная стрела и меч Альбион. Оба артефакта изначально принадлежат Херну и передаются им своим «сыновьям» для борьбы с норманнами. Так, Серебряная стрела становится символом саксонского сопротивления их власти. В кинопрологе сериала шериф Ноттингемский забирает ее у застреленного по его приказу арбалетчиками Эйлрика, отца Робина. Эйлрик был таном деревни Локсли и хранителем Серебряной стрелы, возглавив восстание против власти норманнов в 1180 г. по экранному времени.

Во второй части серии «Робин и колдун» (первый сезон) шериф Ноттингемский так говорит об этой стреле: *Стрела Херна <...> о ней писал монах Гильда более 5 столетий назад. Но она намного старше <...> Это символ. Английская реликвия. Волшебная* [Робин из Шервуда].

В самом известном произведении Гильда Премудрого (Gildas Sapiens), жившего в VI в., «О разорении Британии» («De excidio Britannicae») никакого упоминания о Серебряной стреле нет [Гильда, 2014], как нет и в его «Фрагментах утраченных посланий» [Там же].

В фильме Серебряной стрелой будет обладать Робин из Локси, получив ее в награду после турнира лучников. Для сравнения, в английской народной балладе «Робин Гуд и золотая стрела» («Robin Hood and the golden arrow») [Child, 2005], в которой речь идет о турнире лучников, в качестве приза выступает стрела, описываемая в балладе так: «So an arrow with a golden head And chaft of silverwhile» [Robin Hood..., 2005, p. 384], то есть речь идет о золотом наконечнике и серебряном древке. В сериале при помощи Серебряной стрелы Робин убивает крестоносца-чернокнижника барона Саймона де Беллема и освобождает леди Мэриан. Впоследствии, уже во втором сезоне сериала (серия «Колдовство»), ведьма Лилит при помощи Серебряной стрелы, похищенной у заколдованного при помощи гомеопатической магии Робина, вернет барона к жизни. После этого фактически через посредничество Робина происходит его поединок с Херном.

В словаре символов Х.-Э. Керлота стрела как оружие Аполлона и Дианы означает «свет верховной силы» и часто используется «для обозначения солнечных лучей» [Керлот, 1994, с. 497]. Археолог-востоковед Н.И. Веселовский подчеркивал, что в большинстве обрядов: родильных, свадебных, похоронных «стрела, как острый, колющий предмет... наводит страх на злого духа» [Веселовский, 1921, с. 288]. Исследователь выделял два вида стрел: властные и курьерские. Оба вида стрел присутствуют в сериале. Серебряная стрела, являясь символом саксонского сопротивления, давала магическую силу восстанию Эйлрика. Однако после сожжения деревни Локсли и уничтожения ее жителей сила стрелы ослабла, что заставила Эйлрика отправиться за магической поддержкой к камням девяти дев, представляющим собой один из самых ярких магических топосов сериала.



Но там его ждала засада шерифа, который, убив вожака восставших при помощи стрел из арбалета, символизирующих собой силу государства, забирает себе Серебряную стрелу. Сын Эйлика Робин, став новым вожаком восставших, возвращает себе Серебряную стрелу, победив на состязании лучников, то есть продемонстрировав свою мужественность. Впоследствии при помощи этой стрелы он убивает барона де Беллема, поклоняющегося власти Азраила, вонзив ему в сердце Серебряную стрелу, которая в данном случае выступает в роли идеального магического артефакта, защищающего мир от силы зла. С этого момента Серебряная стрела вместе с мечом Альбионом становятся своеобразной гарантией побед Робин Гуда и его друзей над норманнами графства Ноттингем, оттеснив на второй план классический сюжет о разбойнике в капюшоне, грабящего богатых, чтобы отдать награбленное бедным.

Образ «курьерской» стрелы появляется в финальной серии первого сезона «Королевский шут», где стрелу с предупреждением Робину не доверять королю Ричарду Львиное Сердце посылает сам Херн. Классический для культуры Северной Европы образ стрелы мы встречаем в эпизодах с так называемыми «стрелами памяти», горящими стрелами над озером, которые запускают шервудцы Робин Гуда в память о своих погибших друзьях. В данном случае стрела, пущенная в озеро, становится аналогом погребальных стрел викингов, которые должны были поджечь ладью с умершим воином, чтобы облегчить тому путь в Вальхаллу. Е.В. Айыжы пояснял: «полет стрелы в первую очередь символизирует собой жизненный путь или судьбу человека» [Айыжы, 2015, с. 5]. В этом случае горящая стрела, падающая в озеро, символизирует конец жизненного пути человека.

Еще одним важным магическим артефактом, проходящим через весь сериал, является меч Альбион, один из семи мечей Вейланда, история которых специально рассказывается в двух одноименных сериях второго сезона. Кузнец Вейланд (Велунд) встречается как в германо-скандинавских, так и англо-саксонских мифах. Исследователь Б. Бранстон в первой главе своей книги «Забытые боги Англии» под названием «Кости Велунда» приводит цитату о Велунде из перевода на древний английский язык сочинения Боэция «Утешение философией», который, по традиции эпохи Альфреда Великого, «представляет собой, по сути, вольный пересказ с многочисленными дополнениями и комментариями, которые должны были сделать текст понятным для подданных Альфреда, англосаксов IX в.» [Бранстон, 2014, с. 203]. Цитата звучит так: «Где ныне кости мудрого Велунда, золотых дел мастера, столь прославленного встарь? <...> Кто отыщет ныне кости Велунда мудрого, кому ведома могила, принявшая их?» [Цит. по: Бранстон, 2014, с. 8]. Правда, Б. Бранстон выражает уверенность, что данные вопросы можно отнести к риторическим, так как «кузнец Велунд никогда не был существом из плоти и крови, а являлся персонажем древней мифологии, которую христианская церковь всеми силами старалась искоренить» [Там же].

Британский Вейланд, упоминаемый в RoS, может отождествляться и со скандинавским Велундом, героем «Песни о Велунде» в «Старшей Эдде», где под-

робно рассказывается о его вражде со шведским конунгом Нидудом. Знаменитый меч Велунда Балмунг мог рассекать человека до бедра и был помещен богом Одинем в дерево с предсказанием, что тот, кто сможет его вытащить, будет побеждать во всех битвах, владея этим мечом. В конце концов меч достался герою Зигфриду, который воспользовался им для убийства дракона Фафнира. В некоторых вариантах мифа Велунду даже приписывалось создание знаменитого Эскалибура, меча короля Артура.

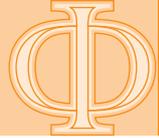
В «Словаре символов» Х.-Э. Керлота символика меча однозначно несет в себе идею защиты света от сил тьмы, что подтверждается его формой, напоминающей крест: «он обладает магической властью отражать силы тьмы» [Керлот, 1994, с. 321]. Для сравнения, Хрисаор (золотой меч) в греческой мифологии представляет собой символ высшего одухотворения.

В сериале фигурирует семь мечей, выкованных Вейландом. Это *Моракс*, *Солас*, *Ориас*, *Альбион*, *Элидор*, *Белет*, *Флаурос*. На каждом клинке были начертаны магические руны, которые нельзя произносить без нужды. Собранные вместе, мечи представляют огромную, но слепую силу. Зная об исключительной силе мечей, Вейланд разъединил мечи, и они оставались разлученными сотни лет. В RoS аббатиса Рейвенскара Моргвин, собрав мечи, пытается при их помощи вернуть власть Люцеферу.

Центральное место в сериале занимает Альбион – меч Робин Гуда. Он получает его от Херна-охотника уже в первой серии первого сезона со словами: *Это Альбион. Один из семи мечей Вейланда-кузнеца. Средоточие сил Света и Тьмы* [Робин из Шервуда]. Основным магическим качеством данного оружия является его неспособность наносить вред своему владельцу. И если в первых двух сезонах это качество меча не пригодилось Робину из Локсли, то Роберт Хантингтон пользуется этим качеством своего меча, по крайней мере, два раза: в поединке с Гаем Гизборном во «Власти Альбиона» и в поединке с валлийцем-язычником Гренделем в «Часе волка».

Если с *силой Света* все понятно изначально, то образ *силы Тьмы*, который может заключать в себе меч, дает себя знать во второй серии «Мечей Вейланда», когда завладевшей в отсутствие Робина мечом Моргвин удается при его помощи не просто ослепить его товарищей: Малютку Джона, Уилла Скарлетта, сарацина Назира и Мача, – но фактически превратить их в зомби, готовых убить и самого Робина, и леди Мэриан. Кстати, данный сюжет, возможно, повлиял на один из самых неудачных фильмов мировой робингудонианы «мистического» плана: «Робин Гуд: Призраки Шервудского леса» (2012) режиссера Оливера Кренкеля. В нем шервудцы под воздействием «зелья бессмертия», способного возвращать людей с того света, превращаются в жестоких и кровожадных зомби, действующих в традициях жанра хоррора.

Помимо Серебряной стрелы и меча Альбиона, практически в каждой серии фильма присутствуют свои мифологические артефакты и сюжеты, связанные со средневековой культурой.



Большое место в сериале занимает мифологема жертвоприношений. При этом зрителям показывают различные варианты жертвоприношений как свершившихся, так и не свершившихся. Классическим вариантом жертвоприношения можно назвать попытку жертвоприношения девственницы (леди Мэриан), которую пытаются принести в жертву Азраилу знаток «черной магии» барон Саймон де Беллем во второй части серии «Робин Гуд и колдун». Вторым вариантом неудавшегося жертвоприношения можно считать попытку аббатисы Рейвенскара Моргвин (серия «Мечи Вейланда» второй сезон), служащей Люциферу, принести в жертву шервудцев для возвращения в мир ее господина. В данном случае мы имеем дело с классическим вариантом жертвоприношения, о котором писал протоиерей профессор Т.И. Буткевич: «В основе культа кровавых жертвоприношений, бесспорно, лежало верование, что только пролитием крови и смертью невинного и чистого существа человек может угодить Богу и достигнуть своего примирения с Ним» [Буткевич, 2011, с. 2]. Правда, в обоих случаях речь идет не о христианском боге, а об его антиподах Азраиле, ангеле смерти в исламской и иудейской традиции, который в Талмуде отождествляется с Сатаной, и Люцифере, падшем ангеле, который также отождествлялся с Сатаной на основе аллегорического объяснения книги пророка Исаяи 14:12.

Если данные попытки жертвоприношений оказались неудачными, то этого нельзя сказать о жертвоприношении Кромм Круаху в одноименной серии третьего сезона.

П. Смит в книге «Уильям Батлер Йейтс<sup>6</sup> и племена Дану» доказывает, что среди древних ирландских богов Кромм Круах («согбенный, кровавый»), по свидетельству источников, например «Vita Tripartita», был известен лучше всех древнейших ирландских богов. Его золотой идол стоял на равнине Маг Слехт («Равнина Поклонения») и был окружен 12 младшими идолами [Смит, 2011]<sup>7</sup>. Данное местечко находится возле современного селения Баллимагавран в графстве Каван.

П. Смит обращал внимание на то, что под несомненным влиянием христианства в лейнстерской редакции «Старины мест» («Диннсенхус»), книги, которая упоминается в сериале, возникло представление о том, что Кромм Круаху приносили обильные человеческие жертвы. В «Старине мест» читаем: «Здесь возвышался Воинственного вида грозный идол, Носивший имя Кромм Круах; На всех соседей наводил он страх. Какая мерзость! Ему издревле поклонялись гэлы <...> Творя ужасные злодеяния И кровью обагрят Кромм Круаха. Пшеницу с молоком Они поспешно у него просили За треть потомства в жертву принесенного; Велик был страх и ужас перед ним» [Цит. по: Кельтская мифология, 2002, с. 44–45].

<sup>6</sup> Уильям Батлер Йейтс – один из лидеров «кельтского Возрождения» в Англии середины XVIII – начала XX в.

<sup>7</sup> Полное издание книги: Smith, Peter Alderson W.B. Yeats and the Tribes of Danu: Three views of Ireland's Fairies / P.A. Smith. Gerrards Cross, Bucks: Totowa, N.J.: Barnes & Noble, 1987. 350 p.

В «Житии Святого Патрика», состоящего из трех частей и представляющего собой компиляцию XV в., говорится, что, увидев Патрика, демон идола поспешно его оставил, в результате чего он наклонился. Отсюда произошло более позднее по времени название идола Кромм Круах, то есть наклонившийся с холма, в то время как раньше его имя звучало как Кенн Круах – Повелитель Холма.

П. Смит выражал вполне обоснованное сомнение в том, что «в сколько-нибудь обозримом прошлом человеческие жертвы в Ирландии приносились в таких масштабах, о которых говорит “Лейнстерская книга”. Если бы это было правдой, свидетельств об этом сохранилось бы не в пример больше» [Смит, 2011]. Исследователь полагал, что представление об обилии жертв, приносимых идолу, в лейнстерской редакции «Старины мест» возникло под влиянием христианства.

В RoS культ Кромм Круаха процветает не в Ирландии, а на территории Англии, хотя селение, названное в его честь, и основано выходцами из Ирландии. Кромм Круах сериала требует от поселенцев принести ему в жертву своих детей в обмен на богатство и процветание, мифологический «золотой век», который царит в этой местности.

Понятно, что в сериале, предназначенном для детско-юношеской аудитории, нельзя было акцентировать внимание на жертвоприношении детей, даже в виде воспоминаний, сопровождаемых ярким визуальным или акустическим рядом. Поэтому мотив жертвоприношения детей был «разбавлен» появлением водного чудовища в источнике селения, при помощи которого валлийский колдун Гулнар пытается уничтожить Робин Гуда и его товарищей, отомстив им за гибель своего бывшего хозяина лорда Клана.

В принципе намек на связь золотого идола Кром Круаха с водной стихией можно найти в работе Е. О’Туле отмечавшего, что ему был посвящен источник в окрестностях города Баллон (графство Карлоу) [O’Toole, 1933, p. 8]. Так или иначе, водного монстра побеждают при помощи святой воды, привезенной паломниками из храма Соломона в Иерусалиме в Торнтонское аббатство. Однако в серии есть еще один мифологический сюжет, плохо сочетающийся с образами как реального Кромм Круаха, так и водного монстра, источник которого охраняют стражи, напоминающие своей внешностью назгулов из «Властелина колец» Р.Р. Толкина. Этот сюжет связан с «зимним» праздником бога Сильвана, бога лесной чащи в мифологии римлян, с пожаром, уничтожившим деревню, и в огне которого гипотетически должны были погибнуть шервудские разбойники. Соединение в серии в принципе плохо сочетающихся мифологических линий и сюжетов делает данную серию одной из самых недостоверных и перегруженных в мифологическом плане.

Еще один персонаж, требующий жертвоприношений, появляется в двух финальных сериях третьего сезона под названием «Час волка». Это Фенрис (Фенрир), персонаж уже не кельтской, но германо-скандинавской мифологии, гигантский волк, являющийся сыном бога аса и одновременно трикстера Локи и великанши Ангброды. После начала Рагнарека, символизирующего собой торжество

эсхатологической мифологии, Фенрир освобождается от своих оков, убивает верховного бога Одина, но впоследствии будет убит сыном Одина Видаром. В «Часе волка» бывший друид Гулнар становится служителем Фенриса, образ которого в RoS олицетворяет огромный волчий череп, который «волки» Гулнара водружают на алтарь захваченного ими Гримстонского аббатства, предварительно убив монахов обители. Религия Фенриса («настал Час Волка») мыслится в сериале как неоязычество и выступает в качестве противовеса христианству, поэтому Гулнар предлагает всем попавшим в его руки, кроме христианских священнослужителей, присоединиться к этой новой религии.

Тех, кто отказывается это сделать, приносят в жертву Фенрису, как это должно было произойти и с Робин Гудом, и его друзьями. Однако после того как Робин Гуду в исполнении Джейсона Коннери удается с помощью чудесного меча Альбиона победить второго после Гулнара человека, Грендаля, тот совершает самоубийство-жертвоприношение, бросившись на Альбион и посвятив эту жертву Фенрису.

Единственным изначально незапланированным в сериале жертвоприношением можно назвать вполне христианское по духу жертвоприношение главного героя, Робин Гуда, в исполнении Майкла Прейда в финальной серии второго сезона «Смертельный враг». Его Робин Гуд, в соответствии с логикой Евангелия от Иоанна, положил свою душу за други своя, предварительно отпустив с холма, играющего роль верхнего космоса, самых близких ему людей, леди Мэриан и названного брата Мача.

Не обходится RoS и без образа Дикой Охоты, изображаемой по традициям Северо-Западной Европы в образе сонма злых духов, которые проносятся по небу в бурные ветреные ночи. Б. Бранстон связывал образ Дикого охотника прежде всего с древнеисландским Одином, древнесаксонским Воданом и древнеанглийским Воденом. Он писал: «Самого Водена считают божественным двойником немецкого Воде, “великана бури”, который ведет свое “дикое войско” (das wutende Heer), состоящее из бесприютных умерших, по небу. Подобное толкование подтверждается определением Адама Бременского, писавшего: “Воден, то есть ярость” (Wodan, id est furor). Кроме того, древнеанглийскому wodendream ставится в соответствие латинское furor animi, а в шведском das wutende Heer именуется Odens jagt, то есть “охота Одина”» [Бранстон, 2014, с. 98].

В валлийском «Мабиногионе» в качестве своры Повелителя Мертвых Араунда выступают «псы Аннуна», мира мертвых валлийских кельтов. Их отличительной особенностью является белоснежная шерсть и алые уши. Подобных призрачных псов на севере Британии называли «Бормочущими псами», на юге и юго-западе – Вересковыми гончими, на западе, в Уэльсе, – Псами Ада.

А. Платов в работе «Дикая охота королей Севера», частично опираясь на энциклопедию волшебных существ К. Биггс [Волшебные существа, 2005], называет три основных британских источника образов Дикой Охоты и Дикого Охотника [Платов, 2002].

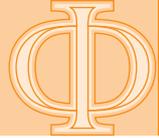
Во-первых, это история британского короля Херлы, которую приводит в своем труде «De Nugis Curialium» («О придворных пустяках») английский писатель XII в. Уолтер Мал. Мал полагал, что именно Херл, правивший приблизительно в 500-е гг. н.э., первый вошел в историю как предводитель Херлатинга (от лат. Herlethingus) – дикой охоты. У этого же писателя мы встречаем второй британский источник мифа о Дикой Охоте: историю лорда Эдрика Дикого (Silvaticus), одного из ярких представителей англосаксонского сопротивления норманнам Вильгельма Завоевателя. Наконец, в качестве третьего источника выступает предание о Херне-лесничем, упоминание о котором мы находим в «Веселых виндзорских кумушках» В. Шекспира.

В RoS мотив Дикой охоты появляется, по крайней мере, дважды. В первый раз в финальной серии второго сезона «Смертельный враг», когда безжалостное преследование шерифом и его людьми при помощи собак-ищеек (в фильме блэдхаунды) Робин Гуда и его людей заканчивается героической смертью предводителя разбойников на холме. Второй раз, уже в третьем сезоне сериала, на роль Дикого Охотника претендует лорд Оуэн Клан, валлийский союзник короля Иоанна Безземельного. Со своим валлийским отрядом он похищает леди Мэриан, желая сделать ее своей женой, но гибнет, когда Робин Гуд № 2 Роберт Хантингтон с товарищами освобождает ее.

В серии «Наследие» третьего сезона в сериале появляется артуровская тема, связанная с тайной Круглого стола, находящегося в Карлеоне, на реке Аск, в старом замке, хранителями которого являются старый лорд Агривейн и его дочь Айседора. Защитить замок от посягательств алчных «солдат удачи», некогда принимавших участие в Крестовом походе, должен Робин Гуд № 2 Роберт Хантингтон, о чем его специально предупреждает Херн: *Настал час испытаний. Приближается сила! Король, что правил прежде, и король, который грядет* [Робин из Шервуда]. Речь в данном случае идет о легендарном короле Артуре, на старую резиденцию которого неверный и алчный слуга лорда ведет шайку головорезов, думая, что *самым ценным, что вообще есть в Англии* [Робин из Шервуда], являются спрятанные в замке сокровища. На самом деле основным сокровищем является старый круглый стол, который пылится в одном из залов замка, семь веков принадлежащего роду Агривейнов, пока у последнего из них так и не родился сын, чтобы продолжить традицию и стать Хранителем Круглого стола.

В конце серии становится известно, что Карлеон – это Камелот, а род Агривейнов восходит к Агривейну, брату рыцаря Круглого стола сэра Гавейна, который, в свою очередь, является племянником короля Артура. Призрак короля Артура говорит в RoS: *Этот стол объединял нас. Это символ нашей прежней власти и символ власти грядущей!* [Робин из Шервуда].

С. Кокс и М. Оксбрау в своей книге «Король Артур и Святой Грааль: от А до Я» дают именно такое определение «Круглого стола», которое было предложено в сериале: «"Круглый стол" означает гораздо большее: не только двор Артура, но и грозное братство людей, объединенных общей целью» [Кокс, 2008, с. 139].



При этом сама символика Круглого стола имела важное значение для средневекового сознания, так как «отражала средневековое понимание равного статуса и стабильности» [Кокс, Оксбрау, 2008, с.142]. Однако в мифологеме Круглого стола был один важный аспект, хорошо известный уже в эпоху высокого Средневековья. Французский поэт и романист XII–XIII вв. Робер де Борон в 1215 г. в «Романе о Граале» («Иосиф Аримафейский») говорит о существовании сразу трех столов Грааля. За первым из столов совершалась Тайная вечеря, второй был сделан Иосифом Аримафейским, и на нем стоял Святой Грааль. Наконец, третьим, последним столом должен был стать стол короля Артура и его рыцарей. Но сколько бы мест не было за Круглым столом (У. Кокс и М. Оксбрау допускают даже существование стола, рассчитанного на 1600 рыцарей), одно место за столом всегда оставалось пустым.

Данное место, «Погибельное сиденье», было предназначено истинному рыцарю Грааля, и никто не имел права на него претендовать. Человеку, самовольно занявшему Погибельное сиденье, угрожала смертельная опасность, так как оно было предназначено лишь для сэра Галахада, рыцаря абсолютно чистого сердцем.

Мифологема Погибельного сиденья хорошо актуализирована в сериале, где само прикосновение к нему уничтожает оружие противника Роберта Хантингтона, заставляя последнего, как и его противника, понять, о каком истинном сокровище Англии идет речь.

Основным магическим артефактом серии «Дети Израиля» (второй сезон) является «Сефер йецира», или «Книга творения», – основной трактат еврейской мистики, созданный между II и VI вв. н.э. и представляющий собой комментарии к 1-й главе книги Бытия. В этом небольшом сочинении содержится учение о творении мира, времени и человека посредством букв еврейского алфавита и 10 мистических чисел-сфирот.

К. Бурмистров и М. Эндель в статье «“Сефер йецира”, или “Книга творения”» отмечают, что «На протяжении столетий “Сефер йецира” служила важнейшим и наиболее авторитетным источником, излагающим вопросы космогонии, буквенной мистики и магии (в частности, на ее тексте были основаны техники создания искусственного человека – голема)» [Бурмистров, Эндель]. Этим сюжетом создатели фильма воспользовались в серии «Час волка», где Гулнар создает голема, в точности повторяющего внешний облик Робин Гуда № 2. В конце XV в. трактат был переведен на латинский язык и приобрел широкую известность и популярность среди христианских мистиков и каббалистов эпохи Ренессанса. Первое издание книги было осуществлено в Мантуе (Италия) в 1562 г.

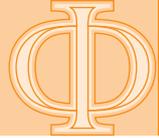
С древних времен «Сефер йецире» приписывалась огромная магическая сила, что и показано в сериале. В серии «Дети Израиля» алчный шериф Ноттингема, не желая отдавать долг, взятый у еврея-ростовщика де Тальма, устраивает еврейский погром в Ноттингеме с целью уничтожить своего кредитора. Однако спасение неожиданно приходит к семье де Тальма в лице помощника шерифа сэра Гая Гизборна, влюбившегося в красавицу Сарру, дочь де Тальма. В финале серии

пытающийся задержать беглецов шериф Ноттингемский, открыв книгу, испытывает настоящий ужас, восклицая: *Мертвые восстают из могил! Они тащат меня в трясины! Я не могу дышать! Я задыхаюсь!* [Робин из Шервуда]. На вопрос наивного Мача, что же такое увидел в книге шериф, что сделало его безумным, де Тальма отвечает: *Свои собственные пороки (злобу)* [Робин из Шервуда].

Еще один востребованный в RoS мифологический образ – «кольцо девяти дев», в котором в первой серии первого сезона гибнет отец первого Робин Гуда Эйрик, хранитель Серебряной стрелы. В финале первого сезона (серия «Королевский шут») именно здесь Херн возвращает к жизни смертельно раненную леди Мэриан, а в последних сериях третьего сезона («Час волка») происходит финальная схватка Роберта Хантингтона со своим двойником-големом.

Образам «девяти дев» в кельтской мифологии соответствовали образы девяти девушек-жриц богини Бригитты. Их могли символизировать девять камней, что мы и видим в фильме. Девушки обладали способностью к оборотничеству, могли превращаться в различных животных. Кроме того, они могли вызывать сильный ветер, бурю и предсказывать будущее. Что касается самой богини Бригитты, то в мифологии ирландских кельтов ее имя означает «возвышенная» и она «чаще всего ассоциировалась с целительством, плодородием, ремеслами, поэзией и учением» [Кельтская мифология, 2004, с. 478]. Кроме того, Бригитта была связана со стихией огня, домашним очагом. Можно предположить, что первоначально в кругу девяти дев-камней горел священный огонь. Это делало данный топос особенно сакральным.

В контексте мифологического дискурса сериала кольцо девяти дев символизирует собой идею «вечного возвращения», циклической темпоральной модели, поддерживаемой и другими образами фильма. Например, валлийской богини Черной Луны Арианрод. Во второй серии «Сына Херна» Гулнар, личный астролог лорда Клана, собирается выдать Мэриан замуж за него именно в праздник богини Арианрод, которая олицетворяла собой идею плодородия, судьбы и реинкарнации. Само ее имя в переводе означает «серебряное колесо», которое иногда изображалось в виде колесного корабля, на котором человеческие души отправлялись в свой звездный дом. Данное колесо было известно под названием «Гребное колесо», то есть колесо корабля, перевозившего в Эманию (Лунное царство) погибших воинов. По одной из версий календарного фитоморфного мифа, во время Зимнего Солнцестояния (Йоля) побеждает Дубовый Король, а во время Летнего Солнцестояния верх берет Остролист. Победенные короли удаляются на шесть месяцев в «Замок Арианрод», вечно вращающегося Серебряного Колеса, где ждут своего часа и набираются мудрости перед новым Рождением. Поединок между Дубовым Королем и Остролистом в сериале нет, зато в серии «Наследие» (третий сезон) показаны «языческие игрища», сопровождающие праздник Летнего Солнцестояния (Иванов день). Разбойники перетягивают канат, сопровождая этот процесс комментариями: *Зима против Лета, Добро против Зла* [Робин из Шервуда].



*Выводы.* Почему сериал «Робин из Шервуда», пришедший к нам из уже далеких 1980-х гг., до сих пор остается не только эталонным фильмом международной робингудонианы, хотя по факту перед нами кинотекст, ориентированный на детско-юношескую аудиторию, который можно смотреть по современной строгой возрастной классификации с 12+? Можно назвать несколько причин.

Во-первых, мифологический дискурс присутствует в сериале не как ряд «включений», но пронизывает его на всех уровнях поэтики, создавая неповторимый культурно-мифологический фон сериала. Помимо мифологических сюжетов и образов, рассмотренных в статье, мы встречаем в 26 сериях десятки элементов этого фона. Это и присутствие в фильме гомеопатической магии, в основном связанной с бароном де Беллем и его служительницами, и символика пентаграммы и мандрагоры, и видения грядущего через напиток Херна, позволяющие Робину видеть будущее, и карты Таро. Последнее, кстати, представляет собой анахронизм, так как на рубеже XII–XIII вв., когда хронологически происходит действие фильма, их еще не существовало. В первых двух сезонах в фильме неизменно показано «зеленое» время года, период от мая до сентября, своеобразный аналог разбойничьего «золотого века». И только с гибелью Робина из Локсли в третьем сезоне нам начинают показывать и другие времена года, включая зиму.

Во-вторых, благодаря доминирующей в сериале бинарной оппозиции света и тьмы, добра и зла позитивные (свет) и негативные (мрак) начала не просто разведены, но уравновешены в душе главного героя, сына Херна, который снова и снова начинает свою борьбу со Злом во всех его проявлениях. Кстати, в фильме это зло персонифицировано не столько в социальных противниках героя, например, том же шерифе Нотттингемском или тем более сэре Гае Гизборне, сколько в персонажах, не отягощенных властью, но представляющих собой зло в чистом виде. В сериале мы видим трех персонажей, претендующих на статус «злодея».

Это барон Саймон де Беллем, рыцарь-крестоносец, поклоняющийся Азраилу и призывающего его *Именем Гермеса, трижды великого, щитом Соломона и Властью повелителей Тьмы* [Робин из Шервуда]; аббатиса Рейвенскара Моргвин, поставившая своей целью освободить и вернуть в мир Люцифера; валлийский колдун Гулнар, ставший воплощением разрушительной языческой религии Фенриса. Все эти герои гибнут в сериале, при этом Моргвин и Гулнар оказываются уничтоженными теми силами зла, которые они сами вызвали в этот мир. Данный аспект придает фильму тот космический оптимизм, который является отличительной чертой фильмов, ориентированных на подростковую аудиторию. Уже упоминавшийся С. Найт охарактеризовал это как «средневековый магический реализм» [Knight, 2003], подразумевающий, что герои одерживают победу благодаря своим выдающимся качествам и с помощью магических сил.

В-третьих, привлекательной оказалась сама тема, благородного разбойника, удивительным образом совпавшая с бунтарскими настроениями «ревуших» 1980-х гг. Хорошо сказал по этому поводу В.В. Эрлихман, определяя суть «разбойничества», которое «большинству людей видится не в насильственном

присвоении чужого добра, а в свободе, одинаково недоступной и притягательной для богатых и бедных, королей и слуг» [Эрлихман, 2012, с. 244]. С. Найт же утверждал, что активизация мифа о Робин Гуде именно в 1980-е гг., как и раньше между двумя мировыми войнами (эпоха актера Эррола Флинна, игравшего роль Робин Гуда), отнюдь не была случайной, так как это было временем, когда правительство усиливало свои репрессии. Как следствие, «Robin Hood stories of 1980s, including the films of 1991, are aware of the political character of the Reagan-Thatcher years and respond to it with vigor»<sup>8</sup> [Knight, 2003, p. 207].

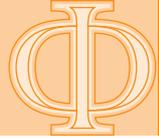
Традиция, начатая RoS, была продолжена и последующими фильмами о Робин Гуде, каждый из которых по-своему трансформировал в кинотексте базовую проблематику своего времени. Так, в фильме «Робин Гуд» (2010) Ридли Скотта главный герой выступает в роли самозванца поневоле, честного человека, волей случая превратившегося в борца за свободу английской нации, убежденного демократа, отстаивающего права своего народа на Хартию вольности. При этом сам по себе вольный разбойничий дух Шервудского леса остался в фильме практически за кадром. В фильме «Робин Гуд: начало» (2018) Шервудского леса нет вообще, а история ветерана Крестовых походов, вступившего в конфликт с властями, дается максимально современно, практически в городском антураже XXI в., что находит отражение как в одежде персонажей, так и в сценах погонь, напоминающих штампы кино про бандитов. По замыслу режиссера Отто Бархеста, это должно было убедить зрителей, что Робин Гуд – наш современник, а произошедшее с ним могло случиться с любым американским ветераном боевых действий, возвратившимся домой и столкнувшимся с произволом властей.

На фоне этих новых фильмов «Робин из Шервуда», с его мифопоэтикой мистическим антуражем, остается великолепным памятником своей эпохи.

### Библиографический список

1. Айыжы Е.В. Исторический анализ по изучению культов, связанных с охранительной магией семьи и семейного благополучия у тувинцев // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов: матер. XII Междунар. науч. конф., г. Ховд, Монголия, 18–21 сентября 2015 г. Ховд; Томск: Издательский Дом Том. гос. ун-та, 2015. Т. II: Гуманитарные и социальные науки. С. 3–6.
2. Бранстон Б. Забытые боги Англии / пер. с англ. З.Ю. Метлицкой. М.: Новый Акрополь, 2014. 224 с.
3. Бурмистров К., Эндель М. «Сефир йецира» в еврейской и христианской традиции // URL <https://thelema.ru/library/kabbala/288-sefer-iecira-v-evreiskoi-i-hristianskoi-tradicii/> (дата обращения: 11.08.2022).
4. Буткевич Т.И. Жертвоприношения. С комментариями Валуиса Эгле. Impositum. Grizinkalns, 2011. 67 с.
5. Веселовский Н.И. Роль стрелы в обрядах и ее символическое значение // Записки Восточного отделения Русского археологического общества. Т. XXV, вып. 1–4. Пг., 1921. С. 273–292.

<sup>8</sup> Истории о Робин Гуде, включая фильмы 1991, отражают политический характер лет правления Рейгана – Тэтчер и являются сильным ответом на это.



6. Волшебные существа: Энциклопедия. СПб.: Азбука-классика, 2005. 432 с.
7. Гильда Премудрый. О гибели Британии. Фрагменты посланий. Жития Гильды / пер., вступ. ст. и примеч. Н.Ю. Чехонадской; отв. ред. И.С. Филиппов, С.Е. Федоров. СПб.: Алетейя, 2014. 464 с.
8. Кельтская мифология: Энциклопедия / пер. с англ. С. Головой и А. Голова. М.: ЭКСМО, 2002. 638 с.
9. Керлот Х.-Э. Словарь символов. М.: REFL-book, 1994. 608 с.
10. Кокс С., Оксбрау М. Король Артур и Святой Грааль от А до Я / пер. с англ. И.В. Лобанова. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. 286 с.
11. Кэмпбелл Д. Маски Бога. Изначальная мифология. М.: Кастелия, 2019. Т. 1, ч. 2. 272 с.
12. Мирзоев Е.Б. Мотив жертвенного котла в кельтской и германской мифологии // Общество, государство, право: интернет-журнал. 2013. № 4 (10). URL: <http://gosuprav.ru/issue-4-10-2013.html> (дата обращения: 11.08.2022).
13. Олдхаус-Грин М. Кельтская мифология. От короля Артура и Дейрдре до фейри и друидов. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2020. 240 с.
14. Платов А. Дикая охота королей Севера // Мифы и магия индоевропейцев. М.: София, Гелиос, 2002. Вып. 11. С. 7–29.
15. Робин из Шервуда. 1, 2 и 3 сезоны. URL: <https://lordserials.net/zarubezhnye/390-robin-iz-shervuda-1984.html> (дата обращения: 11.08.2022).
16. Смит П. У.Б. Йейтс и Племена Дану / пер. А. Бейз. 2011. URL: <https://annablaze.livejournal.com/222410.html> (дата обращения: 11.08.2022).
17. Фрэзер Д.Д. Золотая ветвь: исследование магии и религии. М.: Эксмо, 2006. 958 с.
18. Широкова Н.С. Культура кельтов и нордическая традиция античности. СПб.: Евразия, 2000. 349 с.
19. Эрлихман В.В. Робин Гуд. М.: Молодая гвардия, 2012. 256 с.
20. Child F.J. Robin Hood. Introduction // The English and Scottish Ballads / Ed. Francis James Child: Vol. 1–8. Michigan: University of Michigan Library, 2005. Vol. 5: Ann Arbor. P. VII–XXXVI.
21. Knight S.T. Robin Hood: a mythic biography. Ithaca and London: Cornell University Press, 2003. 247 p.
22. O'Toole E. The Holy Wells of County Carlow // Béaloideas. 1933. 4. P. 8.
23. Reedman J.P. Nothing's Forgotten. Nothing is ever forgotten. 35 years in the forest. 29 April 2019. URL: [https://maryanneyarde.blogspot.com/2019/04/nothings-forgotten-nothing-is-ever\\_29.html](https://maryanneyarde.blogspot.com/2019/04/nothings-forgotten-nothing-is-ever_29.html) (дата обращения: 11.08.2022).
24. Robin Hood and the golden arrow // The English and Scottish Ballads / Ed. Francis James Child: Vol. 1–8. Michigan: University of Michigan Library, 2005. Vol. 5: Ann Arbor. P. 383–388.
25. Smith P.A. W.B. Yeats and the Tribes of Danu: Three views of Ireland's Fairies. Gerrards Cross, Bucks: Colin Smythe; Totowa, N.J.: Barnes & Noble Books, 1987. 350 p.
26. The English and Scottish Ballads. Ed. Francis James Child: Vol. 1–8. Michigan: University of Michigan Library, 2005. Vol. 5: Ann Arbor. 448 p.
27. Thomas L.C. Robin of Sherwood: TV's Best Interpretation of the Robin Hood Legend // «Feature» August. 2017. 20. URL: <https://www.denofgeek.com/tv/robin-of-sherwood-tvs-best-interpretation-of-the-robin-hood-legend/> (дата обращения: 11.08.2022).

### Сведения об авторе

Приказчикова Елена Евгеньевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург); ORCID: 0000-0001-9018-6213; e-mail: [miegata-logos@yandex.ru](mailto:miegata-logos@yandex.ru)

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2022-20-3-127>

## MYTHOLOGICAL DISCOURSE OF THE ENGLISH SERIES “ROBIN FROM SHERWOOD” (1984–1986)

**E.E. Prikazchikova (Yekaterinburg, Russia)**

### Abstract

*Statement of the problem.* The article deals with the main mythological projections of the English series *Robin of Sherwood*, a cult mystical film of the 1980s dedicated to the legendary English robber Robin Hood.

*The purpose of the article* is to holistically analyze the main mythological images and plots that are recreated over the course of three seasons of the series and form its ideological and compositional basis.

*The research methodology* is determined by the traditions of mythopoetic analysis based on the studies of famous Western European mythologists (M. Oldhouse-Green, S. Knight, D. Campbell, B. Branston, P. Smith, S. Cox).

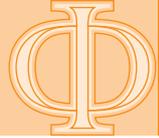
*As a result of the study*, an interpretation is given to the images of Robin Hood and Herne the hunter, mythologems of human sacrifice, including the image of Kromm Cruach, the Wild Hunt. It is proved that the magical artifacts of the series are the Silver Arrow, the Albion sword, King Arthur's Round Table, *Sefer Yetzirah (Book of Creation)*, the main treatise of Jewish mysticism of the 2-6<sup>th</sup> centuries n. e., the “ring of nine maidens”, the genesis of which is associated with mythological ideas about the Celtic goddess Brigid and the Welsh goddess Arianrhod.

*The conclusions* substantiate the reasons that made this series cult for the era of the 1980s. It is noted that many screen versions of the story of the English noble robber in the 21<sup>st</sup> century are directorial responses to the demands of their time.

**Keywords:** *Robin Hood, English series Robin of Sherwood, mythological discourse, Silver Arrow, sword of Albion, Wild Hunt, Round Table, Sefer Yetzirah, ring of nine maidens.*

### References

1. Ayyzhy Ye.V. Historical analysis of the study of cults associated with the protective magic of the family and family well-being among Tuvans // Historical analysis of the study of cults associated with the protective magic of the family and family well-being among Tuvans. Khovd; Tomsk, 2015. P. 3–6.
2. Branston B. Forgotten Gods of England. Moscow: Novyy Akropol, 2014. 224 p.
3. Burmistrov K., Endel' M. “Sephira Yetzirah” in the Jewish and Christian Tradition. URL: <https://thelema.ru/library/kabbala/288-sefer-iecira-v-evreiskoi-i-hristianskoi-tradicii/> (access date: 11.08.2022).
4. Butkevich T.I. Sacrifices. With commentary by Waluis Egle. Im-positum. Grizinkalns, 2011. 67 p.
5. Child F.J. Robin Hood. Introduction // The English and Scottish Ballads. Ed. Francis James Child: Vol. 1–8. Michigan: University of Michigan Library, 2005. Vol. 5: Ann Arbor. P. VII–XXXVI.
6. Erlikhman V.V. Robin Hood. Moscow: Molodaya gvardiya, 2012. 256 p.
7. Frezer D.D. The Golden Bough: A Study in Magic and Religion. Moscow: Eksmo, 2006. 958 p.
8. Lives of Gilda. About the death of Britain. Fragments of messages / Ed. By I.S. Filippov, S.Ye. Fedorov. St. Petersburg: Aletyya, 2014. 464 p.
9. Celtic Mythology: Encyclopedia. Moscow: EKSMO, 2002. 638 p.
10. Kerlot Kh.-E. Dictionary of symbols. Moscow: REFL-book, 1994. 608 p.



11. Knight S.T. Robin Hood: a mythic biography. Ithaca and London: Cornell University Press, 2003. 247 p.
12. Kempbell D. Masks of God. Primal Mythology. Moscow: Kasteliya, 2019. Vol. 1, part. 2. 272 p.
13. Koks S., Oksbrau M. King Arthur and the Holy Grail from A to Z. Moscow: AST: AST MOSKVA, 2008. 286 p.
14. Mirzoyev Ye.B. Sacrificial Cauldron Motif in Celtic and German Mythology // Society, State, Law Internet Journal. 2013. No. 4 (10). URL: <http://gosuprav.ru/issue-4-10-2013.html> (access date: 11.08.2022).
15. O'Toole E. The Holy Wells of County Carlow // Béaloideas. 1933. 4. P. 8.
16. Oldkhaus-Grin M. Celtic mythology. From King Arthur and Deirdre to faeries and druids. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber, 2020. 240 p.
17. Platov A. Wild Hunt of the Kings of the North // Myths and Magic of the Indo-Europeans. Moscow: Sofiya, Gelios, 2002. Is. 11. P. 7–29.
18. Reedman J.P. Nothing's Forgotten. Nothing is ever forgotten. 35 years in the forest. 29 April 2019. URL: [https://maryanneyarde.blogspot.com/2019/04/nothings-forgotten-nothing-is-ever\\_29.html](https://maryanneyarde.blogspot.com/2019/04/nothings-forgotten-nothing-is-ever_29.html) (access date: 11.08.2022).
19. Robin from Sherwood. 1, 2 and 3 seasons. URL: <https://lordserials.net/zarubezhnye/390-robin-iz-shervuda-1984.html> (access date: 11.08.2022).
20. Robin Hood and the golden arrow // The English and Scottish Ballads. Ed. Francis James Child: Vol. 1–8. Michigan: University of Michigan Library, 2005. Vol. 5: Ann Arbor. P. 383–388.
21. Shirokova N.S. The culture of the Celts and the Nordic tradition of antiquity. St. Petersburg: Yevraziya, 2000. 349 p.
22. Smit P. Yeats and the Tribes of Danu. 2011. URL: <https://annablaze.livejournal.com/222410.html> (access date: 11.08.2022).
23. Smith P.A. W.B. Yeats and the Tribes of Danu: Three views of Ireland's Fairies / P.A. Smith. Gerrards Cross, Bucks: Colin Smythe; Totowa, N.J.: Barnes & Noble Books, 1987. 350 p.
24. The English and Scottish Ballads. Ed. Francis James Child: Vol. 1–8. Michigan: University of Michigan Library, 2005. Vol. 5: Ann Arbor. 448 p.
25. Thomas L.C. Robin of Sherwood: TV's Best Interpretation of the Robin Hood Legend // "Feature" August. 2017. 20. URL: <https://www.denofgeek.com/tv/robin-of-sherwood-tvs-best-interpretation-of-the-robin-hood-legend/> (access date: 11.08.2022).
26. Veselovskiy N.I. The role of the arrow in rituals and its symbolic meaning // Notes of the Eastern Branch of the Russian Archaeological Society. Vol. XXV, is. 1–4. Petrograd, 1921. P. 273–292.
27. Magical Creatures: An Encyclopedia. St. Petersburg: Azbuka-klassika, 2005. 432 p.

### About the author

Prikazchikova Elena Evgenyevna – DSc (Philology), Associate Professor, Professor, Department of Russian and Foreign Literature, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia); ORCID: 0000-0001-9018-6213; e-mail: [miegata-logos@yandex.ru](mailto:miegata-logos@yandex.ru)

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2022-20-3-128>

УДК 882

## ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО АНГЛОЯЗЫЧНОЙ АУДИТОРИИ С ТВОРЧЕСТВОМ НИКОЛАЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ГОГОЛЯ

Н.А. Грищенко (Красноярск, Россия)

Е.О. Ершова (Красноярск, Россия)

В.В. Корниенко (Красноярск, Россия)

М.А. Старшева (Красноярск, Россия)

### Аннотация

Статья является вкладом в исследование истории восприятия и понимания русской литературы англоязычным миром.

*Цель* исследования – представить факты, свидетельствующие о существовании увлеченности англоязычной аудитории творчеством Н.В. Гоголя до переводов Isabel F. Hargood, чья деятельность вызвала волну интереса к трудам русского писателя (до 1886 г.).

*Материалы и методы.* В статье анализируются печатные источники исследуемого периода: объемные статьи и небольшие заметки о России и русской литературе из англоязычных журналов, предисловия к первым переводам гоголевских произведений на английский язык, дневниковые записи британцев, посетивших Россию, учебные пособия по изучению русского языка для иностранцев – источники, которые содержат даже отрывочные сведения о восприятии русского писателя и его творчества в англоязычном мире.

*Результаты исследования.* Исследование показало, что и до переводов I.F. Hargood (официальное знакомство англоязычной аудитории с Гоголем) присутствовали некоторые как положительные, так и отрицательные упоминания о русском писателе и его творчестве в англоязычных изданиях. Англоязычная аудитория проявляла интерес к Гоголю как представителю современного русского искусства, национальному писателю, повествующему об обычаях и суевериях России, сатирику и мистика, обличителю коррупции власть имущих.

*Выводы.* Особый интерес представляет использование произведений Гоголя в учебных пособиях по русскому языку, которые применялись для усовершенствования навыков чтения, отработки произношения и грамматических структур, а также служили источником информации о культуре России и формировали образ страны и русского народа в сознании иностранных учащихся.

**Ключевые слова:** *творчество Н.В. Гоголя, первые переводы, англоязычный мир, англо-русские отношения, национальная литература.*

**П**остановка проблемы. Анализ читательской и переводческой рецепции гоголевских произведений является традиционной темой в гоголеведении. В частности, Е.Е. Дмитриева рассматривает связь Н.В. Гоголя с зарубежными авторами, культурами и стилями, останавливаясь на роли трех культурных пространств в его творчестве: Германии, Франции и Италии. Автор предпринимает попытки объяснить и проанализировать сосуществование и взаимодействие различных языков и стилей в поэтической системе Гоголя, их наложение

и взаимовытеснение, понимая под языками как национальные языки, так и языки различных видов искусств, вероисповеданий, национальных авторов и культур [Дмитриева, 2011].

Особое место в гоголеведении отводится исследованиям, посвященным поэме Гоголя «Мертвые души». В своей работе И.И. Вороненков отметил преобладание значимости содержательного, идейно-тематического, этнографического аспектов романа над сюжетной и художественно-образной системой произведения [Вороненков, 2004].

Феномен переводческой рецепции «Мертвых душ» в Англии и Америке являлся объектом диссертационного исследования О.В. Нестеренко [Нестеренко, 2010]. В рамках его научной работы проведен комплексный анализ всего корпуса англоязычных переводов «Мертвых душ», предисловий переводчиков поэмы и статей англоязычных исследователей. Результаты анализа поспособствовали выявлению характера переводческой рецепции вышеупомянутой поэмы и осмыслению гоголевского творчества в контексте англо-русских и американо-русских литературных связей.

В работе мы предлагаем рассмотреть факты, свидетельствующие о зарождающемся внимании англоязычной аудитории к творчеству Гоголя до переводов I.F. Hargood.

*Цель* исследования – представить факты, свидетельствующие о существовании увлеченности англоязычной аудитории творчеством Н.В. Гоголя до переводов Isabel F. Hargood, чья деятельность вызвала волну интереса к трудам русского писателя (до 1886 г.).

*Материалы и методы.* В статье анализируются печатные источники исследуемого периода: объемные статьи и небольшие заметки о России и русской литературе из англоязычных журналов, предисловия к первым переводам гоголевских произведений на английский язык, дневниковые записи британцев, посетивших Россию, учебные пособия по изучению русского языка для иностранцев – источники, которые содержат даже отрывочные сведения о восприятии русского писателя и его творчества в англоязычном мире.

*Результаты исследования.* Гоголь начал свой творческий путь (не считая его поэтического дебюта) в 1831 г. Лишь в 1886 г. печатный дом *Thomas Y. Crowell and Co.* опубликовал первые переводы его произведений на английский язык (I.F. Hargood), оформив в отдельные издания с указанием автора и переводчика. Позже многие пробовали себя на этом поприще (*S. Graham, E.W. Underwood, W.H. Cline, B.C. Baskerville, D.J. Hogarth, C. Garnett и др.*), однако, полагаем, что именно 1886 г. можно считать официальной датой знакомства англоязычного читателя с творчеством Гоголя. Нетрудные вычисления показывают, что путь гоголевских произведений от России до Великобритании занял более 50 лет. Тем не менее неверно утверждать, что в период 1831–1886 гг. имя русского писателя не упоминалось в англоязычном пространстве, а его работы совершенно

не были известны носителям английского языка. Во-первых, были те, кто изучал русский язык и читал русскую литературу в оригинале. Во-вторых, англоязычная аудитория имела возможность познакомиться с произведениями Гоголя на французском и немецком языках. Помимо этого, существовали переводы на английский язык некоторых из его произведений, но, к сожалению, они не послужили основанием для того, чтобы англоязычный мир обратил более пристальное внимание на творчество русского писателя до 1886 г. Это касалось не только трудов Гоголя. Со времен *J. Bowring*<sup>1</sup> не многое из русской литературы переводилось на английский язык. Информация о писателях России и их произведениях с трудом достигала англоязычных читателей. В источниках говорится лишь о трех периодических изданиях Великобритании, популяризирующих новинки русской литературы в середине XIX в.: *Westminster Review*, *Foreign Review*, *Foreign Quarterly* [Leeds, 1841, p. 38]. В этом не было ничего удивительного, так как торговые связи с Россией в тот период (в отношении книжных изданий, в частности) осложнялись политической ситуацией и географической удаленностью стран друг от друга.

В целом если говорить об осведомленности англоязычного мира о гоголевских трудах в период 1831–1886 гг., то нами были найдены сведения о существовании шести переводов произведений Гоголя, опубликованных до 1886 г.

1. Gogol N.V. Portrait: tr. by Th.B. Shaw (Blackwood's Edinburgh Magazine), *American Living Age*, 1847. P. 299–318.

2. Gogol N.V. A Russian Ghost Story: tr. by (anonymously), *Sharpe's London Magazine*, 1854. P. 353–360.

3. Home life in Russia, by a Russian Noble, revised by the editor of «Revelations of Siberia», in 2 Volumes. London, Hurst and Blackett, Publishers, Successors to Henry Colburn, 1854. 322 p.

4. Gogol N.V. The king of the gnomes: tr. by (anonymously) // Ghost stories and Phantom fancies, edited by H. Friswell. London: Richard Bentley, 1858. P. 127–178.

5. Gogol N.V. Cossack Tales: tr. by G. Tolstoy. London, Blackwood, 1860. 264 p.

6. Gogol N.V. The Night before Christmas: tr. by G. Tolstoy. London, Blackwood, 1860.

В статье нам бы хотелось не останавливаться лишь на переводах гоголевских произведений, а собрать воедино информацию о Гоголе, которая когда-либо достигала англоязычного читателя (1831–1886). С этой целью нами были проработаны статьи о России и русской литературе из англоязычных периодических изданий, предисловия и введения к переводам гоголевских трудов, дневниковые записи британцев, посетивших Россию, книги англоязычных авторов о русской литературе и учебные пособия по русскому языку для англоязычных учащихся, опубликованные в исследуемый период.

<sup>1</sup> *Sir John Bowring* (1792–1872) – переводчик-энтузиаст, который проявил наибольший интерес к русской культуре и русскому языку, возложив на себя миссию – открыть соотечественникам русскую поэзию.

Несмотря на то что самый ранний перевод датируется 1847 г., первые упоминания о русском писателе мы находим в англоязычных периодических изданиях, вышедших десятью годами ранее.

Иллюстрируя сказанное, можно обратиться к материалу о современном русском искусстве, опубликованном в журнале *The Foreign Quarterly Review* (1838). В статье «Present State of Art in Russia» говорилось о Гоголе как об одном из русских писателей, которые обладают талантом, отличающимся самобытностью и новизной [Present State of Art in Russia, 1838, vol. 20, p. 328–340].

Годом позже в этом же журнале напечатали заметку, посвященную архитектуре. За ее основу были взяты несколько произведений, одно из которых – сочинение эстетического содержания «Об архитектуре нынешнего» из сборника сочинений Гоголя «Арабески» [Architecture at home and abroad, 1839, vol. 24, p. 161–174]. Однако в этом же номере в фамильном указателе русского писателя ошибочно назвали *Иваном* Гоголем. Эта ошибка в дальнейшем перешла в некоторые другие периодические издания Великобритании и Америки.

В 1841 г. в *Westminster Review* появился довольно объемный отзыв о трудах Гоголя, который нельзя было назвать мотивирующим к дальнейшему изучению творчества русского писателя. Статья (Leeds, W.L. *Russian Literary Biography and C.*, *Westminster Review*, XXXVI (July, 1841): 35–57) предоставляла сведения о трудах писателей России, одним из которых был Гоголь. Автор статьи W. L. Leeds<sup>2</sup> выразил резкое суждение по отношению к сборнику повестей «Миргород». Он дал следующую нелицеприятную характеристику гоголевской работе: «Чтение, которое заставляет нас стонать от скуки. Мы переворачиваем страницу за страницей в надежде увидеть хоть что-нибудь: хоть случай, сцену, диалог» [Leeds, 1841, vol. 36, p. 42]<sup>3</sup>. Особого внимания, а точнее, резкой критики удостоилась гоголевская повесть «Старосветские помещики». Автор статьи настаивает на том, что эта повесть не что иное, как «простое, скучное перечисление событий, происходящих с глуповатыми людьми, что-то вроде четы Филемон и Бавкида» [Там же]<sup>4</sup>. Далее он дополняет и без того негативный отзыв следующим комментарием: «В этом произведении Гоголя нет ни структуры, ни красок, не видно ни мазка, ни *руки художника*, в то же время они лишены вразумительной границы, какого ни было наставления, морали» [Там же]<sup>5</sup>. Главных героев повести он сравнивает с отлаженными машинами для поглощения пищи, которые «не только сами невыносимо глупы, но и передали свою глупость рассказчику, представившему одну

<sup>2</sup> *William Henry Lees* (1786–1866) можно назвать значительной фигурой в сфере англо-русских отношений: в истории первоначального восприятия и понимания британцами не только русской литературы, но и искусства и архитектуры.

<sup>3</sup> «...made us groan more than once as we turned over page after page, in the hope of meeting with something like an incident, a scene, or a dialogue in it» (здесь и далее перевод Н.А. Грищенко).

<sup>4</sup> «...it is nothing more than a tedious, prosy account of a stupid, good-sort-of Philemon and Baucis couple».

<sup>5</sup> «In Gogol's piece there is neither outline nor coloring, neither touch nor penciling, while it is equally destitute of intelligibly scope, lesson, or moral of any kind».

из самых неуклюжих, топорных и скучнейших литературных попыток, когда-либо встречавшихся нам...» [Там же, с. 43]<sup>6</sup>. Затем, выдерживая градус критики, Leeds подчеркивает, что «все написано без удовольствия, юмора, сатирической пронизательности, без силы» [Там же, с. 43]<sup>7</sup>. Более спокойно, хотя и не особенно похвально, звучат его слова о сборнике «Арабески». По его мнению, сочинения отличаются неестественной, неприятной, чрезмерной фантазией. В целом отзыв сводится к тому, что даже если гоголевские произведения в данный момент интересны читателям, вскоре этот интерес иссякнет, так как: «пристрастие к плохому вкусу не может длиться долгое время» [Там же, с. 44]<sup>8</sup>. К сказанному он добавляет, что не следует допускать такой грубой ошибки, как суждение об интеллектуальных способностях представителей образованной элиты страны только по тому, что популярно в этой стране в настоящее время. Говоря это, Leeds уточняет, что он имеет в виду именно современную увлеченность произведениями «Гоголя и тому подобных [...], которые вдруг выбились в знаменитости, создавая низкопробные работы, удовлетворяющие плохой вкус, и чья мнимая сила не больше чем беспомощность истерического припадка, чья веселость сродни пляски святого Витта» и т.д. [Там же, с. 47]<sup>9</sup>.

Трудно представить, что при такой первоначальной антирекламе, пусть даже и через несколько лет, все же начнется интенсивная работа по переводу произведений Гоголя на английский язык, англоязычный читатель проявит к его работам значительный интерес, и Гоголь будет удостоен звания:

«отца современного русского реализма» [Hargood, 1896, vol. 16, p. 6455];

«...лучшего литературного таланта России, стоящего в одном ряду с Пушкиным и Белинским» [Selfzer, 1916, p. 10];

«великого русского писателя мирового масштаба» [Goldman, 1926, p. 268–269].

Позднее англоязычные литературные критики скажут, что, хотя Leeds был летописцем, посвятившим себя современной русской литературе, без сомнения, у него были свои *белые пятна* в этой области, одно из которых – понимание (скорее непонимание) работ Гоголя [Cross, 2012 b, p. 53–68].

Следующее упоминание о Гоголе мы находим в статье «Tables of Foreign Literature» (*Foreign Quarterly Review, Vol. XXX (October, 1842, January, 1843). American Edition, New York, by Joseph Mason, 1843. 128–134 p.*). Эта работа представляет определенный интерес, поскольку дает информацию о том, какими знаниями о русской литературе в целом обладало английское общество на тот момент. Факты представлены в виде таблицы: ФИО авторов, год рождения, год смерти,

<sup>6</sup> «...they are not only intolerably stupid themselves, but seem to have communicated their own dullness to their historian, who has given us about one of the clumsiest and most wearisome attempts of the kind we have ever encountered in the language».

<sup>7</sup> «...is without pleasantry, or humour, or satiric shrewdness, or force of any kind».

<sup>8</sup> «sickly taste cannot possibly be of any long duration».

<sup>9</sup> «Gogol and Co., [...] who dive down to celebrity, by writing down to the level of lowest capacity and the lowest taste, and whose seeming strength is no better than feebleness in hysterics – whose liveliness is that of St. Vitus's dance».

созданные ими произведения и в некоторых случаях отзывы об их работах. Между тем о Гоголе написано крайне мало. Он ошибочно (уже не в первый раз) назван *Иваном*, сведения о месте и времени рождения отсутствуют, в разделе «произведения» указано: «Арабески» и т.д., при этом не предлагается никаких отзывов о его работах [Tables of Foreign Literature, 1843, vol. 30, p. 128–134]. Об авторстве данной статьи судить достаточно сложно, так как в первой половине XIX в. публикация работ в периодических изданиях без указания имени автора считалась нормой. А. Cross в статье «William Henry Leeds and Early British Responses to Russian Literature» приписывает авторство именно Leeds [Cross, 2012 b, p. 53–68]. Нам не удалось найти ни подтверждения, ни опровержения этой теории. Однако известно, что Leeds подписывал свои работы (“L”, “HL”). В данном же случае подпись отсутствует.

Размещение переводов произведений Гоголя в периодических изданиях Великобритании и Америки стало следующим этапом в распространении знаний о творчестве русского писателя в англоязычном пространстве.

В 1847 г. *Blackwood's Edinburgh Magazine* и *American Living Age* опубликовали первый перевод на английский язык повести Гоголя «Портрет». Автором-переводчиком являлся Thomas Budge Shaw (профессор английской литературы). Источники свидетельствуют о том, что он знал Россию и русский язык достаточно хорошо, много лет служил гувернером в русской семье, а затем занимал должность профессора английской литературы в Императорском Царскосельском лицее (1840–1862). Перевод гоголевской повести не был его единственной работой. Он написал две статьи о русской литературе и перевел несколько произведений русских писателей [Cross, 2012 a, p. 1–36].

Свидетельством определенного интереса к творчеству Гоголя в англоязычном мире является публикация перевода еще одного произведения – повести «Вий». В некоторых источниках сообщается о том, что первый вариант вышел в 1847 г. (к сожалению, он нами найден не был). Впрочем, нам удалось отыскать перевод от 1854 г., опубликованный в *Sharpe's London Magazine* в рубрике «*A Russian Ghost Story*» («*Русская история про приведение*»). Переводчик остался неизвестен, а в названии рассказа «Gnome-King» («*Король гномов*») с трудом угадывалась сама повесть. Краткое предисловие к переводу информировало читателей о том, что это произведение написано выдающимся русским писателем Гоголем и служит лучшей иллюстрацией поведения русских обывателей, обычаев и суеверий России [Gogol, 1854, p. 353–360]. Сам перевод можно охарактеризовать как достаточно вольный. В отдельных моментах читателям предлагается простой пересказ событий. Переводчик посчитал необходимым сохранить лишь основную линию сюжета. Вольность переводчика по отношению к оригиналу можно заметить уже в начале текста. Так, из трех бурсаков он оставил лишь двух: Хому Брута (*Thomas Brutus* – интерес представляет и перевод имени героя) и Тиберия Горобца (*Tiberius Gorobetz*). Не вызывает сомнения тот факт, что сохранение стиля и самобытности языка писателя не входило в задачи переводчика.

Необходимо отметить одно значительное преимущество вышеперечисленных переводов – при их публикации автор оригинала (Гоголь) все же был упомянут. В этом отношении весьма примечательна судьба гоголевской поэмы «Мертвые души». Как известно, слава данной поэмы распространилась далеко за пределы России. Так, в 1846 г. поэму перевели на немецкий язык, а в 1852 г. – на французский. Через два года и англоязычный читатель получил возможность познакомиться с гоголевским произведением на английском языке, однако необходимо заметить, что это знакомство случилось при довольно неприятных обстоятельствах [Modern Russian Literature, 1855, vol. 34, p. 451].

В 1854 г. англоязычной публике стало известно о существовании книги «Жизнь в России» (*Home life in Russia, by a Russian Noble, revised by the editor of «Revelations of Siberia», in 2 Volumes. London, Hurst and Blackett, Publishers, Successors to Henry Colburn, 1854*), которую позже охарактеризовали как злостную подделку шедевра Гоголя «Мертвые души». Это издание вряд ли могло бы способствовать популярности русского писателя в англоязычном мире, так как даже имя автора поэмы не было упомянуто. Дискуссия об авторстве этой книги продолжалась долгое время и освещалась в нескольких журналах Великобритании<sup>10</sup>.

Внимание заслуживает факт публикации еще одной заметки в журнале *Dublin University Magazine*. Эта статья (*Russian Literature, Dublin University Magazine, XLVI, A Literary and Political Journal (September, 1855), James, M. Glashan, WM. S. QRR and Company. London, 1855. 298–308 p.*) была посвящена наиболее талантливым представителям русской литературы, среди которых упоминалось имя Гоголя. Несмотря на довольно натянутые отношения России и Великобритании, в статье лишь вскользь затрагивалась политическая тема, но при этом говорилось о деспотизме, уничтожающем национальную литературу. Автор лестно отзывался о Гоголе как о художнике, описывающем обычаи людей своей страны и времени, который «остался непревзойден в этом и поражает глубиной своего таланта. Его работы, наполненные требующим размышления социальным содержанием, характеризуются самобытностью и всплесками юмора, такого же гениального, как юмор Свифта и Стерна. Его зарисовки различных аспектов русской жизни, оказавшихся в поле его зрения, поражают и ставят его в ряд выдающихся писателей, отличительными признаками которых являются смелость мысли и сила юмора...» [Russian Literature 1855, vol. 46, p. 298–299]<sup>11</sup>. Автор статьи предлагает кратко изложенную сюжетную линию произведений Гоголя. Даны некоторые факты из биографии писателя, хотя и в этой статье чувствуется отголосок

<sup>10</sup> Более подробная информация дана в статье: Грищенко Н.А., Ершова Е.О., Старшева М.А. Из истории знакомства англоязычной аудитории с поэмой Н.В. Гоголя «Мертвые Души» // Филология и человек. 2019. № 4. С. 83–96.

<sup>11</sup> «As a painter of the manners of his time he stands unrivalled. His writings, which have a grave, social meaning, are distinguished by great originality, and a vein of humour as genuine as that of Swift and Sterne. His portraits of the different phases of Russian life which have fallen within the sphere of his observation are very striking, and place him in the foremost rank of his piece, distinguished by singular boldness of thought and a power of comic humour...».

нестабильности англо-русских отношений того периода. Пребывание русского писателя в Риме автор статьи именуется ссылкой, настаивая на том, что творчество Гоголя было под запретом. При этом смерть писателя названа внезапной кончиной при невыясненных и мистических обстоятельствах [Там же].

Весьма примечательно, что в этой публикации мы находим одно из первых упоминаний о комедии «Ревизор» в англоязычном мире (в статье используется название «Controller»). Здесь же предложен перевод гоголевской повести «Старосветские помещики». Он значительно короче оригинала, название отсутствует. Вероятно, его можно считать первым вариантом перевода этого произведения, который так и не был опубликован в дальнейшем с указанием фамилий автора и переводчика.

Несмотря на тот факт, что во время Крымской войны англо-русские отношения претерпели значительное ухудшение, в целом данный период был ознаменован интересом англоязычного мира к России и русской литературе. Англоязычная аудитория стремилась более детально познакомиться с русской действительностью, обычаями, поведением, характером русского народа. Популярностью пользовались не только издания с фактическими, энциклопедическими сведениями, но и путевые заметки, дневниковые записи, мемуары, открывающие личное, авторское восприятие России. Как ответ на запрос времени в 1855 г. вышла книга «Английские женщины в России» (*The Englishwoman in Russia: Impressions of the Society and Manners of the Russians at home, by lady ten years resident in that country. London: John Murray, 1855*) Автор работы не был указан, однако можно предположить, что им являлась подданная Великобритании, служившая гувернанткой в семье русского аристократа. Среди прочих заинтересовавших ее реалий русской жизни она описала посещение театральной постановки гоголевской пьесы «Ревизор», которую оценила как «действительно национальное произведение, <...> полное комических диалогов» и лучшее из того, что ей довелось увидеть на русской сцене [The Englishwoman in Russia..., 1855, p. 89–96]. В книге представлено детальное описание пьесы, а также впечатления автора и ее знакомых от постановки. Она выражает свое неподдельное удивление тому, что цензура пропустила это произведение и оно было поставлено на сцене столичного театра. Впрочем, справедливости ради необходимо заметить, что в разделе «Общее» автор говорит о незрелости русской литературы из-за угнетающего ее царского деспотизма и приводит лишь три имени наиболее одаренных, по ее мнению, русских писателей: Пушкин, Карамзин и Крылов, не упоминая при этом Гоголя [Там же, с. 350]. В этой же работе автор высказывает свое мнение о русском языке, и хотя эта информация лишь косвенно соприкасается с объектом данного исследования, мы полагаем, что она будет небезынтересна, поскольку отражает восприятие русского языка иностранным поданным.

Русский язык – это один из богатейших и самых красивых языков в мире: он мягок и приятен в своем звучании, в нем нет изнеженной женоподобности итальянского, он содержит много слов, для высказывания одних и тех же идей.

Если когда-либо появятся славянский Милтон или Шекспир, они найдут неисчерпаемое сокровище в родном языке для выражения своих мыслей [The Englishwoman in Russia..., 1855, p. 350]<sup>12</sup>.

Спустя год были опубликованы дневниковые записи еще одной английской гувернантки (Charlotte Bourne), которая провела зиму в Москве в семье Долгоруких. В ее мемуарах дается краткое описание внешности Гоголя, а также отмечается его религиозность, граничащая с помешательством (записи от 13 января 1847 г.) [Russian Chit Chat, 1856, p. 95–96, 105]. Там же мы находим несколько строк о поэме «Мертвые Души», как об «искусно написанном произведении в стиле Диккенса» [Там же, с. 122]. Одно из воспоминаний касается ужина в семье Долгоруких, куда в качестве именитого гостя пригласили Гоголя. В записках говорится о его необщительности, ставшей впоследствии причиной того, что это был его первый и последний визит в этот дом [Там же, с. 239].

В 1858 г. вышла в свет книга «Ghost stories and Phantom fancies», включающая несколько рассказов о мистических явлениях (привидениях, ведьмах и т.д.). Одним из представленных рассказов был «Вий». Перевод, предложенный в книге, являлся переводом с французского языка неизвестного автора. В сборнике рассказ «Вий» фигурировал под названием «The King of the gnomes» («Король гномов»).

Рассказ предваряет статья редактора с пояснениями к произведению, некоторыми фактами из биографии Гоголя и других писателей, работавших в направлении мистического реализма. Автор отзывается о Гоголе как о гениальном «первом, если не единственном сатирическом писателе России и авторе нескольких мистических произведений, которые остались непревзойденными по мастерству другими писателями» [Friswell, 1858, p. 128]<sup>13</sup>. Здесь же упоминаются комедия «Ревизор» («Controller») и поэма о «русской жизни и тайнах русского бытия» (romance of Russian manners and mystery «Perished Souls») [Там же, с. 129]. Далее проводятся параллели в трагичности судеб и таинственных смертях четырех гениальных писателей, повествующих о сверхъестественном: M.G. Lewis, E. Poe, Hofman, Gogol. При чтении вводной статьи чувствуется некое нагнетание атмосферы. Этот эффект создается с помощью специфической лексики: смертоносный, смерть, самоубийство, траурный, бросающий в дрожь, судорожная дрожь и т.д. В довершение к начатому и скорее в доказательство своей идеи о фатальности судеб тех, кто тревожит темные силы в своих произведениях, автор напоминает о самоубийстве Гоголя.

В статье подчеркивается неосведомленность англоязычного читателя в отношении гоголевских произведений и объясняется это авторским языковым

<sup>12</sup> «The Russian language in one of the richest and most beautiful in the world: it is soft and agreeable in sound, and has not defect of the Italian in being too effeminate; it contains many words that express the same ideas. If ever a Slavonic Milton or Shakespeare arise, he will find an inexhaustible treasure in his native tongue wherewith to express his thoughts».

<sup>13</sup> «And lastly comes this sad life and death of Gogol, the first, if not the only, humorist of Russia, and author of certain phantom fancies not to be suppressed».

своеобразием, которое вызывает трудность при переводе. Редактор считает, что в его окружении нет ни одного человека, знающего русский язык настолько, чтобы достойно перевести труды русского писателя. В качестве наиболее подходящей кандидатуры для такой работы он определяет Mr. George Sala, но с оговоркой, что переводчик высказался об этой перспективе как о непосильной для него задаче [Там же].

В 1865 г. в Лондоне опубликовали книгу о России «The progress of science, art and literature in Russia», где одним из направлений, исследуемых автором, являлась русская литература. Повествуя о плеяде талантливых русских писателей, в работах которых искусным образом используется юмор и сатира, автор упоминает и Гоголя, именуя его не иначе как «обличителем коррупции, писателем, который посвятил свою жизнь и свой талант разоблачению злоупотреблений власть имущих и неэффективного управления страной» [Grahame, 1865, p. 480]<sup>14</sup>. В качестве яркого примера использования сатиры с целью осуждения людских пороков автор приводит комедию «Ревизор» как самое значимое и популярное, по его мнению, произведение Гоголя, затем поэму «Мертвые души», а также повести и рассказы из сборника «Вечера на хуторе близ Диканьки». Гоголь, как считает автор, кардинальным образом отличается от всех других русских писателей «своей способностью к анализу и творческой силой – сочетание, довольно редко встречающееся в одном человеке. Его стиль изложения самобытен: за отрывками, наполненными едкой сатирой, следуют внезапные всплески нежности и доброты с импульсивностью и особым характером, свойственным славянам» [Там же]<sup>15</sup>.

Автор-составитель не ограничивается лишь размышлениями о гоголевском таланте. Именно поэтому в конце книги для ознакомления англоязычной аудитории с творчеством русского писателя предложен отрывок из повести «Портрет» в переводе на английский язык T. Shawe.

В 1868 г. вышла статья, полностью посвященная творчеству Гоголя. Автором ее был Ch. E. Turner (1832–1903), преподаватель английского языка в университете Санкт-Петербурга, а также пропагандист русской литературы, читающий лекции в *Taylor Institution, Oxford and Royal Institution*.

В статье Turner предлагает довольно детальную (2 страницы) биографию Гоголя и обзор его творчества, при этом акцентирует внимание читателя на следующих моментах.

#### 1. Гоголевский реализм.

Turner подчеркивает, что нет ничего сверхнеобычного в сюжетах гоголевских повестей. Между тем эта простота в совокупности с талантом писателя выливается в то, что, по мнению Turner, можно назвать отличительной чертой гоголевского творчества [Turner, 1868, p. 332].

<sup>14</sup> «... he devoted his life and talents to the exposure of abuses and mal-administration in the state».

<sup>15</sup> «Gogol is distinguished from the other authors of his nation, by a faculty of analysis and a creative power rarely found united in the same individual. His style is original, his passages of the most biting satire are followed by sudden burst of tenderness, with an impulsiveness and nature altogether peculiar to the Slavonic nature».

«...он вместо олицетворения героической добродетели, обратил внимание и уловил наши недостатки; он изобразил без преувеличения и злобы повседневные моменты обычной жизни; он сорвал внешний лоск, которым мы надеемся прикрыть нашу подлость, эгоизм и лживость; и, картиной мира как таковой, он научил нас стремиться вперед к более светлому и чистому» [Turner, 1868, p. 329]<sup>16</sup>.

## 2. Гоголевский юмор.

«Когда мы говорим о гоголевском юморе, нам хочется, чтобы это слово было понято в его самом широком и всеобъемлющем значении. И хотя исток свой гоголевский юмор берет в глубоком осуждении суетности всего, что есть человеческого, однако он различается в своих проявлениях. Временами Гоголь окружит себя какой-то дикой фантазией, такой непомерно абсурдной, что ни один писатель менее отчаянный, чем он, никогда бы не использовал такое для того, чтобы рассмешить нас и удерживать нас замороженными, пока он описывает события...» [Там же, с. 333]<sup>17</sup>.

«В целом гоголевский юмор по своей сути неброский и мягкий. Это неестественное отсутствие страсти дает силу гоголевской сатире и делает его иронию настолько едкой. Пустяковая фраза, ненароком брошенная им, метко попадет в людскую глупость или в порок власть имущих с силой и уверенностью, которые делают ее губительной» [Там же, с. 334]<sup>18</sup>.

## 3. Национальный характер гоголевских произведений.

«В его юморе, иронии, его языке, его мыслях, его лирических всплесках страстного красноречия и в его чувствительности Гоголь истинно русский. Истинно русскими являются и все его персонажи; было бы трудно найти хотя бы одну черту национального характера, которую не удалось уловить Гоголю» [Там же, с. 334–335]<sup>19</sup>.

<sup>16</sup> «...instead of personifying the heroic virtues, should note and seize upon the frailties that attend us all; who should depict, without exaggeration and without malice, the wearing and commonplace details of humble life; who should tear off the gloss with which we think to cover our meanness, selfishness, and deceit; and, by his picture of the world as it is, teach us to aspire towards a purer and better order».

<sup>17</sup> «When we speak of Gogol's humour, we wish the word to be understood in its widest and most comprehensive sense. For though in its source it is one springing from a deep conviction of the vanity of all that is human, it is most varied in its manifestations. At time he will surrender himself to some wild fancy so extravagantly absurd, that no writer less daring than himself would ever have used it to move our laughter, and hold us spell-bound as he describes...».

<sup>18</sup> «In general, however, Gogol's humor is quiet and subdued in tone. It is this forced absence of passion gives strength to Gogol's satire and makes his irony so biting. By a single word or trifling phrase, which would seem to have fallen accidentally from his pen, he will plant the blow, aimed at some social folly or administrative abuse he is attacking, with a vigor and a certainty that renders it fatal».

<sup>19</sup> « In his humour, in his irony, in his language, in his thoughts, in his lyrical outbursts of passionate eloquence, and in his pathos, Gogol is thoroughly Russian. And thoroughly Russian, too, all his personages; and it were difficult to cite one trait in the national character that has not been seized upon by Gogol».

«Есть особая свежесть, простота и веселье в гоголевских описаниях малороссийской жизни, которые доносят до нас убеждение в их непреувеличенной правдивости, даже если мы и никогда не были в Малороссии и совершенно несведущи в ее обычаях, вере и языке. Они наполнены теми удачными касаниями кисти мастера, которые сами раскрывают цельный характер людей с достоверностью и точностью, которых не найти на страницах путевых заметок» [Там же, с. 335–336]<sup>20</sup>.

«Гоголь больше, чем любой другой русский писатель, внес вклад в развитие и укрепление истинно русской национальной литературы. Именно это, помимо собственных, присущих лишь ему качеств, придает такую особенную ценность его работам. И именно из-за этого каждый образованный русский будет произносить с теплотой, гордостью и уважением имя Николая Васильевича Гоголя» [Там же, с. 345]<sup>21</sup>.

Как видно из представленных высказываний, статья [Turner, 1868, p. 327–345] не имела ничего общего с политикой, она всецело была посвящена литературе. Смысловым ядром ее являлся интерес самого автора к русскому писателю, а также его желание привлечь внимание англоязычной аудитории к трудам Гоголя.

Следующая публикация относится к 1877 г. Ее напечатали в лондонском журнале *The Westminster Review* под заголовком «Russian Literature» без указания авторства. Данная статья предлагает краткий экскурс в историю русской литературы, начиная с былин и более подробно останавливаясь на современной для того периода школе русской беллетристики. Хвалебная характеристика дана в целом таланту русского писателя и отдельным его произведениям. О Гоголе говорится как о пронзительном и сильном сатирике, чей юмор напоминает юмор Диккенса. Именно эти «небольшие, привлекательные своей оригинальностью юмористические прикосновения» автор статьи определяет как то, что придает особое очарование гоголевским работам. Говоря о силе сатиры в литературе, автор указывает на замечательную гоголевскую комедию (*brilliant comedy*) «Ревизор». Поэма «Мертвые души» характеризуется как самое талантливое из русских произведений. Также автор статьи отмечает повести «Старосветские помещики» и «Тарас Бульба» и подчеркивает, что никто до Гоголя не описывал простую деревенскую жизнь и красоту Запорожской Сечи так гениально и выразительно. В гоголевских повестях «Портрет» и «Записки сумасшедшего» автор статьи находит странную таинственную силу, сопоставимую с той, что чувствуется при чтении произведений Э. А. По [Russian Literature, 1877, p. 445–465].

<sup>20</sup> «There are freshness, a simplicity, and a gaiety in Gogol's descriptions of Little Russian life, which bring home to us a conviction of their unexaggerated truthfulness, even though we have never visited the country, and are ignorant of its habits, faith, and language. They are filled with those happy touches which of themselves reveal the whole character of the people with a certainty and a precision not to be attained in pages of ordinary travelers' gossip».

<sup>21</sup> «But more than any other writer, Gogol contributed to accelerate the advent and consolidate the establishment of a thoroughly national Russian literature. It is this which, apart from their intrinsic merits, gives such a peculiar value to his productions; and it is for this that every cultured Russian will pronounce with fond pride and reverent homage the name of Nicholas Vasilievitch Gogol».

Еще одно краткое упоминание о Гоголе как об одном из писателей России, прославляющем красоты и традиции Запорожья, мы находим в статье «Polish Literature» («Польская литература») от 1879 г. [Polish Literature, 1879, p. 359–386].

Другим источником информации о гоголевских трудах были учебные пособия по русскому языку для иностранцев, где с начала XIX в. художественные произведения русских писателей и поэтов предлагались в качестве упражнений. Кроме такой прямой задачи, как усовершенствование навыков чтения, отработка произношения и тренировка грамматических структур, литературные произведения формировали образ *русской жизни* – «неисчерпаемого источника не только страданий, но и юмора, абсурдности, иронии, фарса; *русского человека*, иногда смешного и трогательного одновременно; и *русских писателей*, обладающих столь многогранным юмором» [Baring, 1915, p. 138].

В учебных пособиях по русскому языку Гоголь был представлен пьесой «Ревизор» и поэмой «Мертвые души». Приведем примеры нескольких учебных пособий.

**Riola H.** A graduated Russian reader. London, 1879. 314 p.

**То же:** 2<sup>nd</sup> ed., rev., London, 1891. 314 p.

**То же:** new edition, London, 1915. 314 p.

В данном пособии творчество Гоголя представлено отрывком из поэмы «Мертвые души» (о Плюшкине). Текст предложен без изменений, с проставленным в каждом слове ударением. В конце страницы приведен перевод отдельных русских слов, понимание которых, по мнению автора-составителя учебного пособия, могло вызвать затруднение у учащихся. В некоторых случаях предлагается начальная форма слов.

**Morfill W. R.** A Grammar of the Russian language. Oxford, 1889. 168 p.

**То же:** 2<sup>nd</sup> ed., Oxford, 1899. 168 p.

В этом пособии в разделе *Reading Lessons* (Уроки чтения) использованы отрывки из комедии «Ревизор» (действие V, явление VIII), поэмы «Мертвые Души», повести «Тарас Бульба». Несмотря на указание Гоголя в качестве автора, в учебнике не уточняется, что учащимся предлагаются лишь фрагменты произведений. Отрывок из поэмы «Мертвые души» дается как отдельный небольшой рассказ под названием «Плюшкин». Повесть «Тарас Бульба» фигурирует в издании под заголовком «Степь». Для помощи учащимся в конце учебного пособия предлагается мини-словарь (*Vocabulary*), содержащий список русских слов с переводом на английский язык.

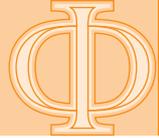
**Motti P.** Russian conversation-grammar. London, 1890. 387 p.

**То же:** 2<sup>nd</sup> ed., London, 1901. 359 p.

**То же:** 3<sup>rd</sup> ed., rev. and enl., London, 1906. 372 p.

**То же:** 4<sup>rd</sup> ed., rev. and enl., London, 1922. 372 p.

Во вторую часть учебного пособия «Russian conversation-grammar» (уроки 11–16) включены отрывки из повести «Тарас Бульба». При этом структура уроков выглядит следующим образом: 1) грамматическая справка по определенной



теме с примерами; 2) упражнение на обработку данного грамматического материала (перевод с английского на русский); 3) упражнение на чтение (отрывок из произведения на русском языке с проставленным ударением).

*Выводы.* Итак, анализ найденных источников показал, что мнение о творчестве Гоголя в англоязычном пространстве возникло не в одночасье, а складывалось постепенно на протяжении нескольких десятилетий. Вполне возможно, что именно эти отрывочные сведения, доходившие до англоязычного читателя, послужили благодатной почвой для переводов I.F. Hargood, чья переводческая деятельность вызвала волну интереса к творчеству Гоголя, укрепила мнение англоязычного читателя о нем как о самобытном писателе, пронизательном сатирике и послужила стимулом для плодотворной работы многих переводчиков в дальнейшем.

### Библиографический список

1. Вороненков И.И. Повесть Н.В. Гоголя «Нос» в англоязычных переводах: Проблема интерпретации: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2004. 17 с.
2. Дмитриева Е.Е. Гоголь Н.В. в западноевропейском контексте: между языками и культурами: дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. 692 с.
3. Нестеренко О.В. Поэма Н.В. Гоголя «Мертвые души» в англоязычных переводах XIX–XXI вв.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2010. 24 с.
4. Architecture at home and abroad. *Foreign Quarterly Review*. October, 1839 – January 1840 (XXIV). P. 161–174.
5. Baring M. *An outline of Russian literature*. London: Williams and Norgate, 1915. 138 p.
6. Cross A. By way of Introduction: British perception, reception, recognition of Russian culture. In: *A people Passing Rude*. Cambridge: Open book publishers, 2012 a. P. 1–35.
7. Cross A. William Henry Leeds and Early British Responses to Russian Literature. In: *A people Passing Rude*. Cambridge: Open book publishers, 2012 b. P. 53–68.
8. Friswell H. *Ghost stories and Phantom fancies*. London: Richard Bentley, 1858. P. 127–178.
9. Gogol N.V. *A Russian Ghost Story*. Transl. from Russian by (anonymously). *Sharpe's London Magazine*, 1854. P. 353–360.
10. Goldman E. *Russian Dramatists: Their Life and Work*. Goldman Writings. Virginia, England, 1926. P. 268–269.
11. Grahame F.R. *The progress of science, art and literature in Russia*. London: James Blackwood and Co., 1865.
12. Hargood I.F. Nikolai Vasilievitch Gogol. *A Library of the World's Best Literature Ancient and Modern*. 1896 (XVI). P. 6455–6460.
13. Leeds W.L. *Russian Literary Biography and C*. *Westminster Review*. July, 1841 (XXXVI). P. 35–57.
14. *Modern Russian Literature*. *Eclectic Magazine of foreign literature, science and art*. April, 1855 (XXXIV). P. 450–461.
15. *Polish Literature*. *Westminster Review* (January – April), 1879 (LV). P. 359–386.
16. *Present State of Art in Russia*. *The Foreign Quarterly Review* (October – January), 1838 (XX). P. 328–340.
17. *Russian Chit Chat; or, Sketches of Residence in Russia, by a Lady* (Ed. by her sister). London and Coventry, 1856. 250 p.
18. *Russian Literature*. *Dublin University Magazine, A Literary and Political Journal*. (September), 1855 (XLVI). P. 298–308.

19. Russian Literature. The Westminster Review (July – October), 1877 (LII). P. 445–465.
20. Selfzer T. Introduction. In: The Inspector-General, a play in five acts, N.V. Gogol. Transl. from Russian by T. Selfzer. N.Y., 1916. P. 1–12.
21. Tables of Foreign Literature. Foreign Quarterly Review (October, 1842, January, 1843). American Edition, New York, by Joseph Mason, 1843. Vol. XXX. P. 128–134.
22. The Englishwoman in Russia: Impressions of the Society and Manners of the Russians at home, by Lady ten years resident in that country. London: John Murray, 1855. 360 p.
23. Turner Ch.E. Nicholas Gogol. The British Quarterly Review (January – April), 1868 (XLVII). P. 327–345.

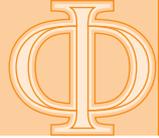
### Сведения об авторах

Грищенко Наталия Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент, Сибирский федеральный университет (Красноярск); ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0037-876X>; e-mail: [ashatanatal@mail.ru](mailto:ashatanatal@mail.ru)

Ершова Евгения Олеговна – кандидат филологических наук, доцент, Сибирский федеральный университет (Красноярск); e-mail: [genja777@mail.ru](mailto:genja777@mail.ru)

Корниенко Виктория Валериевна – старший преподаватель, Сибирский федеральный университет; e-mail: [kornienko7608@mail.ru](mailto:kornienko7608@mail.ru)

Старшева Мария Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент, Сибирский федеральный университет; e-mail: [froehlich@yandex.ru](mailto:froehlich@yandex.ru)



DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2022-20-3-128>

## THE FIRST ACQUAINTANCE OF THE ENGLISH-SPEAKING WORLD WITH THE WORKS OF NIKOLAY GOGOL

**N.A. Grishchenko (Krasnoyarsk, Russia)**

**E.O. Ershova (Krasnoyarsk, Russia)**

**V.V. Kornienko (Krasnoyarsk, Russia)**

**M.A. Starsheva (Krasnoyarsk, Russia)**

### Abstract

*Statement of the problem.* This article is the contribution to the research of the English-speaking world perception and understanding of the Russian literature.

*The aim* of the article is to reveal a certain attention to Gogol's works of the English-speaking audience even before 1886, (the year when Isabel F. Hapgood's translations initiated British awareness of the works of the Russian writer). The material for this study includes articles about Russian literature and Russia, published in English-speaking periodicals, prefaces to the first translations of Gogol's novels, notes from diaries, written by the British who visited and stayed in Russia, textbooks of the Russian language for the English-speaking students – the sources that contained any information about the perception of the Russian writer and his works by the English-speaking world.

*Research results.* The study revealed the presence of both positive and negative reviews on Gogol's works having circulated within English-speaking world even before I. F. Hapgood's translations (the official date of English-speaking readers' acquaintance with Gogol). The audience was interested in Gogol as a representative of modern Russian art, a national writer describing traditions and superstitions of Russia, a satirist and mystic, the one who exposed corruption.

*Conclusions.* The use of Gogol's works in the Russian textbooks for the English-speaking audience deserves special attention. The texts were used to improve the skills of reading, pronunciation, grammar structures, as well as to give information about the culture of Russia, and to form the image of Russia and the Russian people in the English-speaking students' minds.

**Keywords:** *Gogol's work, first translations, English-speaking world, English-Russian relationship, national literature.*

### References

1. Voronenkov I.I. The story of N.V. Gogol's "The Nose" in English translations: the problem of interpretation: abstract of thesis. Dis. ... Candidate of Philol. sciences. Saratov, 2004. 17 p.
2. Dmitrieva E.E. Gogol N.V. in the Western-European context: between languages and cultures. Diss. ... Candidate of Philol. sciences. Moscow, 2011. 692 p.
3. Nesterenko O.V. Poem by N.V. Gogol's "Dead Souls" in English translations of the XIX–XXI centuries. Abstract of thesis. Dis. ... Candidate of Philol. sciences. Tomsk, 2010. 24 p.
4. Architecture at home and abroad. *Foreign Quarterly Review*. October, 1839 – January 1840 (XXIV). P. 161–174.
5. Baring M. An outline of Russian literature. London: Williams and Norgate, 1915. 138 p.
6. Cross A. By way of Introduction: British perception, reception, recognition of Russian culture. In: *A people Passing Rude*. Cambridge: Open book publishers, 2012 a. P. 1–35.
7. Cross A. William Henry Leeds and Early British Responses to Russian Literature. In: *A people Passing Rude*. Cambridge: Open book publishers, 2012 b. P. 53–68.

8. Friswell H. Ghost stories and Phantom fancies. London: Richard Bentley, 1858. P. 127–178.
9. Gogol N.V. A Russian Ghost Story. Transl. from Russian by (anonymously). Sharpe's London Magazine, 1854. P. 353–360.
10. Goldman E. Russian Dramatists: Their Life and Work. Goldman Writings. Virginia, England, 1926. P. 268–26911. Grahame F.R. The progress of science, art and literature in Russia. London: James Blackwood and Co., 1865.
12. Hapgood 1896 – Hapgood I.F. Nikolai Vasilievitch Gogol. A Library of the World's Best Literature Ancient and Modern. 1896 (XVI). P. 6455–6460.
13. Leeds W.L. Russian Literary Biography and C. Westminster Review. July, 1841 (XXXVI). P. 35–57.
14. Modern Russian Literature. Eclectic Magazine of foreign literature, science and art. April, 1855 (XXXIV). P. 450–461.
15. Polish Literature. Westminster Review (January – April), 1879 (LV). P. 359–386.
16. Present State of Art in Russia. The Foreign Quarterly Review (October – January), 1838 (XX). P. 328–340.
17. Russian Chit Chat; or, Sketches of Residence in Russia, by a Lady (Ed. by her sister). London and Coventry, 1856. 250 p.
18. Russian Literature. Dublin University Magazine, A Literary and Political Journal. (September), 1855 (XLVI). P. 298–308.
19. Russian Literature. The Westminster Review (July – October), 1877 (LII). P. 445–465.
20. Selfzer T. Introduction. In: The Inspector-General, a play in five acts, N.V. Gogol. Transl. from Russian by T. Selfzer. N.Y., 1916. P. 1–12.
21. Tables of Foreign Literature. Foreign Quarterly Review (October, 1842, January, 1843). American Edition, New York, by Joseph Mason, 1843. Vol. XXX. P. 128–134.
22. The Englishwoman in Russia: Impressions of the Society and Manners of the Russians at home, by Lady ten years resident in that country. London: John Murray, 1855. 360 p.
23. Turner 1868 – Turner Ch.E. Nicholas Gogol. The British Quarterly Review. (January – April), 1868 (XLVII). P. 327–345.

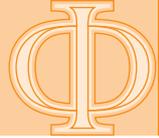
### About the authors

Grishchenko Nataliia Anatolievna – PhD (Philology), Associate Professor, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia); ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0037-876X>; e-mail: [ashatanatal@mail.ru](mailto:ashatanatal@mail.ru)

Ershova Evgeniya Olegovna – PhD (Philology), Associate Professor, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: [genja777@mail.ru](mailto:genja777@mail.ru)

Kornienko Viktoria Valerievna – PhD (Philology), Associate Professor, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: [kornienko7608@mail.ru](mailto:kornienko7608@mail.ru)

Starsheva Mariia Anatolievna – PhD (Philology), Associate Professor, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: [froehlich@yandex.ru](mailto:froehlich@yandex.ru)

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2022-20-3-129>

УДК 37.01

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:  
ГОЛУБКОВ М.М. ЗАЧЕМ НУЖНА РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА?  
Из записок университетского словесника.  
М.: Прометей, 2021. 344 с.**

**Н.С. Цветова****Аннотация**

Автор рецензии анализирует сюжет монографии известного специалиста по русской литературе XX в. профессора, заведующего кафедрой Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова М.М. Голубкова. Этот сюжет распадается на три части. В первой речь идет об актуальности русской классики XX в., о причинах ее «изгнания» из вузовской и школьной программ по литературе, о дидактическом потенциале художественных текстов, который игнорируется в эпоху ЕГЭ. Вторая часть посвящена одной из наиболее актуальных проблем современной историко-литературной науки – проблеме периодизации. Третья глава монографии – сугубо аналитическая, в которой представлены достаточно неожиданные «сближенья» некоторых ключевых персон новейшей русской прозы: Горького и Солженицына, Солженицына и Полякова и т.д. С точки зрения автора рецензии, новая книга М.М. Голубкова может быть интересна не только вузовским, но и школьным преподавателям русской литературы XX – начала XXI в.

**Ключевые слова:** *Голубков, русская литература, периодизация, ЕГЭ, Солженицын, Поляков.*

**А**втор книги, вышедшей в прошлом году в популярном столичном издательстве «Прометей», профессор, заведующий кафедрой истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса МГУ им. М.В. Ломоносова Михаил Михайлович Голубков, не нуждается в представлении. В аннотации к новой работе в уже опубликованных рецензиях жанр ее определяется как сборник статей, созданных в течение нескольких лет. Но принимать это заявление можно только в качестве напоминания о специфике процесса работы. Составители сборников неуклонно следуют известным атрибутивным принципам: в частности, указание на первую публикацию статьи считается неизменным. В этом случае отказ от соблюдения формального требования игнорируется, и, на наш взгляд, по определенной и весьма значительной причине – сложилось не строго научное монографическое исследование огромного, актуального историко-литературного материала, но книга, адресованная очень широкому читательскому кругу, заинтересованному в постановке (как минимум!) жизненно важных аксиологических вопросов, без осознания которых нас ожидает глубочайший мировоззренческий кризис. Автор сосредоточен на поиске ответа на чрезвычайно важный в эпоху победившего ЕГЭ вопрос о необходимости

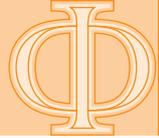
русской литературы, ее сегодняшнем статусе и состоянии – зачем нужна русская литература? [Голубков, 2021]. Вопрос этот вынесен в заголовок, он определяет авторскую сверхзадачу.

Поиск ответа осуществляется в три этапа. Результат первого – во многом публицистические размышления по поводу воздействующего потенциала литературы, способной доносить до читателя нормы национальной жизни; формировать понимание исторических событий и «ответственное отношение читателя к собственной жизни и национальной судьбе» [Голубков, 2021, с. 8]. Но сразу надо сказать, что это особый род публицистики – публицистика университетского ученого, преподавателя со значительным профессиональным стажем, не позволяющим бряцать вселенскими обобщениями при полном презрении к конкретным фактам, событиям, персонам.

Вторая часть книги особенно важна для историков русской литературы и преподавателей соответствующего университетского курса, которые, безусловно, нуждаются в систематизации огромного объема историко-литературных фактов. В этой части представлена весьма убедительно периодизация литературного процесса Новейшего времени, в основании которой четыре главных фигуры, определяющие функционирование литературного текста: писатель, издатель, читатель, критик. Хронологические рамки новейшей литературы устанавливаются исследователем «на выявлении ее эстетического содержания, художественной природы порожденных ею явлений» [Голубков, 2021, с. 80]. Принципиально важно, что решение этой сложнейшей задачи в исполнении М.М. Голубкова основано на постижении внутренней логики завершившейся литературной эпохи, ее глубинных противоречий, обусловленных в значительной степени пресловутым вмешательством государства в дела литературные.

Третья глава, посвященная творческой репутации нескольких писателей, совсем не случайно называется «Странные сближенья». Персонажами этого раздела стали М. Горький и А. Солженицын; А. Солженицын и Ю. Поляков; К. Симонов, В. Гроссман, Ю. Бондарев; В. Набоков... Многие сопоставления действительно неожиданны, даже парадоксальны, но объединяющие начала проявлены автором как бесспорные. Наверное, самое интересное в этой главе – реализация исследовательской установки на преодоление старых и новых мифов о писательских судьбах, позволяющая восстановить подлинный облик очень разных художников.

На наш взгляд, особая ценность созданного профессором М.М. Голубковым сюжета, который он в послесловии называет «записками», «хрониками литературной жизни», определяется не столько его смысловой структурой или композицией (тут все в значительной степени традиционно!), сколько интерпретацией исторических фактов, литературных образов и мотивов, заставляющей преодолевать многие стереотипы, закреплявшие в последние десятилетия во многом выскомерное, даже пренебрежительное отношение к литературе советской эпохи. Любого преподавателя русской литературы наверняка заинтересует фрагмент,



посвященный литературной полемике М. Булгакова («Собачье сердце») и В. Маяковского («Клоп») с «романтико-утопической концепцией революции» [Голубков, 2021, с. 31], предложенной А. Блоком в поэме «Двенадцать»! Никто из нас не сможет оспорить глубокие и значительные суждения в защиту русской классики, страдающей от «ложной и некорректной интерпретации» [Голубков, 2021, с. 8]! Критически важна сегодня честная и открытая констатация причин изгнания русской литературы из школьной и вузовской программы, фактического запрета на экзаменационное сочинение! И наконец, можно бесконечно цитировать многочисленные очень точные оценки литературных достоинств сочинений, продвигаемых в публичном пространстве под хэштегом «лидерыпродаж»!

И главное: новую книгу М.М. Голубкова можно рассматривать как приглашение к серьезному, профессиональному диалогу о чрезвычайно сложном периоде истории нашей литературы, о сегодняшнем ее состоянии. Она обязательно заденет и школьных, и вузовских словесников! Но, мечтается, что однажды откроет ее, может быть, какой-нибудь поклонник «романного проекта Акунина» и засомневается в собственном отношении к литературе как к «форме занимательного и необязательного досуга» [Голубков, 2021, с. 12].

### **Сведения об авторе**

Наталья Сергеевна Цветова – доктор филологических наук, профессор Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: [cvetova@mail.ru](mailto:cvetova@mail.ru)

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2022-20-3-129>

**BOOK REVIEW:**  
**GOLUBKOV M.M. WHY DO WE NEED RUSSIAN LITERATURE?**  
From the notes of a university linguist.  
Moscow: Prometey, 2021. 344 p.

**N.S. Tsvetova**

**Abstract**

The author of the review analyzes the monograph by M.M. Golubkov, a well-known expert in Russian literature of the 20th century, Professor, Head of the Department of the Lomonosov Moscow State University. This book falls into three parts. The first deals with the relevance of Russian classics of the 20th century, the reasons for its “expulsion” from university and school literature programs, and the didactic potential that is ignored in the era of the Unified State Examination. The second part is devoted to one of the most urgent problems of modern historical and literary science – the problem of periodization. The third chapter of the monograph is a purely analytical one, which presents rather unexpected “rapprochements” of some key people in the latest Russian prose: Gorky and Solzhenitsyn, Solzhenitsyn and Polyakov, etc. From the point of view of the author of the review, the new book by M.M. Golubkov may be of interest not only to university teachers, but also to school teachers of Russian literature of the 20th and early 21st centuries.

**Keywords:** *Golubkov, Russian literature, periodization, Unified State Exam, Solzhenitsyn, Polyakov.*

**About the author**

Tsvetova Natalya Sergeevna – DSc (Philology), Professor, Higher School of Journalism and Mass Communications, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia); e-mail: [cvetova@mail.ru](mailto:cvetova@mail.ru)

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2022-20-3-130>

УДК 811.112.2`36

## АКТУАЛИЗАЦИЯ ФИНАЛЬНО-ТАКСИСНОЙ КАТЕГОРИАЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

И.В. Архипова (Новосибирск, Россия)

### Аннотация

*Постановка проблемы.* В статье рассматривается вопрос актуализации категориальной семантики финального таксиса в немецком языке. *Цель работы* – выявление и описание финально-таксисных ситуаций одновременности в высказываниях с предложными девербативами. Исследование проводилось в рамках функционально-семантического подхода к изучению семантических категорий. *Материалом* исследования послужили 6000 высказываний, извлеченных из электронной базы данных Немецкого электронного словаря. В ходе исследования обнаружено, что категориальная семантика финального таксиса одновременности актуализируется в высказываниях с моготаксисными предлогами целевой семантики *für, zu, zwecks*. В таких высказываниях актуализируются дестинативные и дефинитивные категориальные ситуации финального таксиса одновременности.

**Ключевые слова:** таксис, секундарный таксис, финальный таксис, финально-таксисная семантика, одновременность, моготаксисные предлоги финальной семантики, таксисная категориальная ситуация, секундарно-таксисная категориальная ситуация, финально-таксисная категориальная ситуация, финально-таксисная категориальная ситуация одновременности.

**П**остановка проблемы. Проблема актуализации таксисных категориальных значений одновременности и разновременности в различных языках освещается в таких работах отечественных языковедов, как: И.В. Архипова, А.В. Бондарко, Я. Коцкова и др. [Архипова, 2020; Бондарко, 2017; Коцкова, 2019; Ляшенко, 2019; Неद्याлков, Отаина, 2017]. Как правило, исследователи описывают таксисно-хронологические значения, не осложненные элементами логической обусловленности. В поле рассмотрения лингвистов не попадает языковая репрезентация секундарно-таксисных значений одновременности, осложненных обстоятельственными элементами логической обусловленности (финальными, concessивными, каузальными и др.).

*Целью* настоящего исследования является описание актуализации финально-таксисных категориальных ситуаций одновременности в высказываниях с предложными девербативами. Актуализированные финально-таксисные категориальные значения являются одной из разновидностей категориальных значений секундарного таксиса одновременности в современном немецком языке, эксплицирующих синкретизм семантики цели и хронологического значения одновре-

менности. Данная проблематика не разработана в современных отечественных функционально-грамматических, семантических и контекстологических исследованиях, в том числе проведенных на материале современного немецкого языка. В этой связи вводится термин *финальный таксис одновременности*.

*Методология исследования (материалы и методы)*. Настоящее исследование выполнено с позиций функционально-семантического подхода к рассмотрению функционально-семантической категории таксиса, предусматривающего анализ данной категории «от семантики к форме» и «от формы к семантике». Кроме того, в работе учитывается интегративный аспект межкатегориального взаимодействия данной категории с категорией финальности.

В ходе исследования использованы гипотетико-дедуктивный, индуктивный, описательный, корпусный, контекстуальный методы, а также элементы компонентного и дистрибутивного анализа. Эмпирический материал (более 6000 контекстов) получен методом направленной выборки из Немецкого электронного словаря<sup>1</sup>.

*Результаты исследования и их обсуждение*. Межкатегориальное взаимодействие категорий таксиса и финальности детерминирует актуализацию различных категориальных ситуаций финального таксиса одновременности. Под термином *финальный таксис* следует понимать разновидность секундарно-таксисных ситуаций одновременности, включающих семантический компонент цели или целеполагания. Категориальная семантика финального таксиса одновременности синкретична и объединяет таксисно-хронологическое значение одновременности и обстоятельственное значение цели (целеполагания). Монотаксисные финальные предлоги *für, zu, zwecks* выступают в качестве маркеров финально-таксисных категориальных ситуаций.

В немецком языке в высказываниях с девербативами и монотаксисными предлогами финальной семантики возможна актуализация финально-таксисных категориальных ситуаций двух разновидностей – финитивных и дестинативных. Вариант той или иной финально-таксисной категориальной ситуации специфицирован «направленностью» семантики целевого назначения – на глагольное действие или обозначаемый в высказывании предмет.

**Актуализация финитивных финально-таксисных ситуаций.** Финитивные финально-таксисные категориальные ситуации эксплицируют целевое назначение глагольного действия и могут быть актуализованы в высказываниях с монотаксисными предлогами финальной семантики *für, zu, zwecks*, например:

(1) *Wegen seiner Lebhaftigkeit habe ich zum Schlafen eine Sicherheitsdecke besorgt* (Dwds).

(2) *Sie ist ideal zum Toben für die Kinder am Tag – oder zum Lesen und Faulenzen* (Dwds).

(3) *Zum Backen, Kochen und Mixen lädt der Marzahner «Der Extrenweit-Jugendklub im Brodowiner Ring16 um 15 Uhr ein* (Dwds).

<sup>1</sup> Dwds – Digitales Wörterbuch deutscher Sprache (Немецкий электронный словарь).

(4) Mauld setzten sich, wieder in Deutschland, mit dem Bundesgrenzschutz *zwecks Schadensregulierung* in Verbindung (Dwds).

(5) 1963 wurde Gojko Mitic für die Karl-May-Filme entdeckt und *zwecks Befriedigung einschlägiger Publikumsbedürfnisse* bald darauf von der Defa abgeworben (Dwds).

В приведенных выше примерах (1–5) финитивные финально-таксисные категориальные ситуации одновременности актуализованы посредством предложных девербативов *zum Schlafen, zum Toben, zum Lesen und Faulenzen, zum Backen, Kochen und Mixen, zwecks Schadensregulierung, zwecks Befriedigung einschlägiger Publikumsbedürfnisse*. В качестве маркеров финального таксиса одновременности выступают моготаксисные предлоги *zu* и *zwecks*.

**Актуализация дестинативных финально-таксисных ситуаций.** Дестинативные финально-таксисные категориальные ситуации маркируют целевое назначение обозначаемых предметов и могут быть репрезентированы в немецких высказываниях с моготаксисными предложениями финальной семантики *für, zu* (см. *ein ungutes Gefühl für das Lesen, die Schmalseite des Flachp.s...zum Ziehen der Striche, jede Gelegenheit zum Fahren, eine Axt und mehrere Knüppel zum Schlagen, einen Stock zum Schlagen, ein wärmedämmendes Putzsystem...zum Kleben und Armierungsputzen*), например:

(6) Dann bekommen sie höchstens ein gutes Gefühl *für das Lesen* (Dwds).

(7) Die Schmalseite des Flachp.s dient *zum Ziehen der Striche* (Dwds).

(8) Da nutze ich doch *jede Gelegenheit zum Fahren* (Dwds).

(9) ...es wurde eine Schreckschusswaffe, *eine Axt und mehrere Knüppel zum Schlagen* (Dwds).

(10) Nicht nur der Vater von Fritz hatte *einen Stock zum Schlagen* (Dwds).

(11) Für Neu- und Altbauten stellte die Heidelberger Zement *ein wärmedämmendes Putzsystem auf der Basis eines neuentwickelten Mörtels zum Kleben und Armierungsputzen* vor (Dwds).

Дестинативные финально-таксисные категориальные ситуации одновременности актуализируются в примерах (6–11) посредством предложных девербативов *für das Lesen, zum Ziehen der Striche, zum Fahren, zum Schlagen, zum Kleben und Armierungsputzen*.

**Финально-таксисные контексты.** Обследованные высказывания с предложениями *für, zu, zwecks* конституируют *финально-таксисные контексты*, эксплицирующие прототипические элементы секундарно-таксисной среды одновременности. К ним, помимо девербативов с моготаксисными финальными предложениями, относятся глаголы целенаправленного действия, зрительного восприятия и др. (*produzieren, herstellen, brauchen, benötigen, gebrauchen, benutzen, veranlassen, verwenden, anwenden, verlangen, einsetzen, ansetzen, sich eignen, übersehen* и др.), например:

(12) *Zum Fahren braucht* man beides (Dwds).

(13) Sie... *brauchte* anschließend zunächst *einen Rollator zum Laufen* (Dwds).

(14) ...die Kontrolleure am Stadiontor *übersahen* das Feuerwerksarsenal der serbischen Hooligans und auch *die Zange zum Schneiden* (Dwds).

(15) Die *braucht* man doch *zum Backen* (Dwds).

(16) Sie *eignen sich* wunderbar *zum Backen* (Dwds).

(17) Das Mädchen *benötigt zum Lesen eine Brille* (Dwds).

(18) *Zum Lesen benutzt sie eine Riesenlupe* (Dwds).

(19) *Die Hände wurden zum Klatschen benötigt* (Dwds).

В приведенных выше примерах (12–19) актуализованы дестинативные финально-таксисные категориальные ситуации одновременности, эксплицирующие целевое назначение обозначаемых предметов (см. *beides, einen Rollator, die Zange, die..., sie, die Hände, eine Riesenlupe, eine Brille*). В состав дестинативных финально-таксисных контекстом одновременности входят предложные девербативы с монотаксисным целевым предлогом *zu* (*zum Fahren, zum Laufen, zum Schneiden, zum Backen, zum Lesen, zum Klatschen*) и глаголы *brauchen, übersehen, sich eignen, benötigen, benutzen*.

**Сопряженные финально-таксисные ситуации.** При наличии различных индикаторов итеративности и кондициональных актуализаторов в обследованных высказываниях немецкого языка возможна актуализация сопряженных итеративно-финально-таксисных категориальных ситуаций одновременности (в том числе, мультипликативно-финально-таксисных и дистрибутивно-финально-таксисных), а также кондиционально-финально-таксисных категориальных ситуаций одновременности. В качестве итеративных индикаторов могут выступать различные атрибуты и адвербиалы итеративной семантики (*selten, oft, manchmal, immer, immer, wieder, immer wieder, jeder, jedesmal, mehrfach, mehrmalig* и др.). В роли кондициональных актуализаторов выступают частицы *erst, nur, aber* и атрибуты *genau, genauer, näher* и др.

Итеративно-финально-таксисные, мультипликативно-финально-таксисные и дистрибутивно-финально-таксисные категориальные ситуации одновременности актуализируются в высказываниях с монотаксисными финальными предлогами и специфицируются девербативами или глаголами итеративной семантики, а также итеративными квантификаторами. При условии дистрибутивной множественности субъектных или объектных актантов глагольных действий возможна репрезентация дистрибутивно-финально-таксисных категориальных ситуаций одновременности.

В следующих примерах (19–21) с предложными девербативами *zum Laufen, zwecks Nachdenkens, zum Backen, zwecks Verjüngung, zum Lesen* и итеративными адвербиалами *wieder, immer wieder, immer, manchmal* актуализованы финитивные итеративно-финально-таксисные категориальные ситуации одновременности:

(19) Der Richter verschwindet *wieder zwecks Nachdenkens* (Dwds).

(20) ...*immer wieder* finden sich Leute *zum Backen* zusammen (Dwds).

(21) Bislang galt das Anritzen der Grasnarbe *zwecks Verjüngung immer* als ein Muss (Dwds).

(22) Heute brauche ich sie nur noch *manchmal zum Lesen* (Dwds).

Сопряженные итеративно-финально-таксисные категориальные ситуации детерминированы, в частности адвербиалами итеративной семантики (см. примеры 19–22). Их сопряженность является гетерогенной и специфицирована синкретическим объединением значения цели и итеративности (кратности). Отметим, что вышеназванные сопряженные таксисные категориальные ситуации являются *политаксисными*, поскольку они объединяют категориальное значение финального таксиса и значение итеративного таксиса.

При дистрибутивной множественности субъектных актантов глагольных действий в следующих высказываниях немецкого языка актуализируются сопряженные дистрибутивно-финально-таксисные категориальные ситуации одновременности. Они могут быть финитивными (в частности, в высказывании 27 с моноксисным финальным предлогом *zwecks*) и дестинативными, маркирующими целевое назначение некоторых предметов (см. высказывания 23–26, 28–29 с финальными моноксисными предлогами *zu* и *für*). Например:

(23) *Beide legen sich in einem abgeschiedenen Winkel zum Schlafen...* (Dwds).

(24) *Aber Zeit zum Laufen haben die Schüler* (Dwds).

(25) *Nicht alle Käufer nutzen die die Schuhe zum Laufen* (Dwds).

(26) *Fast alle Delegierten sind aufgestanden zum Klatschen* (Dwds).

(27) *Neue Tier- und Pflanzenarten sendet er an Wissenschaftler überall in Deutschland zwecks gründlicher Bearbeitung und Beschreibung* (Dwds).

(28) *Sie forderten einen Skaterbeauftragten für Berlin und mehr Flächen zum Fahren auf* (Dwds).

(29) *Sonntage bieten sich zum Üben an, aber vielleicht ist das auch nicht wirklich notwendig* (Dwds).

В приведенных примерах (23–29) посредством предложных девербативов *zum Schlafen, zum Laufen, zum Klatschen, zum Fahren, zum Üben, zwecks gründlicher Bearbeitung und Beschreibung* актуализованы финитивные и дестинативные дистрибутивно-финально-таксисные категориальные ситуации одновременности, специфицированные дистрибутивной множественностью субъектных и объектных актантов глагольных действий (см. субъекты *beide, die Haare, die Schüler, nicht alle Käufer, fast alle Delegierten, Sonntage* и объекты *die Schuhe, neue Tier- und Pflanzenarten, einen Skaterbeauftragten für Berlin und mehr Flächen*).

Репрезентация дестинативной таксисной категориальной ситуации одновременности специфицирована девербативами с семантикой генетической мультипликативности *das Klopfen* и *das Wippen* в следующем высказывании:

(30) *Mit Balagan kommt die viel zitierte russische Seele nach Deutschland, verbindet U- mit E-Musik und bringt die Köpfe zum Wippen und die Füße zum Klopfen* (Dwds).

Актуализируемая дестинативная мультипликативно-финально-таксисная категориальная ситуация номинирует целевое назначение некоторых предметов (см. *die Köpfe zum Wippen, die Füße zum Klopfen*) и является сопряженной или политаксисной категориальной ситуацией, поскольку она объединяет семантику мультипликативной кратности и значение цели.

В высказывании (31) актуализируется сопряженная дестинативная итеративно-мультипликативно-финально-таксисная категориальная ситуация одновременности, детерминированная итеративным атрибутом *jeder* и мультипликативным девербативом с семантикой генетической кратности *das Klopfen*:

(31) *Jedes neue Ding wird ... vielfältig zum Klopfen benutzt und schließlich fallen gelassen, wieder aufgehoben und fallen gelassen ...* (Dwds).

Сопряженные кондиционально-финально-таксисные категориальные ситуации одновременности могут быть актуализированы в немецких высказываниях при наличии актуализаторов *erst, nur, aber* и др., например:

(32) *Bis dahin hatten die Juweliere Diamanten nur zum Schneiden anderer Edelsteine benutzt* (Dwds).

(33) *Die menschliche Hand wurde bisher nur zum Drücken von Tasten und zum Bewegen der Maus benutzt...* (Dwds).

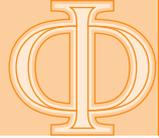
В приведенных выше примерах (32–33) при наличии кондиционального актуализатора *nur* актуализованы дестинативные кондиционально-финально-таксисные категориальные ситуации одновременности (см. предложные девербативы *nur zum Schneiden anderer Edelsteine, nur zum Drücken von Tasten und zum Bewegen der Maus*). Актуализатор *nur* эксплицирует семантику условия в вышеприведенных высказываниях (32–33). Сопряженность актуализируемых финально-таксисных категориальных ситуаций обусловлена синкретизмом значения цели и кондиционального значения.

**Заключение.** Таким образом, в немецких высказываниях с предлогами целевой семантики *für, zu, zwecks* актуализируются финально-таксисные категориальные ситуации одновременности двух разновидностей – финитивные и дестинативные. Финитивные финально-таксисные категориальные ситуации эксплицируют целевое назначение глагольных действий, а актуализация дестинативных финально-таксисных категориальных ситуаций связана с экспликацией целевого предназначения обозначаемых в высказываниях предметов.

При наличии итеративных квантификаторов, итеративных девербативов и итеративных глаголов возможна актуализация сопряженных финально-таксисных категориальных ситуаций одновременности. Таковыми являются итеративно-финально-таксисные, мультипликативно-финально-таксисные и дистрибутивно-финально-таксисные категориальные ситуации. В высказываниях с кондициональными актуализаторами репрезентируются сопряженные кондиционально-финально-таксисные категориальные ситуации. Для таких ситуаций характерно синкретическое объединение значений цели, итеративности, мультипликативности, дистрибутивности или условия.

### Библиографический список

1. Архипова И.В. Категория таксиса в разноструктурных языках: монография. Новосибирск, 2020. 173 с.
2. Бондарко А.В. Глагольные категории в системе функциональной грамматики. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2017. 336 с.



3. Коцкова Я. Неличные формы глагола как средства выражения таксиса в русском и чешском языках // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований*. 2019. Т. 3, № 15. С. 87–110.
4. Ляшенко Н.А. Функционально-семантическое поле таксиса в английском языке // *Функционально-семантические поля разных типов в английском и русском языках: монография* / Н.Г. Склярова, А.В. Николаева, К.Н. Симонова, Н.А. Ляшенко, С.Е. Молчанова. Ростов-на-Дону: Фонд науки и образования, 2019. С. 101–129.
5. Недеялков В.П., Отаина Т.А. Типологические и сопоставительные аспекты зависимого таксиса (на материале нивхского языка в сопоставлении с русским) // *Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис*. Изд. 7-е. М.: ЛЕНАНД, 2017. С. 296–319.

### **Сведения об авторе**

Архипова Ирина Викторовна – кандидат филологических наук, профессор кафедры романо-германской филологии, Новосибирский государственный университет; e-mail: irarch@yandex.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2022-20-3-130>

## ACTUALIZATION OF THE CATEGORIAL SEMANTICS OF FINAL TAXIS IN THE MODERN GERMAN LANGUAGE

**I.V. Arkhipova (Novosibirsk, Russia)**

### Abstract

This article deals with the issue of actualization of the categorial semantics of final taxis in the German language. The aim of the work is to identify and describe final taxis categorial situations in the statements with prepositional deverbatives. The study was carried out within the framework of the functional-semantic approach to the study of semantic categories. The material of the study is 6,000 statements obtained from the electronic database of the German Dictionary (Dwds). The study found that the categorial semantics of the final taxis of simultaneity is actualized in the statements with the monotaxis prepositions of final semantics *für*, *zu*, *zwecks*. Destinative and definitive categorial situations of the final taxis of simultaneity are actualized in such statements.

**Keywords:** *taxis, secondary taxis, final taxis, final-taxis semantics, simultaneity, monotaxis prepositions of final semantics, taxis categorial situation, secondary taxis categorial situation, final taxis categorial situation, final taxis categorial situation of simultaneity.*

### References

1. Arkhipova I.V. Taxis category in different-structured languages: monograph. Novosibirsk, 2020, 173 p.
2. Bondarko A.V. Verbal categories in the system of functional grammar. 2nd ed. Moscow: Languages of Slavic culture. 2017. 336 p.
3. Kotskova Y. Nonpersonal forms of the verb as a mean of taxis expressing in the Russian and Czech languages // Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute of Linguistic Research. 2019. Vol. 3, No. 15. P. 87–110.
4. Lyashenko N.A. Functional-semantic field of taxis in English // Functional-semantic fields of different types in English and Russian. 2019. P. 101–129.
5. Nedyalkov V.P., Otaina T.A. Typological and comparative aspects of dependent taxis (based on the material of the Nivkh language in comparison with Russian) // Theory of functional grammar: Introduction, aspectuality, temporal localization, taxis. Ed. 7. Moscow: LENAND, 2017. P. 296–319.

### About the author

Arkhipova Irina Viktorovna – PhD (Philology), Professor, Department of Roman and German Languages, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russia); e-mail: [irarch@yandex.ru](mailto:irarch@yandex.ru)

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2022-20-3-131>

УДК 81: 572

## ОБРАЗ ИДЕАЛЬНОГО УЧИТЕЛЯ: ЛИНГВОАКСИОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ<sup>1</sup>

**А.Г. Тимченко (Красноярск, Россия)****Н.А. Бурмакина (Красноярск, Россия)**

### Аннотация

*Постановка проблемы.* Статья посвящена анализу элемента ценностной картины мира педагогов Красноярского края, иллюстрирующей образ идеального учителя, который может по-разному осознаваться участниками педагогического процесса, а на представления об идеальном учителе могут влиять ценности общества, эпоха в целом.

*Цель* – определение базовых ценностей-качеств образа идеального учителя благодаря опоре на осознаваемый уровень языкового сознания педагогов Красноярского края.

*Методология (материалы и методы).* Исследовался осознаваемый уровень языкового сознания: методом анкетирования были выявлены качества, характерные, по мнению респондентов, для идеального учителя. Выявленные качества предлагалось распределить в порядке от самых важных до наименее важных. В анкетировании приняли участие учителя школ, гимназий, преподаватели вузов города Красноярска, а также учителя школ, работающие в сельской местности Красноярского края.

*Результаты исследования.* Данные анкет позволили выявить 6 смысловых типов ценностей-качеств. В образе идеального учителя оказались преобладающими социальные, психофизиологические и нравственные качества. Интеллектуальные, профессиональные, эстетические и гражданские ценности-качества оказались менее частотными, следовательно, психологическое и социальное преобладает в образе идеального учителя. Иерархия ценностей-качеств учителя в концептуальном ядре языкового сознания позволила представить 10 наиболее частотных семантических групп, из которых: 7 семантических полей в иерархии указывают на нравственные ценности-качества, 6 – на социальные, 4 – на психофизиологические, 2 – на интеллектуальные, 1 – на профессиональные, 1 – на эстетические.

**Ключевые слова:** ценности-качества, лингвоаксиология, концептуальное ядро, языковое сознание, метод анкетирования, образ учителя, педагоги, Красноярский край.

**П**остановка проблемы. Психологи отмечают, что «ценностные ориентации отражают содержательную сторону направленности личности и составляют основу ее отношений к окружающему миру, к другим людям, к себе самой, основу мировоззрения и ядро мотивации жизненной активности, основу жизненной концепции и «философии жизни» [Малышев, Малышева 2020, с. 131]. Ценностные и качественные характеристики помогают

<sup>1</sup> Исследование выполнено в рамках проекта Российского фонда фундаментальных исследований, Правительства Красноярского края, Красноярского краевого фонда поддержки научной и научно-технической деятельности в рамках научного проекта № 20-412-242001/20 «Изучение ценностной картины мира профессиональной группы “педагог” Красноярского края».

сформировать представления о фрагментах картины мира, конкретных предметах, образах действительности. Рассматривать фрагменты картины мира можно на основе различного материала.

Учеными отмечается, что «педагогический дискурс играет ведущую роль в процессе социализации, фиксируя наиболее важные ценности и нормы, которые усвоены большинством представителей социума и передаются последующим поколениям. Правила поведения учащихся представляют особый учебно-организационный жанр, в котором конститутивные признаки педагогического дискурса комбинируются с признаками делового дискурса. Они представляют нормы школы как социального института в рамках педагогического общения» [Бабаева, 2004, с. 17].

В последнее время в общественной и научной среде часто обсуждается вопрос престижа профессии учителя, обесценивания ее [Васильев, Васильева, 2021, с. 172]. Кроме того, актуален вопрос несоответствия уровня требований реальным возможностям учителя, вопрос стандарта компетенций, ценностных ориентиров и качеств, которые должны быть сформированы у учителя, какие качества должны быть вневременны и характерны для всего учительского сообщества, а какие должны меняться. Педагоги отмечают, что «подобного рода вопросы актуальны как для педагогического вуза, осуществляющего профессиональную подготовку учителя (“Какого учителя должен готовить педагогический вуз?”) и администрации школы (“Какой учитель должен работать в современной школе?”; «Какой педагог необходим современным ученикам?”), так и для самих учеников (“У какого учителя они с удовольствием будут учиться?”)» [Семенова, Чевачина, 2015, с. 557–561]. Этими злободневными вопросами и обусловлена актуальность работы.

*Целью* исследования является определение базовых ценностей-качеств образа идеального учителя благодаря опоре на осознаваемый уровень языкового сознания педагогов Красноярского края.

*Обзор научной литературы по проблеме.* Термин «ценностные ориентации» начинает встречаться в научной литературе уже с середины XIX в., распространение его связано с именами У. Томаса, Ф. Знанецкого (они впервые в американской психологической литературе используют понятие «ценность», которое ранее существовало только в философии) и Т. Парсонса, который ввел термин «ценностных ориентаций» [Леонтьев, 1992]. Наиболее методически обоснованным исследованием ценностных представлений можно считать наблюдения, проводившиеся в 60–70-х гг. в США, а также в других странах Милтоном Рокичем на основе разработанного им метода прямого ранжирования ценностей. Человеческие ценности характеризуются следующими основными признаками: 1) общее число ценностей, являющихся достоянием человека, сравнительно невелико; 2) все люди обладают одними и теми же ценностями, хотя и в разной степени; 3) ценности организованы в системы; 4) истоки человеческих ценностей прослеживаются в культуре, обществе и его институтах и личности; 5) влияние ценностей прослеживается практически во всех социальных феноменах, заслуживающих изучения [Леонтьев, 1998].

Современная лингвистика трактует «ценность» по-разному. Например, в трудах Н.Ф. Алефиренко ценности – это модусные (культурно значимые) отношения человека к окружающему миру, которые служат ему ценностными ориентирами [Алефиренко, 2002, с. 160]. По мнению Е.В. Бабаевой, ценности – это цели, ориентирующие человека в его деятельности и детерминирующие нормы его поведения [Бабаева, 2004, с. 60]. На ценности могут влиять и общество, и процессы, происходящие в нем.

Классические труды отечественных лингвистов и психолингвистов (А.Н. Леонтьева [Леонтьев, 1983], Ю.Н. Караулова [Караулов, 2000], А.А. Леонтьева [Леонтьев, 2016, с. 296–299], Н.В. Уфимцевой [Уфимцева 2015, с. 115–119; 2016, с. 238] и других) рассматривают через языковые единицы и ассоциативные словари [Vasilyeva, Vasilyev, 2021] доступ к сознанию человека. Отмечается, что «структура языкового сознания изоморфна психике человека и соответственно подразделяется на область осознаваемого и неосознаваемого, или бессознательного. Осознаваемый уровень языкового сознания может быть исследован путем процедур (анкетирование, шкалирование и т.д.), предполагающих обдуманые ответы на заданные вопросы и задания» [Васильева, Васильев, Мамаева, Шibaев, 2017, с. 140–141]. Посредством анкетирования и шкалирования могут быть выявлены базовые характеристики, качества, характерные для того или иного образа, фрагмента картины мира.

*Методология (материалы и методы).* В исследовании, которое проводилось весной 2021 г., приняли участие учителя средних общеобразовательных школ, преподаватели колледжей и вузов города Красноярск, а также учителя школ, работающие в сельских средних общеобразовательных школах Красноярского края. Всего было получено 50 анкет. Из них анкет учителей города Красноярск – 36, анкет учителей сельской местности – 14, анкет учителей средних общеобразовательных школ – 44, анкет учителей гимназий – 4, анкет преподавателей вузов – 2. Возраст респондентов в границах от 21 года до 69 лет. Дисциплины, преподаваемые респондентами: английский язык; биология; география; информатика; история, обществознание; математика; музыка; электромагнитная совместимость электронных средств, мультиплексорное и усилительное оборудование; немецкий язык; основы преподавания, концертмейстерский класс; русский язык и литература; физическая культура и ОБЖ; социальная педагогика; технология; химия.

Вопросы анкеты

1. Перечислите 10 качеств идеального, на Ваш взгляд, учителя.
2. Расположите названные Вами качества в порядке убывания значимости (на первом месте самое главное, затем по мере убывания значимости).

*Результаты исследования.* В результате анализа 50 анкет было обнаружено 490 лексических единиц с семантикой «качества», из них 140 лексических единиц с неповторяющейся семантикой «качества». Лексемы разной частеречной принадлежности и лексемы с разнокорневыми морфемами, но близкой семантикой были отнесены нами при анализе к одной и той же группе качеств.

Например: *доброжелательность* (2 ответа), *доброта* (11 ответов), *добрый* (4 ответа), *добродушный* (1 ответ), *дружелюбный* (2 ответа) – 20 ответов; *трудолюбивый* (3 ответа); *трудолюбие* (5 ответов); *трудолюбие, работоспособность* (2 ответа); *работоспособность* (6 ответов) – 16 ответов; *целеустремленный* (6 ответов), *целеустремленность* (7 ответов), *целеустремление* (1 ответ), *умение поставить цель* (2 ответа) – 16 ответов.

Вопросы двух типов (анкетного и ранжированного) позволяют выявить ценностные особенности осознаваемого уровня языкового сознания, на который могут влиять как жизненный опыт, так и условия социума.

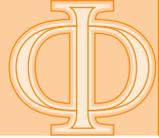
Вслед за лингвистами, рассматривавшими ранее жизненные ценности студентов и преподавателей [Васильева, Васильев, Мамаева, Шибаев, 2017], данные анкет были проанализированы по трем аспектам: качественный (уровень семантики), количественный (число респондентов, указавших те или иные ценности), иерархия в системе ценностей-качеств.

Все указанные респондентами ценности-качества были разделены нами на несколько смысловых типов: 1) нравственные качества; 2) профессиональные качества; 3) интеллектуальные качества; 4) гражданские качества; 5) социальные качества; 5) психофизиологические качества; 6) эстетические качества. Сгруппированные лексические единицы, относящиеся семантически к определенным смысловым типам ценностей-качеств, позволили представить следующую смысловую иерархическую картину (табл. 1).

Таблица 1

**Иерархия ценностей-качеств учителя по смысловым типам**  
**The hierarchy of teacher's values-qualities by semantic types**

| № | Смысловые типы ценностей-качеств | Ценности-качества, отмеченные респондентами (количество реакций респондентов)  | Процент от общего числа ценностей |
|---|----------------------------------|--|-----------------------------------|
| 1 | 2                                | 3  | 4                                 |
| 1 | Социальные качества              | Коммуникативный (1), коммуникабельный (4), коммуникабельность (7), коммуницирующий (1), взаимовыручка (1), открытый (3), открытость (1), неконфликтность (1), неконфликтный (1), умение найти подход к людям (1), идущий на контакт (1), готовый к сотрудничеству (1), комфортный (1), общительный (1), самостоятельность (1), меняющийся в современном мире (1), в меру многозадачный (1), помощь (1), яркий (1), | 26,53 %<br><br>(130 от 490)       |



Продолжение табл. 1

| 1 | 2                              | 3   | 4                           |
|---|--------------------------------|---|-----------------------------|
|   |                                | харизматичный (1),<br>располагающий (1),<br>гибкий (2),<br>мобильный (1), мобильность (2),<br>воспитанный (4),<br>обладать умением слушать и слышать (1),<br>умение слушать (1), слушающий (1),<br>умение идти на компромисс (1),<br>договороспособный (1),<br>умение найти выход из трудной ситуации (1),<br>интеллигентность (1),<br>современный (1),<br>самодостаточный (1),<br>эгоистичный (1),<br>заботливый (2), умеющий не пройти мимо (заботливый) (1),<br>объективный (1), объективность (2),<br>не боится признать ошибку (1),<br>любимый (1),<br>индивидуальность (1),<br>инициативность (1),<br>дающий (1),<br>принимающий (1),<br>увлекающий (1),<br>мотивирующий (1),<br>мотивированность (1),<br>обязательный (1),<br>уважаемый (2),<br>увлекающийся (2), увлеченность (1), увлеченный (1),<br>требовательный (2), требовательность (6),<br>настойчивый (3), настойчивость (5),<br>пунктуальный (6), пунктуальность (2),<br>дисциплинированный (6), дисциплинированность (6), трудовая дисциплина (2),<br>целеустремленный (6), целеустремленность (7),<br>целеустремление (1), умение поставить цель (2),<br>вежливый (1), вежливость (2) |                             |
| 2 | Психо-физиологические качества | Выдержка (4), самообладание и выдержка (1), умение владеть своими эмоциями (1), уравновешенный (2), самообладание (1), психологически устойчивый (1), спокойствие (1)<br>стрессоустойчивость (3),<br>крепкое здоровье (1),<br>стабильность (1),<br>позитивный (1),<br>оптимист (1),   | 26,12 %<br><br>(128 от 490) |

Продолжение табл. 1

| 1 | 2                     | 3  | 4                                    |
|---|-----------------------|--|--------------------------------------|
|   |                       | <p>юмор (2), с юмором (1), с чувством юмора (1), чувство юмора (2), веселый, с чувством юмора (1), веселый (1), эмоциональный (1),<br/> эмотивный (1),<br/> эмпатичность (1),<br/> самокритичность (2),<br/> чуткий, чуткость (4),<br/> внимание (1), внимательный (5), внимательность (1),<br/> открытый ко всему новому (1),<br/> непрерывное самосовершенствование (1),<br/> развивающийся (1), саморазвитие (1), постоянно развивающийся (1), готов учиться постоянно (1),<br/> включенный (1),<br/> педантичность (1),<br/> упорство (1),<br/> вдумчивый (1),<br/> системный (2),<br/> наблюдательность (2),<br/> смекалка (2),<br/> сдержанный (1), сдержанность (1),<br/> уверенный (1), уверенность (1), уверенный в себе (1),<br/> аккуратный (3),<br/> активный (2), активность (1),<br/> проактивный (1)<br/> находчивый (1), находчивость (2),<br/> энергичный (2), энергичность (1),<br/> усидчивость (1),<br/> сосредоточенность (1),<br/> сила духа (1),<br/> способный (1),<br/> критичен (1),<br/> непредвзятость (1),<br/> строгость (2), строгий (2),<br/> трудолюбивый (3), трудолюбие (5), трудолюбие,<br/> работоспособность (2), работоспособность (6),<br/> ответственный (12), ответственность (14)</p> |                                      |
| 3 | Нравственные качества | <p>Доброжелательность (2), доброта (11), добрый (4),<br/> добродушный (1), дружелюбный (2),<br/> толерантный (3), толерантность (2),<br/> понимающий (4), понимание (5), взаимопонимание (1),<br/> неравнодушный (1),<br/> сочувствующий (1), сочувствие (1),<br/> уважающий (1), уважительный (1),<br/> бескорыстие (4),<br/> порядочный (1), порядочность (4),<br/> тактичный (3), тактичность (3),<br/> честный (2), честность (5), правдивость (1),</p>  | <p>25,31 %<br/><br/>(124 от 490)</p> |



Продолжение табл. 1

| 1 | 2                         | 3  | 4                         |
|---|---------------------------|--|---------------------------|
|   |                           | отзывчивость (6), отзывчивый (4),<br>терпеливый (4), терпеливость (3), терпимость (4),<br>терпение (4),<br>справедливый (6), справедливость (9),<br>любовь к людям (1), любящий детей (2),<br>любовь к детям (7), любит детей (1),<br>гуманность (1), гуманный (1), гуманизм (1),<br>самоотверженность (1),<br>державший слово (1),<br>деликатность (1),<br>альтруизм (1),<br>надежность (1)<br>добросовестность (2)   |                           |
| 4 | Интеллектуальные качества | Умный (9), ум (1), интеллектуальный (1)<br>знание (2), знающий (1),<br>гибкий ум (1),<br>мудрый (1),<br>эрудиция (1), большой кругозор (1),<br>разносторонний (1), разносторонность (1),<br>обучаемость (1), легко обучаемый (1), быстро обучающийся (1), умение обучаться (1), быстрая обучаемость (1), обучаемый (1), умеющий учиться (1),<br>образованный (5), образованность (3),<br>любопытный (2), любознательность (2),<br>сообразительный (2), сообразительность (1),<br>готовность учиться новому (1),<br>интересующийся (2), интерес (1)   | 9,39 %<br><br>(46 от 490) |
| 5 | Профессиональные качества | Компетентность (4), компетентный (1),<br>грамотный (1), грамотность (3),<br>знание своего предмета (2), знание предмета (2),<br>знающий предмет (1),<br>любовь к профессии (призвание) (1), любящий свою работу (1), любовь к своему делу (1), любящий свой предмет (1), увлеченность своим предметом (1), преданный своему делу (1),<br>профессионализм (7), профессионал (3),<br>специалист (1),<br>знание психологии детей (1), знающий психологию ребенка (1), знающий психологию детей (1),<br>умение находить общий язык с детьми (1),<br>лидер (1),<br>опытный (1),<br>повышение своего профессионального уровня (1),<br>формирование профессионального мастерства (1),<br>успешный (1),<br>новатор (1) | 8,37 %<br><br>(41 от 490) |

Окончание табл. 1

| 1 | 2                     | 3   | 4                     |
|---|-----------------------|---|-----------------------|
| 6 | Эстетические качества | Творческий (7), творческие способности (1), креативный (4), креативность (1), культурный (3), талантливый (1), артистичный (1), интересная личность (1), интересный (1) | 4,08 %<br>(20 от 490) |
| 7 | Гражданские качества  | Патриотизм (1), идейный (2)   | 0,61 %<br>(3 от 490)  |

Ценности-качества, которыми респонденты характеризовали идеального учителя, распределились иерархически по смысловым полям следующим образом: *социальные, психофизиологические, нравственные, интеллектуальные, профессиональные, эстетические, гражданские*. Наибольший вес в процентном отношении имеют социальные качества, без которых успешная коммуникация с обучающимися не будет возможна. Такое обилие ценностей-качеств группы «социальные» позволяет судить о важности личности учителя, который осознается большинством респондентов прежде всего как человек, социальное существо, которому не чужды проявления и психофизиологических особенностей (второе место в иерархии смысловых групп). По числу лексем-реакций социальные и психофизиологические ценности-качества стоят друг от друга недалеко: 130 (26,53 %) и 128 (26,12 %) реакций соответственно. На третьем месте по числу сгруппированных лексем оказались ценности-качества, входящие в смысловое поле «нравственные»: 124 лексем (25,31 %). Такое распределение вновь указывает на то, что образу идеального учителя должны быть свойственны ценности-качества, характерные для большинства людей в обществе. Условно назовем первые три смысловые группы «первичные ценности-качества». Менее важны, как показали данные анкет, следующие четыре смысловые группы качеств: *интеллектуальные* (9,39 %), *профессиональные* (8,37 %), *эстетические* (4,08 %), *гражданские* (0,61 %). Условно назовем эти группы «вторичные ценности-качества». Интеллектуальные и профессиональные качества, стоящие недалеко друг от друга в иерархии ценностей-качеств, оказались менее важными в представлении респондентов, описывающих образ идеального учителя. А эстетические и гражданские ценности-качества были выделены лишь в нескольких анкетах. Таким образом, психологическое и социальное преобладает в образе идеального учителя.

Один из вопросов анкеты предлагал назвать 10 качеств идеального учителя, что предполагает выявление концептуального ядра языкового сознания [Уфимцева, 2003].

Наибольшим количеством респондентов были названы следующие качества (на основе общности семантики разные лексические единицы были объединены нами в одни группы ценностей-качеств, как было сказано ранее) (табл. 2).

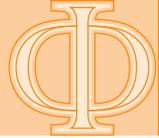


Таблица 2

**Иерархия ценностей-качеств учителя  
в концептуальном ядре языкового сознания  
The hierarchy of teacher's values-qualities  
in the conceptual core of linguistic consciousness**

| №  | Ценности-качества идеального учителя<br>(количество реакций респондентов)  | Количество<br>респондентов | Процент<br>от общего числа<br>респондентов |
|----|--|----------------------------|--|
| 1  | Ответственный (12), ответственность (14)   | 26                         | 52 %                                       |
| 2  | Доброжелательность (2), доброта (11), добрый (4),<br>добродушный (1), дружелюбный (2)  | 20                         | 40 %                                       |
| 3  | Трудолюбивый (3), трудолюбие (5), трудолюбие,<br>работоспособность (2), работоспособность (6)  | 16                         | 32 %                                       |
|    | целеустремленный (6), целеустремленность (7),<br>целеустремление (1), умение поставить цель (2)  | 16                         | 32 %                                       |
| 4  | Справедливый (6), справедливость (9)   | 15                         | 30 %                                       |
|    | терпеливый (4), терпеливость (3), терпимость (4),<br>терпение (4)  | 15                         | 30 %                                       |
| 5  | Дисциплинированный (6), дисциплинированность (6),<br>трудовая дисциплина (2)   | 14                         | 28 %                                       |
| 6  | Коммуникативный (1), коммуникабельный (4),<br>коммуникабельность (7), коммуницирующий (1)  | 13                         | 26 %                                       |
|    | Творческий (7), творческие способности (1),<br>креативный (4), креативность (1)  | 13                         | 26 %                                       |
| 7  | Любовь к людям (1), любящий детей, любовь к детям,<br>любит детей (10)   | 11                         | 22 %                                       |
|    | Умный (9), ум (1), интеллектуальный (1)  | 11                         | 22 %                                       |
| 8  | Выдержка (4), самообладание и выдержка (1), умение<br>владеть своими эмоциями (1), уравновешенный (2),<br>самообладание (1), психологически устойчивый (1),<br>спокойствие (1) | 10                         | 20 %                                       |
|    | Профессионализм (7), профессионал (3), специалист (1)  | 10                         | 20 %                                       |
|    | отзывчивость (6), отзывчивый (4)   | 10                         | 20 %                                       |
| 9  | Понимающий (4), понимание (4), взаимопонимание (1)   | 9                          | 18 %                                       |
| 10 | Юмор (2), с юмором (1), с чувством юмора (1), чувство<br>юмора (2), веселый, с чувством юмора (1), веселый (1)   | 8                          | 16 %                                       |
|    | Требовательный (2), требовательность (6)   | 8                          | 16 %                                       |
|    | настойчивый (3), настойчивость (5)   | 8                          | 16 %                                       |
|    | честный (2), честность (5), правдивость (1)  | 8                          | 16 %                                       |
|    | пунктуальный (6), пунктуальность (2)   | 8                          | 16 %                                       |
|    | образованный (5), образованность (3)   | 8                          | 16 %                                       |

Большинством респондентов (26 из 50) были названы лексемы *ответственный* и *ответственность*, которые могут быть отнесены к психофизиологическим ценностям-качествам, поскольку не только учитель, но специалист в области любой профессии должен ответственно подходить к выполнению своей работы.

На втором месте в иерархии ценностей-качеств расположились *доброжелательность*, *доброта*, *добрый*, *добродушный*, *дружелюбный*, указанные в анкетах

20 респондентов, которые можно отнести к группе нравственных качеств, вновь свойственных большинству людей с точки зрения общечеловеческой морали, однако *доброта* рассматривается в данном контексте, вероятнее всего, лишь по отношению к ребенку.

На третьем месте в иерархии ценностей-качеств выявлены следующие: *трудолюбивый, трудолюбие, трудолюбие, работоспособность, работоспособность* и *целеустремленный, целеустремленность, целеустремление, умение поставить цель* (16 респондентов из 50). Первые можно отнести к психофизиологическим ценностям-качествам, вторые – к социальным, которые могут быть вновь отнесены к характеристике человека любой профессии. Однако здесь возникает некоторая неясность в семантике выражения *умение поставить цель*: цель перед самим собой, ребенком, коллективом, родителями.

По 15 респондентов из 50 указали такие ценности-качества, как *справедливый, справедливость* и *терпеливый, терпеливость, терпимость, терпение*. Эти лексемы расположились на четвертом месте в иерархии, их следует рассматривать как тип нравственных качеств, которые должны быть свойственны многим людям, однако здесь понимаются как ценности-качества по отношению к главному элементу педагогической системы – ребенку.

На пятом месте в иерархии выделяется группа социальных ценностей-качеств: *дисциплинированный, дисциплинированность, трудовая дисциплина* (14 респондентов из 50). Эта группа может быть соотнесена с ценностями, расположившимися на первом и третьем местах в иерархии, и отнесена к характеристике человека любой профессии.

Ценности-качества *коммуникативный, коммуникабельный, коммуникабельность, коммуницирующий* и *творческий, творческие способности, креативный, креативность* были отмечены в анкетах 13 респондентов, что соответствует шестому месту в иерархии ценностей-качеств. Первые соотносятся с типом социальных ценностей-качеств, вторые – с типом эстетических. Важность коммуникации следует отметить для многих профессий, связанных с человеческим взаимодействием, творческий же характер могут иметь профессии, направленные на «создание новых по замыслу культурных, материальных ценностей» [Ожегов, Шведова].

На седьмом месте в иерархии ценностей-качеств оказались нравственные ценности *любовь к людям, любящий детей, любовь к детям, любит детей* и интеллектуальные *умный, ум, интеллектуальный*, отмеченные в 11 анкетах респондентов. В первом ряду ценностей-качеств вербализуется не абстрактная любовь, а имеющая конкретного адресата: людей, детей. Во втором ряду ценностей-качеств отмечаются интеллектуальные способности специалиста, указывающие на умственную специфику деятельности.

В 10 анкетах респондентов (восьмое место в иерархии) совпали такие смысловые ряды лексем, которые могут быть отнесены к тематической группе психофизиологических ценностей-качеств: *выдержка, самообладание и выдержка, умение владеть своими эмоциями, уравновешенный, самообладание, психологически*



*устойчивый, спокойствие*; к тематической группе профессиональных ценностей-качеств: *профессионализм, профессионал, специалист*; к тематической группе нравственных ценностей-качеств: *отзывчивость, отзывчивый*.

На девятом месте в иерархии выделяется группа нравственных ценностей-качеств: *понимающий, понимание, взаимопонимание* (9 респондентов из 50). Понимание здесь связывается не с преподаваемым предметом, не со спецификой работы, а вновь с главным элементом педагогической системы – ребенком, с пониманием его внутреннего мира и особенностей.

На последнем месте в иерархии по количеству лексем, указанных респондентами в 8 анкетах, обнаружены следующие тематические ряды психофизических ценностей-качеств: *юмор, с юмором, с чувством юмора, чувство юмора, веселый, с чувством юмора, веселый*; социальных ценностей-качеств: *требовательный, требовательность; настойчивый, настойчивость; пунктуальный, пунктуальность*; нравственных ценностей-качеств: *честный, честность, правдивость*; интеллектуальных ценностей-качеств: *образованный, образованность*. Примечательно, что большая часть отмеченных респондентами качеств может характеризовать практически любого профессионала в своем деле.

*Заключение.* Данные анкет с открытым типом вопросов позволили выявить 6 смысловых типов ценностей-качеств, которые были условно разделены нами по количеству лексем в анкетах респондентов на «первичные ценности-качества, естественные» и «вторичные ценности-качества». В образе идеального учителя оказались преобладающими социальные, психофизиологические и нравственные качества. Интеллектуальные, профессиональные ценности-качества оказались менее частотными, а эстетические и гражданские ценности-качества были выделены лишь в нескольких анкетах. Наблюдения приводят к выводу, что психологическое и социальное преобладает в образе идеального учителя.

Иерархия ценностей-качеств учителя в концептуальном ядре языкового сознания позволила представить 10 наиболее частотных семантических групп (см. табл. 2). Если представить в количественном отношении семантические поля, распределенные по тематическим группам, можем увидеть следующее: 7 семантических полей в иерархии указывают на нравственные ценности-качества, 6 – на социальные, 4 – на психофизиологические, 2 – на интеллектуальные, 1 – на профессиональные, 1 – на эстетические. Названные большинством респондентов лексемы определяют основу концептуального ядра ценностей-качеств образа идеального учителя независимо от возраста или преподаваемого респондентом предмета. Встретившиеся в анкетах ценности-качества, вероятно, могут указывать как на имеющиеся у идеальных учителей качества, так и на дефициты ценностей-качеств, которых недостает учителю, чтобы стать идеальным.

### Библиографический список

1. Алефиренко Н.Ф. Поэтическая энергия слова: синергетика языка, сознания и культуры. М.: Академия, 2002. 392 с.

2. Бабаева Е.В. Лингвокультурологические характеристики русской и немецкой аксиологических картин мира: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.20. Волгоград, 2004. 438 с.
3. Баева Л.В. Ценности изменяющегося мира: экзистенциальная аксиология истории: монография. Астрахань: Изд-во АГУ, 2004. 278 с.
4. Васильев А.Д., Васильева С.П. Образ учителя в лингвистических исследованиях: аксиологический аспект // Вестник Российского нового университета. Сер.: Человек в современном мире. 2021. Вып. 3 / Human in the modern world. 2021. Is. 3. С. 167–173. URL: <http://vestnik-gospou.ru/s1n3y2021> (дата обращения: 01.10.2021). DOI: 10.25586/RNU.V925X.21.03.P.167
5. Васильева С.П., Васильев А.Д., Мамаева Т.В., Шибяев М.В. Жизненные ценности студентов и преподавателей: лингвоаксиологическое исследование // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2017. № 41 (3). С. 138–49. URL: <https://doi.org/https://doi.org/10.25146/1995-0861-2017-41-3-13> (дата обращения: 18.09.2021).
6. Караулов Ю.Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети // Языковое сознание и образ мира: сб. науч. ст. / под ред. Н.В. Уфимцевой. М., 2000. С. 191–206.
7. Леонтьев А.А. Языковое сознание и образ мира // Вопросы психолингвистики. 2016. № 1 (27). С. 296–299.
8. Леонтьев А.Н. Образ мира // Избранные психологические произведения. М.: Педагогика, 1983. С. 251–261.
9. Леонтьев Д.А. Методика изучения ценностных ориентаций. М., 1992.
10. Леонтьев Д.А. Ценностные представления в индивидуальном и групповом сознании: виды, детерминанты и изменения во времени // Психологическое обозрение. 1998. № 1. С. 13–25.
11. Малышев К.Б., Малышева О.А. Профессиональные типы и ценностные ориентации личности // Ярославский педагогический вестник. 2020. № 5 (116). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnye-tipy-i-tsennostnye-orientatsii-lichnosti> (дата обращения: 01.10.2021).
12. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. URL: <http://slovari.ru/search.aspx?s=0&p=3068&di=voj&wi=31938> (дата обращения: 18.09.2021).
13. Семенова Л.Э., Чевачина А.В. Образ идеального учителя в представлениях современных учеников // Успехи современного естествознания. 2015. № 9-3. С. 557–561. URL: <https://natural-sciences.ru/ru/article/view?id=35634> (дата обращения: 01.10.2021).
14. Уфимцева Н.В. Русские: опыт еще одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания: сб. ст. / отв. ред. Н.В. Уфимцева. Изд. 2-е. М., 2003. С. 139–162.
15. Уфимцева Н.В. Языковая картина мира: проблемы моделирования // Вопросы психолингвистики. 2016. № 1 (27). С. 238–249.
16. Уфимцева Н.В. Языковое сознание – образ мира – языковая картина мира // Вопросы психолингвистики. 2015. № 2 (24). С. 115–119.
17. Vasilyeva S., Vasilyev A. The ideas about the profession of «teacher» in the naive picture of the world of native speakers of the Russian language according to the data of the associative experiment // Process Management and Scientific Developments. Melbourne: AUS PUBLISHERS, 2021. Part 2. P. 187–195.

### Сведения об авторах

Тимченко Анастасия Георгиевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; <https://orcid.org/0000-0002-0543-9624>; e-mail: [ooo.otdohkni@gmail.com](mailto:ooo.otdohkni@gmail.com)

Наталья Алексеевна Бурмакина – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; <https://orcid.org/0000-0002-0492-5188>; e-mail: [nata-burmakina@yandex.ru](mailto:nata-burmakina@yandex.ru)



DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2022-20-3-131>

## IMAGE OF AN IDEAL TEACHER: LINGUOAXIOLOGICAL RESEARCH

**A.G. Timchenko (Krasnoyarsk, Russia)**

**N.A. Burmakina (Krasnoyarsk, Russia)**

### Abstract

*Statement of the problem.* The article analyzes an element of the value picture of the world in teachers of the Krasnoyarsk region, illustrating the image of an ideal teacher, which can be perceived in different ways by the participants in the pedagogical process, and the values of society and the era as a whole can influence the idea of an ideal teacher.

*The purpose* of the work is to determine the basic values-qualities of the image of an ideal teacher, with the help of relying on the perceived level of linguistic consciousness of teachers of the Krasnoyarsk region.

*Methodology (materials and methods).* We researched the perceived level of linguistic consciousness: the questionnaire method revealed the qualities characteristic, in the opinion of the respondents, of an ideal teacher. The identified qualities were proposed to be distributed in the order from the most important to the least important. The questionnaire was filled in by teachers of schools, gymnasiums, teachers of higher educational institutions of the city of Krasnoyarsk, as well as school teachers working in the countryside of the Krasnoyarsk region.

*Research results.* The data of the questionnaires made it possible to identify 6 semantic types of values-qualities. In the image of an ideal teacher, social, psychophysiological and moral qualities turned out to be predominant. Intellectual, professional, aesthetic and civic values-qualities turned out to be less frequent, therefore, psychological and social aspects predominate in the image of an ideal teacher. The hierarchy of teacher values-qualities in the conceptual core of linguistic consciousness made it possible to present 10 most frequent semantic groups, of which: 7 semantic fields in the hierarchy indicate moral values-qualities, 6 – social, 4 – psychophysiological, 2 – intellectual, 1 – professional ones, and 1 – aesthetic value-quality.

**Keywords:** *values-qualities, linguoaxiology, conceptual core, linguistic consciousness, questionnaire method, image of a teacher, teachers, Krasnoyarsk region.*

### References

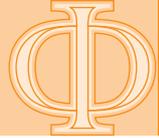
1. Alefirenko N.F. Poetic energy of the word: synergy of language, consciousness and culture. Moscow: Academy, 2002. 392 p.
2. Babaeva E.V. Linguistic and cultural characteristics of Russian and German axiological pictures of the world: dis. ... Dr. Philol. Sciences: 10.02.20. Volgograd, 2004. 438 p.
3. Baeva L.V. Values of the Changing World: Existential Axiology of History: monograph. Astrakhan: ASU Publishing House, 2004. 278 p.
4. Vasilyev A.D., Vasilyeva S.P. The Image of a Teacher in Linguistic Research: Axiological Aspect. Bulletin of the Russian New University. Series: "Human in the modern world". 2021. Is. 3. P. 167–173. URL: <http://vestnik-rosnou.ru/s1n3y2021> (access date: 01.10.2021).
5. Vasilyeva S.P., Vasilyev A.D., Mamaeva T.V., Shibaev M.V. Life values of students and teachers: linguo-axiological research // Bulletin of the Krasnoyarsk State Pedagogical University. V.P. Astafiev. 2017. No. 41 (3). P. 138–49. URL: <https://doi.org/https://doi.org/10.25146/1995-0861-2017-41-3-13> (access date: 18.09.2021).

6. Vasilyeva S., Vasilyev A. The ideas about the profession of “teacher” in the naive picture of the world of native speakers of the Russian language according to the data of the associative experiment // *Process Management and Scientific Developments*. Melbourne: AUS PUBLISHERS, 2021. Part 2. P. 187–195.
7. Karaulov Yu.N. Indicators of national mentality in the associative-verbal network. *Linguistic consciousness and the image of the world: Sat. scientific Art.* / ed. N.V. Ufimtseva. Moscow, 2000. P. 191–206.
8. Leontiev A.A. Linguistic consciousness and the image of the world // *Questions of psycholinguistics*. 2016. No. 1 (27). P. 296–299.
9. Leontiev A.N. Image of the world. Selected psychological works. Moscow: Pedagogy, Moscow, 1983. P. 251–261.
10. Leontiev D.A. Methods of studying value orientations. Moscow, 1992.
11. Leontiev D.A. Value representations in individual and group consciousness: types, determinants and changes in time // *Psychological Review*. 1998. No. 1. P. 13–25.
12. Malyshev K.B., Malysheva O.A. Professional types and value orientations of the individual // *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 2020. No. 5 (116). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnye-tipy-i-tsennostnye-orientatsii-lichnosti> (access date: 01.10.2021).
13. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Explanatory dictionary of the Russian language. URL: <http://slovari.ru/search.aspx?s=0&p=3068&di=voj&wi=31938> (access date: 09.18.2021).
14. Semenova L.E., Chevachina A.V. The image of the ideal teacher in the ideas of modern students // *Successes of modern natural science*. 2015. No. 9–3. P. 557–561. URL: <https://natural-sciences.ru/ru/article/view?id=35634> (access date: 01.10.2021).
15. Ufimtseva N.V. Russians: the experience of another self-knowledge // *Ethno-cultural specificity of linguistic consciousness: collection of articles*. Art. / resp. ed. N.V. Ufimtsev. Ed. 2nd. Moscow, 2003. P. 139–162.
16. Ufimtseva N.V. Language picture of the world: problems of modeling // *Questions of psycholinguistics*. 2016. No. 1 (27). P. 238–249.
17. Ufimtseva N.V. Linguistic consciousness – the image of the world – the linguistic picture of the world // *Questions of psycholinguistics*. 2015. No. 2 (24). P. 115–119.

### About the authors

Timchenko Anastasiya Georgievna – PhD (Philology), Associate Professor, Department of General Linguistics, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); <https://orcid.org/0000-0002-0543-9624>; e-mail: [ooo.otdohkni@gmail.com](mailto:ooo.otdohkni@gmail.com)

Burmakina Natalia Alekseevna – PhD (Philology), Associate Professor, Department of General Linguistics, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); <https://orcid.org/0000-0002-0492-5188>; e-mail: [nata-burmakina@yandex.ru](mailto:nata-burmakina@yandex.ru)

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2022-20-3-132>

УДК: 811.161.1

## ПРОБЛЕМНОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ В УЧЕБНОМ ТЕКСТЕ И ЧИТАТЕЛЬСКИЙ ИНТЕРЕС<sup>1</sup>

П.Н. Трущелёв (Санкт-Петербург, Россия)

### Аннотация

*Проблема.* В статье исследуется эмоциогенность речевых приемов пробуждения интереса у учащегося при чтении школьного учебника.

*Цель работы* – экспериментально определить эмоциогенный потенциал приемов проблематизации учебного текста с помощью лингвистических методов анализа языкового материала.

*Методология (материалы и методы).* Стимульный материал – четыре текста из учебников физики для средней школы (7–8-е классы), в которых используются разные приемы проблематизации. Испытуемые – 124 учащихся 8-х классов общеобразовательных учреждений Санкт-Петербурга. В эксперименте использовался метод семантического шкалирования; для обработки данных – методы математической статистики.

*Результаты.* Доказана эмоциогенность изучаемых приемов. Установлено, что в эксперименте приемы проблематизации были главным предиктором читательского интереса.

*Выводы.* Приемы проблематизации являются эффективным средством повышения степени эмоциогенности учебного текста. Однако в учебной коммуникации их роль в формировании читательского интереса может быть незначительной.

*Авторский вклад.* Идея статьи, ее теоретическое осмысление и экспериментальное воплощение принадлежат автору статьи.

**Ключевые слова:** *интерес, проблемное изложение, проблематизация, учебный текст, учебник, эмоциогенность.*

**П**остановка проблемы. Тексты школьных учебников должны быть не только понятными для читателя, но и интересными. Хотя дидакты давно утверждают это [Behnke, 2018; Harp, Mayer, 1997; Mikk, 2000, p. 17; Peterson, 2016], в исследовании предикторов читательского интереса остается еще много неизученного (см. обзоры [Renninger et al., 2019; Renninger, Hidi, 2022]). В частности, мало внимания уделяется исследованию речевых приемов пробуждения и поддержания интереса у читателя (см., например: [Пиотровская, Трущелёв, 2019; 2020; Hidi, Baird, 1988; Lepper et al., 2021; Monica et al., 2022; Shin et al., 2016; Wade, 2001]). Учеными до сих пор не предложены системная классификация таких приемов, а также корректные методы их анализа и описания (см. [Piotrovskaya, Trushchelev, 2022]). В связи с этим обсуждение эмоциогенности отдельных приемов ограничивается преимущественно общими предположениями относительно содержательных и/или жанровых характеристик интересного текста.

<sup>1</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00284.

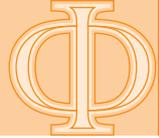
*Цель* настоящей работы – экспериментальное изучение эмоциогенности речевых приемов проблематизации изложения с помощью лингвистических методов анализа языкового материала. Для достижения этой цели решаются следующие задачи: 1) отбор стимульного материала; 2) диагностика субъективного отношения испытуемых к стимульному материалу по признаку интереса и по признакам, формирующим интерес; 3) определение влияния структуры текста на появление интереса.

*Обзор научной литературы по проблеме.* Интерес (или любопытство) является положительным эмоциональным переживанием, связанным с влечением к объекту интереса, с мотивацией узнать что-либо новое об этом объекте, с позитивной эмоционально окрашенной оценкой данного объекта и с повышенным вниманием к нему [Izard, 2007, p. 271–273; Markey, Loewenstein, 2014; Silvia, 2006, p. 23–29; Sung et al., 2016]. Большинство психологов считают, что интерес является реакцией на появление у индивида «информационного пробела» (information gap), вызванного новизной и сложностью объекта восприятия [Ainley, 2017; Markey, Loewenstein, 2014; Silvia, 2006, p. 57–58]. Так, следуя когнитивно-оценочным концепциям эмоций, П.Дж. Сильвия утверждает, что интерес обусловлен первичной оценкой степени новизны и сложности объекта, а также вторичной оценкой способности «преодолеть» возникающие трудности при обработке новой и сложной информации [Silvia, 2006, p. 57–58]. Эти оценки, по мнению ученого, обуславливают в том числе эмоциогенность речевых приемов и языковых характеристик текста [Ibid., p. 82]. Данную оценочную модель уточняют результаты исследований Дж. Левенштейна, который считает, что интенсивность интереса зависит от трех субъективных характеристик воспринимаемого объекта: значимости, «заметности» (salience) и неожиданности (surprise) [Markey, Loewenstein, 2014, p. 232].

Эмоциогенность проблемного изложения как способа объяснения учебного материала не ставится под сомнение современными дидактами [Генденштейн, 2005; Hidi, Baird, 1988; Mikk, 2000, p. 247–251]. Как показывают результаты экспериментов А. Иран-Неджада, проблемное изложение отражает «сценарий» появления интереса, в котором «информационный пробел» представляет собой неразрешенное противоречие и/или очевидный недостаток знаний [Iran-Nejad, 1987]. В работах лингвистов и дидактов предложено несколько видов композиционно-смысловой структуры проблемного изложения, составляющие которых представлены в табл. 1 на следующей странице.

Табл. 1 демонстрирует, что исследователи выделяют разные компоненты проблемного изложения, что, на наш взгляд, свидетельствует о наличии разной степени проблематизации. Так, в большинстве учебных текстов проблемное изложение создается только с помощью вопросительного высказывания и не предполагает выражения противоречия, а также описания гипотезы, способа ее верификации, поиска решения [Пиотровская, Трущелёв, 2021, с. 798]. Например:

*(1) В этих особенностях проявляются общие свойства живого. **Какие же это свойства?** В организмах и их клетках содержатся те же химические элементы, что и в телах неживой природы.*



В таких случаях авторы ограничиваются вставками вопросов в текст, а затем переходят к дальнейшему сообщению предметных сведений.

Таблица 1

**Структура проблемного изложения**  
**Problem-based exposition**

| Пиотровская, Трушелёв, 2021 | Markey, Loewenstein, 2014, p. 238 | Таланина, 2021, с. 18  | Mikk, 2000, p. 247 | Пример  |
|-----------------------------|-----------------------------------|--|--------------------|---|
| Постановка проблемы         | Известное (что я знаю)            | Предъявление факта   | Противоречие       | <i>При изучении механики мы видели, что действие одного тела на другое происходит непосредственно при их взаимодействии</i>   |
|                             | Неизвестное (что я хочу узнать)   | Постановка проблемы  |                    | <i>Как же тогда объяснить взаимодействие наэлектризованных тел?</i>   |
| Решение проблемы            | Новое (что я узнал)               | Описание предполагаемых решений и предъявление верного решения | Гипотеза           | <i>В наших опытах наэлектризованные тела находились друг от друга на некотором расстоянии. Может быть, действие одного наэлектризованного тела на другое передается через воздух, находящийся между телами?</i>   |
|                             |                                   |  | Проверка гипотезы  | <i>Однако заряженные тела взаимодействуют и в безвоздушном пространстве. Если поместить заряженный электроскоп под колокол воздушного насоса, то листочки электроскопа по-прежнему отталкиваются друг от друга. Изучением взаимодействия электрических зарядов занимались английские физики Майкл Фарадей и Джеймс Максвелл. В результате длительного изучения электрических явлений установлено, что всякое заряженное тело окружено электрическим полем</i> |

Бóльшая степень проблематизации может предполагать моделирование ситуации противоречия. Для этого часто используются вопросно-ответный комплекс (см. [Makkonen-Craig, 2018, p. 108]), уступительная конструкция с «если данного положения дел» в составе вопроса (см. [Урысон, 2011, с. 45–57]) или дополнительное предложение с инициальной частицей *ведь*, которая «формирует некий дискурсивный... блок, обозначающий единство знаний, мнений, представления говорящего и слушающего» [Акопян, 2011, с. 18], как во фрагментах (2)–(4). Во всех таких случаях перечисленные средства позволяют выявить противоречие между имеющимися у учащегося знаниями и новыми сведениями:

(2) *Можно ли по этому описанию ситуации найти развиваемую человеком мощность? На первый взгляд, нельзя: ведь неизвестны ни совершенная человеком работа, ни время, в течение которого она была совершена.*

(3) *Если все тела состоят из мельчайших частиц (молекул или атомов), почему же твердые тела и жидкости не распадаются на отдельные молекулы или атомы?*

(4) *У вас может возникнуть вопрос: о каком договоре идет речь? Ведь при покупке мороженого (одежды, обуви) мы не подписываем никаких документов.*

При описании решения проблемы авторы могут использовать дополнительные средства авторизации: эгоцентрики, передающие позицию читателя (*Часто мы не замечаем самого факта заключения договора...; Ты скажешь: бороться со злом*), императивные конструкции (*Давай порассуждаем; Изучим этот вид теплопередачи с помощью опыта*), средства отрицания (*Просто? Не тут-то было; Бесспорно, это единственно приемлемый для порядочного человека способ действия. Но со злом можно бороться по-разному*), вопросы, обращенные к читателю (*Как должен поступить в такой ситуации директор школы, да и просто нормальный, порядочный человек?*). Данные языковые средства позволяют моделировать процесс поиска решения, включающий в том числе этапы выдвижения гипотез и их проверки, а также представлять обсуждение спорных вопросов (см. [Пиотровская, Трущелёв, 2021, с. 798–802]). Так, во фрагменте, приведенном в табл. 1, для выдвижения гипотезы используется вопросительная конструкция с модальным оборотом *может быть*, выражающим значение предположительности. После этого вопроса автор использует средство отрицания – союз *однако*, который включает семантический компонент ‘обманутое ожидание’ (см. [Урысон, 2011, с. 200–202]) и позволяет подчеркнуть несоответствие «гипотезы» реальному положению дел.

*Материал* настоящего экспериментального исследования был отобран в соответствии с выбранным подходом к анализу композиционно-смысловой структуры проблемного изложения. В результате лингвистического анализа школьных учебников (см. подробнее о принципах анализа в [Пиотровская, Трущелёв, 2019; Piotrovskaya, Trushchelev, 2021]) были выбраны четыре текста сопоставимого объема, которые различались количеством приемов проблематизации.

Текст № 1 (136 словоупотреблений)<sup>2</sup> содержит описание агрегатных состояний вещества. В нем не представлены никакие приемы проблематизации. Потенциальная эмоциогенность текста № 1 была оценена нами как *нулевая*.

В тексте № 2 (155 словоупотреблений)<sup>3</sup>, в котором обсуждается процесс испарения, используется только один вопрос для постановки проблемы: *Почему же молекулы вылетают из жидкости в процессе испарения?* Потенциальная эмоциогенность текста № 2 была оценена нами как *минимальная*.

Текст № 3 (187 словоупотреблений)<sup>4</sup> представляет сведения о взаимном притяжении молекул. Первый абзац состоит из двух вопросов, которые моделируют интеллектуальную задачу. В первом вопросе используется конструкция *если... почему*, в условной части которой приводится обоснование, а в вопросной части сформулировано неожиданное следствие (*Если все тела состоят из мельчайших частиц (молекул или атомов), почему же твердые тела и жидкости не распадаются на отдельные молекулы или атомы?*). Во втором вопросе употребляется присоединительная конструкция, в которой частица *ведь* передает значение уступительности и подчеркивает несоответствие двух ситуаций, выраженных в разных частях предложения (*Что заставляет их держаться вместе, ведь молекулы разделены между собой промежутками и находятся в непрерывном беспорядочном движении?*). Потенциальная эмоциогенность текста № 3 была оценена нами как *средняя*.

В тексте № 4 (189 словоупотреблений)<sup>5</sup> описаны некоторые особенности электрического поля. Название текста представлено в виде вопроса «*Чувствуем ли мы электрическое поле?*», а сам текст моделирует ситуацию неожиданного открытия. Автор использует множество средств авторизации для проблематизации изложения. Сначала автор обращается к опыту читателя, используя перцептивный глагол (*температуру тела ... можно почувствовать, прикоснувшись к нему рукой*), а затем с помощью средств, выражающих противительное и оценочное значения, косвенно указывает на недостаточность этого опыта для ответа на поставленный вопрос (*Но при изучении электрических явлений прикосновение рукой – далеко не самый лучший способ исследования*). Далее автор делает парадоксальное утверждение, смысл которого еще не понятен читателю: *Однако самое удивительное заключается в том, что на самом деле электрическое поле – единственное, что воспринимают наши органы чувств!* После этого автор объясняет связь между электрическим полем и слухом, осязанием, обонянием, вкусом, используя средства авторизации – модусную рамку (*вспомним теперь; как мы узнаем далее*) и маркеры перцептивного восприятия (*мы слышим,*

<sup>2</sup> Физика: 9 кл.: учеб.: в 2 ч. / Л.Э. Генденштейн, А.А. Булатова, И.Н. Корнильев [и др.]; под ред. В.А. Орлова. М.: БИНОМ, 2019. Ч. 2. С. 58–59.

<sup>3</sup> Физика: 8 кл.: учеб.: в 2 ч. / Л.Э. Генденштейн, А.А. Булатова, И.Н. Корнильев [и др.]; под ред. В.А. Орлова. М.: БИНОМ, 2019. Ч. 1. С. 42.

<sup>4</sup> Перышкин А.В. Физика: 7 кл.: учеб.; 9-е изд. М.: Дрофа, 2019. С. 30.

<sup>5</sup> Физика: 8 кл... С. 96–97.

когда вы касаетесь, наши глаза воспринимают). Потенциальная эмоциогенность текста № 4 была оценена нами как *максимальная*.

Испытуемыми были 124 учащихся 8-х классов (из них 56 девочек) из ГБОУ школ № 203, 457, 473, 617 и гимназии № 205 города Санкт-Петербурга.

Методом эксперимента стал метод семантического шкалирования с применением семибалльных шкал. Для диагностирования эмоции интереса с помощью шкалы с параметрами «неинтересный – интересный». Для определения зависимости интереса от степени новизны, сложности текста и вероятности удовлетворения потребности понять текст использовались шкалы «известный – новый», «легкий – сложный», «непонятный – понятный». Кроме того, оценка испытуемым новизны, оригинальности языковой структуры текста (см. [Piotrovskaya, Trushchelev, 2022, p. 66]) осуществлялась по шкале «обычный – оригинальный».

В эксперименте было уделено внимание еще одному важному предиктору эмоции интереса – индивидуальному интересу испытуемых (см. [Schiefele, Löweke, 2017]). Испытуемым было предложено выразить свою заинтересованность в школьном предмете (физике) с помощью эмотиконов, представленных на рис. 1. При обработке данных каждому эмотикону была присвоена цифра от 1 (крайний левый эмотикон) до 7 (крайний правый эмотикон).



Рис. 1. Шкала для оценки индивидуального интереса  
Fig. 1. The scale for rating individual interest in the subject

*Процедура эксперимента.* Каждый испытуемый получил все четыре стимульных текста в случайном порядке. Перед чтением испытуемый оценивал уровень своего интереса к предмету. После прочтения каждого текста испытуемый оценивал его с помощью признаковых шкал по названным параметрам. Инструкция по оценке текстов, которую получили испытуемые, представлена в Приложении.

*Обработка количественных данных* проводилась с помощью программы *Statistical Package for Social Sciences (SPSS)*, версия 23. Для установления статистической валидности данных была оценена надежность признаковых шкал: величины коэффициента альфа Кронбаха оказались достаточными и составили .82 для шкалы «неинтересный – интересный», .76 для шкалы «известный – новый», .73 для шкалы «легкий – сложный», .72 для шкалы «непонятный – понятный» и .79 для шкалы «обычный – оригинальный». При дальнейшей обработке данных использовались критерий Вилкоксона ( $T$ ), критерий Фридмана ( $F_r$ ), коэффициент ранговой корреляции Спирмена ( $r_s$ ), линейный регрессионный анализ (метод *Backward*).

*Результаты.* В первую очередь обсудим оценку текстов по параметру «неинтересный – интересный». В качестве центральной тенденции рассматривались среднее арифметическое и медиана. Величины этих показателей представлены в табл. 2.

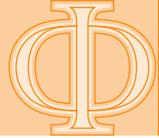


Таблица 2

**Статистика распределений по параметру «неинтересный – интересный»  
The statistics of interestingness variables**

|           | M    | SD   | Med | T                                 |
|-----------|------|------|-----|-----------------------------------|
| Текст № 1 | 3.73 | 1.63 | 4   |                                   |
| Текст № 2 | 4.65 | 1.57 | 5   | -5.99 <sup>*</sup> <sub>pos</sub> |
| Текст № 3 | 4.61 | 1.61 | 5   | -0.40 <sub>neg</sub>              |
| Текст № 4 | 5.66 | 1.51 | 6   | -6.39 <sup>*</sup> <sub>pos</sub> |

Примечание. *M* – среднее арифметическое; *SD* – стандартное отклонение; *Med* – медиана; *T* – критерий Вилкоксона; *neg/pos* – негативный/положительный типичный сдвиг; \* –  $p < .05$ .

Сравнение распределений из связанных выборок с помощью критерия Фридмана свидетельствует о внутренней рассогласованности данных ( $F_r = 132.86$ ;  $p < .001$ ). Дальнейшее парное сравнение с помощью критерия Вилкоксона показало, что школьники одинаково оценивали тексты № 2 и 3. Статистически значимо различались распределения для текстов № 1 и 2, а также для № 3 и 4 (см. величины в табл. 2). Таким образом, сравнительный анализ подтверждает центральную тенденцию; можно представить распределение текстов в соответствии с увеличением читательского интереса следующим образом: **текст 1 → текст 2 и текст 3 → текст 4**.

Перейдем к обсуждению предикторов интереса. В табл. 3 представлена описательная статистика распределений признаков-предикторов и величины коэффициента корреляции между оценкой по параметру «неинтересный – интересный» и оценками по параметрам-предикторам.

Таблица 3

**Описательная и сравнительная статистика признаков-предикторов  
Descriptive and comparative statistics of predictor variables**

| 1                        | M    | Sd   | Med | $r_s$ |
|--------------------------|------|------|-----|-------|
| 2                        | 3    | 4    | 5   |       |
| Текст 1                  |      |      |     |       |
| «известный – новый»      | 2.63 | 1.92 | 2   | .02   |
| «легкий – сложный»       | 2.27 | 1.70 | 2   | -.24* |
| «непонятный – понятный»  | 5.69 | 1.66 | 6   | .20*  |
| «обычный – оригинальный» | 2.95 | 1.62 | 3   | .30*  |
| интерес к предмету       | 4.51 | 1.69 | 5   | .33*  |
| Текст 2                  |      |      |     |       |
| «известный – новый»      | 3.30 | 1.93 | 3   | .12   |
| «легкий – сложный»       | 3.04 | 1.63 | 3   | -.26* |
| «непонятный – понятный»  | 5.19 | 1.77 | 6   | .41*  |
| «обычный – оригинальный» | 3.41 | 1.70 | 4   | .14   |
| интерес к предмету       | 4.51 | 1.69 | 5   | .31*  |
| Текст 3                  |      |      |     |       |
| «известный – новый»      | 3.14 | 1.90 | 3   | .06   |
| «легкий – сложный»       | 3.17 | 1.69 | 3   | -.23* |
| «непонятный – понятный»  | 5.29 | 1.72 | 6   | .34*  |

Окончание табл. 3

| 1                        | 2    | 3    | 4 | 5     |
|--------------------------|------|------|---|-------|
| «обычный – оригинальный» | 3.58 | 1.83 | 4 | .28   |
| интерес к предмету       | 4.51 | 1.69 | 5 | .40*  |
| Текст 4                  |      |      |   |       |
| «известный – новый»      | 4.52 | 1.86 | 5 | .20*  |
| «легкий – сложный»       | 3.27 | 1.60 | 3 | -.28* |
| «непонятный – понятный»  | 4.91 | 1.71 | 5 | .27*  |
| «обычный – оригинальный» | 4.20 | 1.69 | 4 | .40*  |
| интерес к предмету       | 4.51 | 1.69 | 5 | .41*  |

Примечание.  $M$  – среднее арифметическое;  $SD$  – стандартное отклонение;  $Med$  – медиана;  $r_s$  – коэффициент корреляции (сравнение с оценкой по параметру «неинтересный – интересный»); \* –  $p < .05$ .

Сравнение оценки по параметру «неинтересный – интересный» с оценками по другим параметрам выявило следующую их взаимосвязь: 1) положительную корреляцию с оценкой по параметру «непонятный – понятный» всех текстов; 2) положительную корреляцию с оценкой индивидуального интереса для всех текстов; 3) отрицательную корреляцию с оценкой по параметру «легкий – сложный» всех текстов; 4) положительную корреляцию с оценкой по параметру «обычный – оригинальный» для текстов № 1 и 4; 5) положительную корреляцию с оценкой по параметру «известный – новый» для текста № 4. Все полученные величины свидетельствуют только о несущественной связи между переменными.

Для оценки совместного вклада предикторов в формирование интереса использовался линейный регрессионный анализ. В табл. 4 частично воспроизведены наиболее существенные компоненты регрессионных моделей для каждого текста, в которых параметр «неинтересный – интересный» рассматривался как зависимая переменная, а все другие параметры – как независимые переменные-предикторы.

Таблица 4

#### Регрессионные модели Regression models

|           | $R^2$ | $F$     | $d$   | $p_1$                | $p_2$                | $p_3$                  | $p_4$                | $p_5$                |
|-----------|-------|---------|-------|----------------------|----------------------|------------------------|----------------------|----------------------|
| Текст № 1 | .252  | 13.511* | 1.986 | .288<br>$t = 3.70^*$ |                      | -.209<br>$t = -2.70^*$ |                      | .287<br>$t = 3.56^*$ |
| Текст № 2 | .271  | 14.890* | 1.971 | .210<br>$t = 2.80^*$ | .143<br>$t = 2.20^*$ |                        | .360<br>$t = 4.97^*$ |                      |
| Текст № 3 | .316  | 18.501* | 1.960 | .340<br>$t = 4.60^*$ |                      |                        | .287<br>$t = 3.96^*$ | .172<br>$t = 2.56^*$ |
| Текст № 4 | .368  | 23.252* | 2.240 | .323<br>$t = 4.80^*$ |                      |                        | .163<br>$t = 2.50^*$ | .289<br>$t = 4.25^*$ |

Примечание.  $R^2$  – коэффициент детерминации;  $F$  – критерий Фишера;  $d$  – статистика Дарбина – Уотсона;  $p_1 - p_5$  – коэффициенты предикторов ( $p_1$  – интерес к предмету;  $p_1$  – «известный – новый»;  $p_2$  – «легкий – сложный»;  $p_3$  – «непонятный – понятный»;  $p_4$  – «обычный – оригинальный»);  $t$  –  $t$ -критерий Стьюдента; \* –  $p < .05$ .

Каждая регрессионная модель содержит значимую величину коэффициента детерминации, допустимый показатель автокорреляции (статистика Дарбина – Уотсона) и показатели вклада ряда значимых предикторов в уравнение регрессии. Большинство из выделенных предикторов соответствуют предикторам, выявленным в результате корреляционного анализа. В то же время даже их совместный вклад оказывается несущественным. Так, ни одна из величин коэффициента детерминации не превысила показатель .40, что свидетельствует о непригодности регрессионной модели к объяснению дисперсии зависимой переменной. Иными словами, влияние потенциальных предикторов интереса на оценку текстов по параметру «неинтересный – интересный» незначительно.

*Обсуждение результатов эксперимента.* Поскольку не было выявлено значимой зависимости оценки по параметру «неинтересный – интересный» от оценок по параметрам-предикторам, можно с высокой долей вероятности предположить, что в эксперименте ведущим предиктором читательского интереса являлся стимул, то есть учебные тексты.

Результаты статистической обработки данных свидетельствуют о частичном соответствии нашей оценки потенциальной эмоциогенности текстов оценке, которую выразили школьники с помощью шкалы «неинтересный – интересный». Представим это в виде схемы (рис. 2).

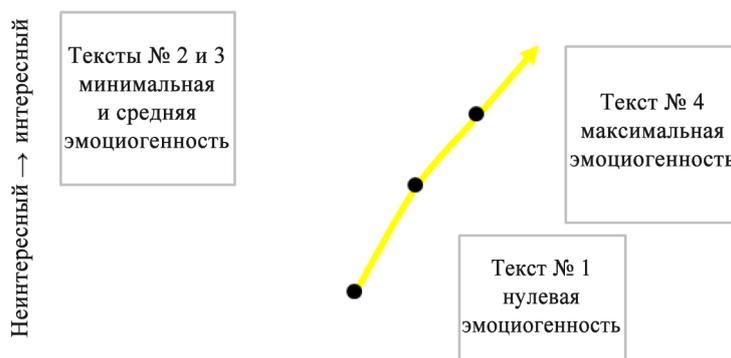


Рис. 2. Распределение текстов по уровню читательского интереса  
 Fig. 2. The text distribution with regard to reader's interest

Полученные нами результаты свидетельствуют о влиянии количественного фактора: потенциальная эмоциогенность текста повышается с увеличением количества приемов проблематизации изложения. В то же время в оценке эмоциогенности текстов № 2 и 3 не было обнаружено статистически значимых различий. Следовательно, существует разница между эмоциогенным потенциалом учебного текста, в котором выражена только проблемная ситуация (тексты № 2 и 3), и эмоциогенным потенциалом текста, в котором отражена деятельность участников коммуникации при поиске решения проблемы (текст № 4). Таким образом, при использовании приемов проблематизации для пробуждения читательского интереса следует учитывать двухчастную структуру проблемного изложения. Важно также обратить внимание на то, что была выявлена статистически значимая разница между оценкой текста № 1 и 2. Следовательно, даже минимальные вкрапления вопросов способны повысить эмоциогенность учебного текста.

Обратим внимание на роль измеренных предикторов интереса. Во-первых, как показал статистический анализ, во всех выборках индивидуальный интерес к учебному предмету участвует в формировании читательского интереса. Можно предположить, что вклад этого предиктора оказался недостаточно существенным потому, что учитывалась обобщенная область индивидуального интереса. Вероятно, большее влияние на читательский интерес оказывает интерес к конкретной области предметных знаний или к теме текста (см. [Lepper et al., 2021]). Во-вторых, обнаружено постоянное влияние оценки понятности текстов на оценку их эмоциогенности. При этом такое влияние не выявлено в регрессионной модели для текста № 1 без приемов проблематизации. На наш взгляд, значимость фактора понятности объясняется особенностями структуры проблемного изложения: читателю важно понять, каким образом будет решена заявленная проблема (см. [Iran-Nejad, 1987]). В-третьих, наименее значимыми предикторами оказались новизна и сложность. Это подтверждает высказанное нами предположение: информация, воспринимаемая учащимся в учебной коммуникации, ожидаемо новая и, естественно, требует определенных усилий для ее понимания, а значит, фактор новизны и сложности не является ведущим в формировании интереса (см. [Piotrovskaya, Trushchelev, 2022, p. 69]). В нашем эксперименте более значимую роль играют способы представления знаний в учебном тексте.

Ранее мы предположили, что в основе интереса читателя учебника лежит оценка новизны, оригинальности формы текста [Ibid.]. Однако в настоящем эксперименте влияние оригинальности оказалось несущественным и непостоянным. В связи с этим можно предположить, что данный предиктор влияет на пробуждение интереса незначительно.

Важно обсудить роль текста как стимула читательского интереса. Обратимся к двум показателям. Во-первых, согласно центральной тенденции (см. табл. 2), испытуемые при оценке текстов по параметру «неинтересный – интересный» избежали крайних показателей. Кроме того, при значимом увеличении центральных показателей размах составляет лишь 1. Во-вторых, распределение групп оценок текста № 1 («неинтересный» (от 1 до 3) – «нейтральный» (4) – интересный (от 5 до 7)) не отличается от равномерного ( $\chi^2=1.7$ ,  $p > .05$ ). В связи с этим можно предположить, что фактор интереса нерелевантен для учащихся при восприятии учебного текста. Иными словами, школьники не ждут, что учебник будет интересным, как и не ждут, что он будет скучным. Поэтому выявлены только небольшие колебания в оценке степени эмоциогенности текстов, а при оценке текста, в котором не было никаких приемов проблематизации, получено распределение, близкое к равномерному. Следовательно, приемы проблематизации хотя и делают текст интереснее, но в процессе естественного (не в условиях эксперимента), часто длительного чтения учебника их может оказаться недостаточно для пробуждения интереса. Как показывают последние психологические исследования, в этом случае наиболее значимым предиктором интереса может оказаться контекст учебной деятельности (например, цели и условия работы с учебным текстом) [Renninger et al., 2019].

*Выводы.* Проблематизация изложения является эффективным средством повышения степени эмоциогенности учебного текста. Обнаружена положительная корреляция между степенью проблематизации учебного текста и степенью его эмоциогенности. При этом роль проблемного изложения в формировании читательского интереса неоднозначна и может оказаться незначительной: приемы проблематизации могут способствовать не пробуждению, а только поддержанию данной эмоции. Результаты исследования подтверждают гипотезу, согласно которой интерес читателя учебника зависит от языковых способов представления предметных знаний.

### Библиографический список

1. Акопян К.С. Нетривиальные вопросы семантики и прагматики диалогической частицы *ведь* // Русский язык и литература в научной парадигме XXI века / под общ. ред. П.Б. Балаяна. Ереван: Ереван. гос. ун-т, 2011. С. 12–19.
2. Генденштейн Л.Э. Анатомия интереса // Народное образование. 2005. № 7. С. 120–126.
3. Пиотровская Л.А., Трущелёв П.Н. Что делает текст интересным? Языковые способы повышения эмоциогенности учебных текстов // Russian Journal of Linguistics. 2020. Т. 24, № 4. С. 991–1016. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-4-991-1016
4. Пиотровская Л.А., Трущелёв П.Н. Экспериментальное исследование эмоциогенности текстов (формирование интереса в учебном тексте) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2019. № 192. С. 112–123.
5. Пиотровская Л.А., Трущелёв П.Н. Эмоциогенность риторической организации учебного текста: проблемное изложение (лингвистический аспект) // Вестник С.-Петербург. ун-та. Язык и литература. 2021. Т. 18, № 4. С. 792–809. DOI: 10.21638/spbu09.2021.410
6. Таланина А.А. Жанр лекции в учебно-научном дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / С.-Петербург. гор. ун-т. Архангельск, 2021. 20 с.
7. Урысон Е.В. Опыт описания семантики союзов: лингвистические данные о деятельности сознания. М.: Языки славянской культуры, 2011. 336 с.
8. Ainley M. Interest: Knowns, Unknowns, and Basic Processes // The Science of Interest / ed. by P.A. O’Keefe. N.Y.: Springer, 2017. P. 3–26. DOI: 10.1007/978-3-319-55509-6\_1
9. Behnke Y. Textbook Effects and Efficacy // The Palgrave handbook of textbook studies / ed. by E. Fuchs, A. Bock. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2018. P. 383–398. DOI: 10.1057/978-1-137-53142-1\_28
10. Harp S.F., Mayer R.E. The role of interest in learning from scientific text and illustrations: On the distinction between emotional interest and cognitive interest // Journal of educational psychology. 1997. Vol. 89, № 1. P. 92–102. DOI: 10.1037/0022-0663.89.1.92
11. Hidi S., Baird W. Strategies for Increasing Text-Based Interest and Students’ Recall of Expository Texts // Reading Research Quarterly. 1988. Vol. 23, № 4. P. 465–483. DOI: 10.2307/747644
12. Iran-Nejad A. Cognitive and Affective Causes of Interest and Liking // Journal of Educational Psychology. 1987. Vol. 79, № 2. P. 120–130. DOI: 10.1037/0022-0663.79.2.120
13. Izard C.E. Basic Emotions, Natural Kinds, Emotion Schemas, and a New Paradigm // Perspectives on Psychological Science. 2007. № 2. P. 260–280. DOI: 10.1111/j.1745-6916.2007.00044.x
14. Lepper C., Stang J., McElvany N. Gender Differences in Text-Based Interest: Text Characteristics as Underlying Variables // Reading Research Quarterly [Электронный ресурс]. 2021. URL: <https://ila.onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1002/rrq.420> (дата обращения: 20.06.2020). DOI: 10.1002/rrq.420
15. Makkonen-Craig H. Aspects of dialogicity: Exploring dynamic interrelations in written discourse // Analysing text and talk / ed. by A.-M. Karlsson. Uppsala: Uppsala universitet, 2018. P. 99–120.
16. Markey A., Loewenstein G. Curiosity // International Handbook of Emotions in Education / ed. by R. Pekrun, L. Linnenbrink-Garcia. N.Y.; London: Routledge, 2014. P. 228–245.
17. Mikk J. Textbook: Research and Writing. Frankfurt am Main; Berlin; Bern; Bruxelles; N.Y.; Oxford; Wein: Peter Lang, 2000. 428 p.
18. Monica S., Badeni B., Arsyad S., Kristiawan M., Khairi A. The Effect of Text Feature Walks Strategy and Reading Interest on High School Students’ Reading Comprehension of Expository

- Text // Budapest International Research and Critics Institute (BIRCI-Journal): Humanities and Social Sciences. 2022. Vol. 5, № 1. P. 853–862. DOI: 10.33258/birci.v5i1.3682
19. Peterson M.O. Schemes for Integrating Text and Image in the Science Textbook: Effects on Comprehension and Situational Interest // International Journal of Environmental and Science Education. 2016. Vol. 11, № 6. P. 1365–1385. DOI: 10.12973/ijese.2016.352a
  20. Piotrovskaya L.A., Trushchelev P.N. Linguistic Approach to Study of Strategies for Increasing Text-Based Interest // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS. European Publisher, 2021. Vol. 108: International Scientific and Practical Conference «Man. Society. Communication», 23–24 April, 2021 / ed. by E.V. Toropova [et al.]. P. 276–283. DOI: 10.15405/epsbs.2021.05.02.33
  21. Piotrovskaya L.A., Trushchelev P.N. Communicating recipient's emotions: Text-triggered interest // Training, Language and Culture. 2022. Vol. 6, № 1. P. 60–74. DOI: 10.22363/2521-442X-2022-6-1-60-74
  22. Renninger K.A., Hidi S.E. Interest development, self-related information processing, and practice // Theory into practice. 2022. Vol. 61, № 1. P. 23–34. DOI: 10.1080/00405841.2021.1932159
  23. Renninger K.A., Bachrach J.E., Hidi S.E. Triggering and maintaining interest in early phases of interest development // Learning, Culture and Social Interaction. 2019. Vol. 23. P. 100260. DOI: 10.1016/j.lcsi.2018.11.007
  24. Schiefele U., Löweke S. The Nature, Development, and Effects of Elementary Students' Reading Motivation Profiles // Reading Research Quarterly. 2017. Vol. 53, № 4. P. 405–421. DOI: 10.1002/rrq.201
  25. Shin J., Chang Y., Kim Y. Effects of Expository-Text Structures on Text-Based Interest, Comprehension, and Memory // The SNU Journal of Education Research. 2016. Vol. 25, № 2. P. 39–57.
  26. Silvia P.J. Exploring the Psychology of Interest. N.Y.: Oxford University Press, 2006. 264 p.
  27. Sung B., Vanman E.J., Hartley N., Phau Ia. The emotion of interest and its relevance to consumer psychology and behaviour // Australasian Marketing Journal. 2016. Vol. 24, № 4. P. 337–343. DOI: 10.1016/j.ausmj.2016.11.005
  28. Wade S.E. Research on Importance and Interest: Implications for Curriculum Development and Future Research // Educational Psychology Review. 2001. Vol. 13, № 3. P. 243–261. DOI: 10.1023/A:1016623806093

*Приложение*

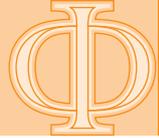
### **Инструкции по оценке стимульных текстов с помощью признаковых шкал**

С помощью цифр оцените и **выразите свое отношение** к прочитанному тексту следующим образом.

- Если Ваша оценка **полностью совпадает** с левым словом, обведите цифру «1».
- Если Ваша оценка полностью совпадает с правым словом, обведите цифру «7».
- Если Ваша оценка **менее тесно связана** с левым словом, обведите цифру «2».
- Если Ваша оценка менее тесно связана с правым словом, обведите цифру «6».
- Если Ваша оценка лишь **немного связана** с левым словом, обведите цифру «3».
- Если Ваша оценка лишь немного связана с правым словом, обведите цифру «5».
- Если ваша оценка **нейтральна**, или оба признака одинаково выражают вашу оценку, или вам кажется, что данные признаки не существенны для оценки текста, обведите цифру «4».

### **Сведения об авторе**

Трущелёв Павел Николаевич – аспирант кафедры русского языка, ассистент кафедры русского языка, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена; e-mail: paveltrue2007@rambler.ru



DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2022-20-3-132>

## PROBLEM-BASED EXPOSITION IN TEXTBOOKS AND READERS' INTEREST

**P. Trushchelev (St. Petersburg, Russia)**

### **Abstract**

*Statement of the problem.* The article deals with the impact of interest-evoking strategies school textbooks employ on readers' interest.

*The purpose of the study.* The article aim is to experimentally test the emotional impact of problem-based exposition and conceptualize it from the pragmalinguistic perspective.

*Methodology (materials and methods).* Text material is four expository texts, including different problematization means, from (Russian) Physics textbooks for secondary schools (7–8th grades). The subjects are 124 8<sup>th</sup>-grade students at secondary schools in St. Petersburg, Russia. The method of semantic scaling was used for the experiment study, and the relevant methods of mathematical statistics for data processing.

*Research results.* The obtained results show obvious evidence that problem-based exposition increases text-based interest. It was found that the text structure and rhetorical performance were the main predictor of readers' interest.

*Conclusions.* Problematization is an effective way a school textbook can produce an impact on readers' interest. However, within didactic communication, problematization might not have essential role in triggering interest and only maintain interest.

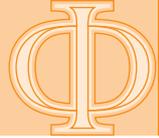
*Author's contribution.* The concept of the article, its theoretical comprehension and experimental implementation belongs to the authors of the article.

**Keywords:** *interest, problem-based exposition, problematization, expository text, textbook, emotiogenicity.*

### **References**

1. Akopyan K.S. The dialogic particle VED': semantics and pragmatics. In: Russkii yazyk i literatura v nauchnoi paradigme XXI veka; ed. by P.B. Balayan. Erevan: Erevan University Publ., 2011. P. 12–19.
2. Gendenshtein L.E. The anatomy of interest. In: Narodnoe obrazovanie. 2005. No. 7. P. 120–126.
3. Piotrovskaya L.A., Trushchelev P.N. What makes a text interesting? Interest-evoking strategies in expository text from Russian school textbooks. In: Russian Journal of Linguistics. 2020. Vol. 24, No. 4. P. 991–1016. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-4-991-1016
4. Piotrovskaya L., Trushchelev P. An Experimental Investigation of Text Emotiogenicity (formation of interest in a school text). In: Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences. 2019. No 192. P. 112–123.
5. Piotrovskaya L.A., Trushchelev P.N. The effect of expository text structure on text-based interest: Problem-based exposition (the linguistic aspect). In: Vestnik of St Petersburg University. Language and Literature. 2021. Vol. 18, No. 4. P. 792–809. DOI: 10.21638/spbu09.2021.410
6. Talanina A.A. Lecture Genre in Educational and Scientific Discourse. PhD theses abstract. Arkhangelsk, 2021. 20 p.
7. Uryson E.V. Describing semantics of conjunctions. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2011. 336 p.

8. Ainley M. Interest: Knowns, Unknowns, and Basic Processes. In: *The Science of Interest*; ed. by P.A. O’Keefe. N.Y.: Springer, 2017. P. 3–26. DOI: 10.1007/978-3-319-55509-6\_1
9. Behnke Y. Textbook Effects and Efficacy. In: *The Palgrave handbook of textbook studies*; ed. by E. Fuchs, A. Bock. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2018. P. 383–398. DOI: 10.1057/978-1-137-53142-1\_28
10. Harp S.F., Mayer R.E. The role of interest in learning from scientific text and illustrations: On the distinction between emotional interest and cognitive interest. In: *Journal of educational psychology*. 1997. Vol. 89, No. 1. P. 92–102. DOI: 10.1037/0022-0663.89.1.92
11. Hidi S., Baird W. Strategies for Increasing Text-Based Interest and Students’ Recall of Expository Texts. In: *Reading Research Quarterly*. 1988. Vol. 23, No. 4. P. 465–483. DOI: 10.2307/747644
12. Iran-Nejad A. Cognitive and Affective Causes of Interest and Liking. In: *Journal of Educational Psychology*. 1987. Vol. 79, No. 2. P. 120–130. DOI: 10.1037/0022-0663.79.2.120
13. Izard C.E. Basic Emotions, Natural Kinds, Emotion Schemas, and a New Paradigm. In: *Perspectives on Psychological Science*. 2007. No. 2. P. 260–280. DOI: 10.1111/j.1745-6916.2007.00044.x
14. Lepper C., Stang J., McElvany N. Gender Differences in Text-Based Interest: Text Characteristics as Underlying Variables. In: *Reading Research Quarterly*. 2021. URL: <https://ila.onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1002/rrq.420> (access date: 20.06.2020). DOI: 10.1002/rrq.420
15. Markey A., Loewenstein G. Curiosity. In: *International Handbook of Emotions in Education*; ed. by R. Pekrun, L. Linnenbrink-Garcia. N.Y.; London: Routledge, 2014. P. 228–245.
16. Makkonen-Craig H. Aspects of dialogicity: Exploring dynamic interrelations in written discourse. In: *Analysing text and talk*; ed. by A.-M. Karlsson. Uppsala: Uppsala universitet, 2018. P. 99–120.
17. Mikk J. *Textbook: Research and Writing*. Frankfurt am Main; Berlin; Bern; Bruxelles; N.Y.; Oxford; Wein: Peter Lang, 2000. 428 p.
18. Monica S., Badeni B., Arsyad S., Kristiawan M., Khairi A. The Effect of Text Feature Walks Strategy and Reading Interest on High School Students’ Reading Comprehension of Expository Text. In: *Budapest International Research and Critics Institute (BIRCI-Journal): Humanities and Social Sciences*. 2022. Vol. 5, No. 1. P. 853–862. DOI: 10.33258/birci.v5i1.3682
19. Peterson M.O. Schemes for Integrating Text and Image in the Science Textbook: Effects on Comprehension and Situational Interest. In: *International Journal of Environmental and Science Education*. 2016. Vol. 11, No. 6. P. 1365–1385. DOI: 10.12973/ijese.2016.352a
20. Piotrovskaya L.A., Trushchelev P.N. Linguistic Approach To Study Of Strategies For Increasing Text-Based Interest. In: *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS: International Scientific and Practical Conference, Veliky Novgorod, April 23–24, 2020*. European Publisher, 2021. P. 276–283. DOI: 10.15405/epsbs.2021.05.02.33
21. Piotrovskaya L.A., Trushchelev P.N. Communicating recipient’s emotions: Text-triggered interest. In: *Training, Language and Culture*. 2022. Vol. 6, No 1. P. 60–74. DOI: 10.22363/2521-442X-2022-6-1-60-74
22. Renninger K.A., Hidi S.E. Interest development, self-related information processing, and practice. In: *Theory into practice*. 2022. Vol. 61, No. 1. P. 23–34. DOI: 10.1080/00405841.2021.1932159
23. Renninger K.A., Bachrach J.E., Hidi S.E. Triggering and maintaining interest in early phases of interest development. In: *Learning, Culture and Social Interaction*. 2019. Vol. 23. P. 100260. DOI: 10.1016/j.lcsi.2018.11.007
24. Schiefele U., Löweke S. The Nature, Development, and Effects of Elementary Students’ Reading Motivation Profiles. In: *Reading Research Quarterly*. 2017. Vol. 53, No. 4. P. 405–421. DOI: 10.1002/rrq.201
25. Shin J., Chang Y., Kim Y. Effects of Expository-Text Structures on Text-Based Interest, Comprehension, and Memory. In: *The SNU Journal of Education Research*. 2016. Vol. 25, No. 2. P. 39–57.



26. Silvia P.J. Exploring the Psychology of Interest. N.Y.: Oxford University Press, 2006. 264 p.
27. Sung B., Vanman E.J., Hartley N., Phau Ia. The emotion of interest and its relevance to consumer psychology and behaviour. In: Australasian Marketing Journal. 2016. Vol. 24, No. 4. P. 337–343. DOI: 10.1016/j.ausmj.2016.11.005
28. Wade S.E. Research on Importance and Interest: Implications for Curriculum Development and Future Research. In: Educational Psychology Review. 2001. Vol. 13, No. 3. P. 243–261. DOI: 10.1023/A:1016623806093

### **About the author**

Trushchelev Pavel Nikolaevich – PhD Candidate, Assistant, Department of Russian Language, Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg, Russia); e-mail: [paveltrue2007@rambler.ru](mailto:paveltrue2007@rambler.ru)

## ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

### Правила оформления и требования к рукописям статей

К рассмотрению (рецензированию) допускаются рукописи, соответствующие приведенным ниже требованиям.

1. Рукописи статей необходимо оформлять в соответствии с международными профессиональными требованиями к научной статье: объемом не менее 0,5 печатного листа (от 20 000 до 40 000 знаков), шрифт Times New Roman, кегль 14, интервал 1,5.

2. Текст рукописи статьи должен иметь следующую структуру: постановка проблемы, цель статьи, обзор научной литературы по проблеме, методология (материалы и методы), результаты исследования, заключение (выводы в соответствии с целью статьи, авторский вклад).

3. При цитировании обязательно указание ссылок на *все* источники из библиографического списка: «...» [Иванов, 2017, с. 119].

4. Таблицы, рисунки и графики оформляются в тексте статьи и отдельным файлом. *Просьба в названии файлов указывать свою фамилию («Иванов\_статья», «Иванов\_таблица»).*

Названия таблиц, рисунков *обязательно сопровождаются переводом на английский язык*, что позволяет повысить читаемость статей для зарубежных авторов.

5. К рукописи статьи (в том же файле) прилагаются публикуемые сведения *на русском и английском языках:*

*заглавие* \_\_\_\_\_ – содержит название статьи, инициалы и фамилию автора/авторов, УДК;

*адресные сведения об авторе* – указываются место работы, занимаемая должность, ученая степень, почтовый рабочий адрес с индексом города, страна, адрес электронной почты (*все сведения предоставляются полностью без сокращений*);

*аннотация статьи* – краткое изложение основного содержания статьи и ее обобщающих результатов (не более 200 слов / 1500 знаков).

*Требования к содержанию и структуре аннотации*

В аннотации сохраняется структура статьи очень кратко: постановка проблемы, цель статьи, обзор научной литературы по проблеме, методология (материалы и методы), результаты исследования, выводы в соответствии с целью статьи, авторский вклад. Соответственно на английском языке: problem statement, purpose of the article, review of scientific literature on the problem, methodology (materials and methods), research results, conclusions in accordance with the purpose of the article, author's contribution;

*ключевые слова* (10–15);

*пристатейный список литературы* – научные статьи, монографии, из них желательно статьи из зарубежных (Scopus, Web Of Science) журналов за последние 3–5 лет с указанием DOI для всех источников при его наличии – оформляется в алфавитном порядке в соответствии с требованиями

ГОСТ Р 7.0.5–2008 и международными стандартами, принятыми редакцией (перевод на английский язык);

данные по каждому источнику предоставляются в соответствии с оригинальным *переводом* названия статьи, названием журнала, в т.ч. и транслитерации фамилий авторов; ссылки в тексте оформляются в квадратных скобках, содержат фамилию (фамилии) автора, год издания и страницы цитируемой работы. Ссылки на другие виды источников (архивную, нормативную, публицистическую, справочную, учебно-методическую литературу, словари, авторефераты диссертаций...) оформляются внутри текста статьи подстрочными ссылками.

### **Сопроводительные сведения к статье (в одном файле со статьей)**

I. Библиографический список на русском языке и References.

II. На английском языке:

*И.О.Ф. автора*

*Название статьи*

*Аннотация*

*Ключевые слова*

III. Сведения об авторе и контактная информация на русском и английском языках.

### **ОБРАЗЕЦ**

УДК 378

#### **НОВЫЕ СТАНДАРТЫ – НОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ И ТЕХНОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ**

**А.Г. Сидорова (Красноярск, Россия)**

**Аннотация**

**Ключевые слова**

Текст

.....

#### **Библиографический список**

1. Зимняя И.А. Компетентностный подход. Каково его место в системе современных подходов к проблемам образования? (Теоретико-методологический аспект) // Высшее образование сегодня. 2006. № 8. С. 20–26. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21594618> (дата обращения: 20.10.2019).

2. Романов Р.В. Методология и теория инновационного развития высшего образования в России: монография. М.: ИНФРА-М, 2016. 302 с. DOI: 10.12737/17756

3. Трансформация высшего образования: кейсы российской магистратуры: монография / отв. ред. А.В. Гармонова, Е.А. Савеленок. М.: МАКС Пресс, 2020. 244 с. DOI: 10.29003/m1378.978-5-317-06396-2

4. Shershneva V.A., Shkerina L.V., Sidorov V.N., Sidorova T.V., Safonov K.V. Contemporary Didactics in Higher Education in Russia. In: European Journal of Contemporary Education. 2016. Vol. 17. P. 357–367. DOI: 10.13187/ejced.2016.17.357 www.ejournal1.com

### Сведения об авторе на русском языке

---

#### NEW STANDARDS – NEW CONTENT AND TECHNOLOGY EDUCATION A.G. Sidorova (Krasnoyarsk, Russia)

**Annotation** (английский перевод аннотации)

**Keywords** (английский перевод ключевых слов)

**References** (перевод на английский)

1. Lustig M.V., Koester J. Intercultural competence: Interpersonal communication across cultures. 6th ed. Boston: Pearson Education Inc., 2010. 388 p.
2. Plotnikova S.N. The role of interpretative discourse in the organization of communication community. In: Russian Philology and Comparative Studies: international collection of scientific papers on philology. Moscow: Knigodel, 2019. Is. 13. P. 304–312. DOI: 10.25688/2619-0656.2019.13.20

**Ссылка на интернет-ресурс оформляется следующим образом:**

URL: <http://www.apastyle.org/apa-style-help.aspx> (access date: 05.02.2011).

#### About the author

Spiridonova Galina Sergeevna – Candidate of Philology, associate professor of the Russian Language and Teaching Methodology Department, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev; e-mail:

*Научное периодическое электронное сетевое издание*

**СИБИРСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФОРУМ  
КРАСНОЯРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА  
им. В.П. АСТАФЬЕВА**

**2022. № 3 (20)**

***Журнал***

**Редактор** М.А. Исакова  
**Корректор** Ж.В. Козупица  
**Редактор английского текста** Т.М. Софронова  
**Технический редактор** В.В. Ингул  
**Верстка** Н.С. Хасаншина

660049, Красноярск, ул. А. Лебедевой, 89.  
Редакционно-издательский отдел КГПУ им. В.П. Астафьева,  
т. 8(391) 217-17-82

Подготовлено к изданию 27.09.22.  
Формат 60x84 1/8.  
Усл. печ. л. 21,25